

На правах рукописи

Квачев Вадим Григорьевич

**ОБРАЗ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ
СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ**

специальность 22.00.04 – социальная структура, социальные институты
и процессы

Диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических
наук

Научный руководитель:

д.ф.н., профессор Клементьев Д.С.

Москва, 2015 г.

Оглавление

Оглавление	1
Введение.....	2
Глава 1. Социальная интеграция и образ государственной власти	15
1.1. Классические подходы к социальной интеграции	15
1.2. Социальная интеграция: современная социологическая концепция	28
1.3. Государственная власть, социальная интеграция и идентичность.....	50
1.4. Образ государственной власти в роли инструмента социальной интеграции.....	67
Глава 2. Образ государственной власти в России	93
2.1. Ситуации испытания и ключевые особенности российского образа государственной власти	93
2.2. Идентичность и социальная интеграция в России	128
2.3. Основные противоречия образа государственной власти в России....	137
Заключение	146
Список литературы	150
Приложение 1. Интерпретация ситуации испытания.....	175
Приложение 2. Опросная анкета	176

Введение

Актуальность темы исследования

Единство общества является одной из важнейших тем социологической науки, а проблема социальной интеграции всегда была значимым объектом интереса для социологов: социальную интеграцию исследовали как представители классических школ, так и современных направлений, как представители «социологии равновесия», так и сторонники «конфликтных» теорий общества. Сегодня, как указывает А.Б. Гофман, понимание важности социальной интеграции возвращается в социологию¹.

Особую значимость изучение социальной интеграции приобретает в современной отечественной социологии, поскольку проблема единства общества актуальна для нашей страны. Трансформационные процессы в постсоветский период коренным образом затронули социальную структуру российского общества: разрушились устоявшиеся социальные группы и общности, произошла индивидуализация общества, остро встала проблема социальной интеграции.

Однако эта ситуация наблюдается не только в России, она характерна для современного мира в целом. Современные общества уже не представляют собой жесткие иерархические сословные или классовые системы. Устройство современного общества характеризуется нелинейным и неиерархическим способом организации взаимосвязанной целостности. Разумеется, это не значит, что общество становится неуправляемым – изменяется лишь характер управления. Современное государство пытается

¹ Гофман А.Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социальная солидарность и альтруизм: Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования. М., 2014.

воздействовать на общество с помощью косвенных методов, в том числе через влияние на социальную интеграцию.

В современном обществе социальная интеграция носит характер децентрализованного процесса, единство воспроизводится во множестве взаимодействий и коммуникаций в конкретных ситуациях. Многомерный и децентрализованный характер современного общества предопределяет недостаточность командных методов воздействия государства на интеграционные процессы. Современное государство активно применяет различные методы для того, чтобы воздействовать на социальные процессы косвенно, через влияние на культурно-символические структуры.

Изучение технологий влияния на общество посредством воздействия на культуру в современной социологической науке является одним из актуальнейших направлений развития социологии. Поиск культурных оснований социальной интеграции общества производится в рамках современной культурсоциологической концепции общества, в которой эти основания социальной интеграции рассматриваются как базовые для достижения единства общества.

Образ государственной власти рассматривается в настоящей работе именно как культурная категория, как отражение в общественных представлениях тех или иных свойств и действий государства. Образ государственной власти приобретает в настоящее время все большее значение не только с позиций выстраивания имиджа государства на международной арене, но и как инструмент влияния государства внутри страны. Государство стремится влиять на образ государственной власти, который становится инструментом воздействия на общественные процессы. Власти демонстрируют через символические инструменты те или иные намерения государства, конструируют в общественном сознании установки по отношению к государству, способствующие легитимации государственной власти, стимулируют социальную интеграцию. С помощью

этих техник образ государственной власти становится инструментом, призванным укреплять социальный порядок и единство общества.

Одновременно с социальными науками поиск оснований, которые могли бы стать базой для единства общества, ведет и государство: об этом свидетельствует растущий интерес властей к теме базовых ценностей (традиционных ценностей, духовных скреп и т.п.) российского общества – например, можно вспомнить подписанные Президентом в 2014 году «Основы государственной культурной политики»². Эти поиски позволяют говорить о том, что настоящая работа актуальна не только в сугубо научном, но и в прикладном ключе, поскольку на основе предложенного в диссертационном исследовании метода возможно формирование конкретных рекомендаций по стимулированию социальной интеграции с помощью использования такого инструмента, как образ государственной власти.

Степень разработанности проблемы

Постановка проблемы социальной интеграции относится к периоду зарождения социальных наук. В той или иной мере эта проблема затрагивалась в классических трудах Т. Гоббса и Дж. Локка³. На раннем этапе развития социологической мысли к теме социальной интеграции обращались Э. Гиддингс и Г. Спенсер⁴.

Нормативная теория единства общества, которая предполагает, что социальная интеграция основана на солидаризации общества на основе совместных ценностей или «моральных чувств», развивалась в трудах Э.

² Утверждены Основы государственной культурной политики / Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47325> (09.04.2015)

³ Гоббс Т. Левиафан. М.: Изд-во «Мысль», 2001; Локк Дж. Два трактата о правлении / Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988.

⁴ Гиддингс Э. Основания социологии: анализ явлений ассоциации и социальной организации. М.: КРАСАНД, 2012; Спенсер Г. Основания социологии: Данные социологии. Индукция социологии. М.: книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.

Дюркгейма, П. Сорокина, М. Вебера⁵. Позднее на ее основе сформировались теории Т. Парсонса, Э. Гидденса, Р. Мертон⁶, которые развивали понимание социальной интеграции в структурно-функциональном ключе.

В XIX веке сформировалась критическая парадигма социальной интеграции, главным образом в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса⁷, которые впервые рассматривали единство общества как результат господства одних классов над другими. Эту перспективу в рамках неомарксизма развивали А. Грамши, Д. Лукач, Л. Альтюссер, С. Жижек⁸, в контексте изучения конфликтов – Р. Дарендорф и Л. Козер⁹, с использованием методологии дискурсивного анализа – Э. Лакло и Ш. Муфф, Н. Фэркло, Т. ван Дейк¹⁰.

В социологии неоднократно предпринимались попытки интеграции конфликтной и нормативной парадигм социальной интеграции. Среди таких

⁵ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, назначение. М.: ТЕПРА Книжный клуб, 2008.; Сорокин П. Система социологии. М.: Астрель, 2008; Вебер М. Основные понятия стратификации. (15.02.2015) URL: http://ecsocman.hse.ru/data/254/578/1217/020_veber.pdf (15.02.2015); Weber M. Economy and Society. London, University of California Press, 1978..

⁶ Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998; Гидденс Э. Стратификация и классовая структура. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/809/658/1216/011.GIDDENS.pdf> (24.02.2015); Р. Мертон. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1955; Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // По изданию: Маркс К., Энгельс Ф.; Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. М.: «Политиздат», 1986.

⁸ Грамши А. Тюремные тетради / Грамши А. Искусство и политика: В 2-х т. Т. 1. М.: Искусство, 1991.; Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. №3(77). 2011. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html>; Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М.: Логос-Альтера, 2003; Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999.

⁹ Козер Л. Функции социального конфликта // Американская социологическая мысль. М., 1996; Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. №5, 1994; Collins R. Conflict Sociology. Conflict Sociology: A Sociological Classic Updated. Abridged and updated by Stephen K. Sanderson. Boulder CO: Paradigm Publishers, 2009.

¹⁰ Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London: Verso, 2001.; Fairclough N. Language and Power. Harlow: Person Education Ltd., 2001; Дейк Т. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013.

попыток можно особо выделить работы П. Штомпки, П. Бурдьё, Ю. Хабермаса, П. Блау, Р. Коллинз¹¹.

Современные концепции единства общества и социальной интеграции связаны с неоструктуралистскими исследованиями, делающими акцент на культурные макроструктуры (Дж. Александер, Р. Айерман, П. Штомпка; Н. Смелзер и др.)¹², и с «теорией практик», которая стремится изучать социальную интеграцию как динамическое воспроизводство единства во множестве ситуаций (Л. Болтански и Л. Тевено, Б. Латур)¹³.

Проблеме влияния на социальную интеграцию и идентичность новейших глобальных факторов посвятили свои труды Дж. Урри, К. Кастельс, А. Горц, У. Бек¹⁴. Особенности формирования общности на основе социального воображения изучались в работах К. Касториадиса, А. Аппадурай, Б. Андерсона¹⁵. С точки зрения анализа роли идентичности в

¹¹ *Штомпка П.* Понятие социальной структуры. Попытка обобщения. Социологические исследования. № 9, 2001.; *Бурдьё П.* Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.; *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2006.; *Blau P.* Structural effects // *American Sociological Review*. Vol. 25, №2 Apr., 1960.; *Collins R.* Conflict Sociology. Conflict Sociology: A Sociological Classic Updated. Abridged and updated by Stephen K. Sanderson. Boulder CO: Paradigm Publishers, 2009.

¹² *Александер Дж.* Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М.: Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2013.; *Александер Дж.* Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. №3.; *Cultural Trauma and Collective Identity / by Alexander, J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P., Wittrock B.* London: University of California Press, 2004.

¹³ *Болтански Л. Тевено Т.* Критика и обоснование справедливости: Очерки социология градов. М.: Новое литературное обозрение, 2013.; *Болтански Л., Тевено Л.* Социология критической способности. Журнал социологии и социальной антропологии. Том III. № 3. 2000.; *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014.

¹⁴ *Урри Дж.* Социология за пределами обществ: виды мобильности XXI столетия. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012; *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000; *Горц А.* Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Изд. Дом. Гос. Ун-та – Высшей школы экономики, 2010; *Бек У.* Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001.

¹⁵ *Касториадис, К.* Воображаемое установление общества. М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 2003.; *Appadurai A.* Modernity At Large: Cultural Dimensions of

формировании единства общества можно отметить труды Э. Хобсбаума, П. Бергера и Т. Лукмана, Р. Брубейкера, Ф. Барта, И. Валлерстайна и Э. Балибара, А.П. Козна, Р.Х. Томпсона, К. Вудвард, Дж. Джозефа, Э. Геллена, А. Д. Смита¹⁶. В отечественной науке проблемам идентичности посвящены работы О.Ю. Малиновой, Л.М. Дробижевой, С.П. Перегудова, М.К. Горшкова, О.В. Головашиной, Ю.В. Ставропольского, М.Ф. Черныш, А.Б. Гофмана, В.А. Ядова, Ю.П. Зарецкого, И.С. Семененко, В.А. Тишкова¹⁷.

Globalization. Minneapolis, 1996.; *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

¹⁶; Balibar E., Wallerstein I. Race, nation, class. London: Verso, 1991.; Cohen A.P. Boundary consciousness: Politicizing Cultural Identity // The frontiers of Europe. London: Wellington House, 1998.; Thompson R.H. Theories of Ethnicity: A Critical Appraisal. New York : Greenwood Press, 1989.; Джозеф Дж. Язык и национальная идентичность // Логос, 2005. 4(49). С.21-47.; Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.; Smith A. D. The theories of nationalism. New York: Harper and Row, 1971.; Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. М.: Издательство «Алетейя», 1998.; *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995; *Брубейкер Р.* Этничность без групп. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012; *Barth F.* Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Cultural Difference. London: Allen & Unwin, 1969; Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сборник статей / под ред. Ф. Барта. М.: Новое издательство, 2006.

¹⁷ *Малинова О.Ю.* Конструирование смыслов: Исследование символической политики современной России: монография. М., 2013.; *Дробижева Л.М.* Российская идентичность и согласие в межэтнических отношениях: опыт 20 лет реформ // Вестник российской нации. 2012.Т. 24-25. №4-5. С.17-34.; *Перегудов С.П.* Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации российского государства // Полис. 2011. № 3. С. 141-163.; *Перегудов С.П.* «Русский вопрос» в контексте этнонациональных отношений в РФ. - Полис. Политические исследования. 2013. № 3. С. 74-86; *Горшков М. К.* Российская идентичность в контексте западноевропейской культуры // Власть. 2013. №1. С. 9-14.; *Головашина О.В.* Национальная идентичность в России: базовая модель // Fractal Simulation. 2011. №2. С.64-73.; *Головашина О.В.* Русские не хотят становиться россиянами: перспективы формирования государственной нации в России // Ineternum. 2011. №2. С. 56-62.; *Ставропольский Ю.В.* Социология этнокультурной идентичности в поликультурном обществе. М.: Издательство «Перо», 2015.; *Черныш М.Ф.* Национальная идентичность: особенности эволюции // Социологический журнал. 1995.№2. С.110-114.; *Гофман А.Б.* В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность // Вопросы социальной теории. 2010. Том IV. С. 241-254. *Ядов В.А.* Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. №1. С.35-52; *Зарецкий Ю.П.* История, память, национальная идентичность // Неприкосновенный запас. 2008. №3. С. 39-48; *Семененко И.С.* Дилеммы национальной идентичности: политические риски и социальные приобретения // Полис. 2009. №6. С.8-23.; *Тишков В.А.* О нации и национализме. Свободная мысль. 1996. № 3.

Понятия государства и образа государственной власти раскрывались в работах отечественных ученых: С. И. Рыженкова, В.И.Спиридоновой, Н.А. Романович, А.В. Федякина, Б.Б. Родомана, Г.В. Пушкаревой, В.Б. Пастухова, О.В. Хархордина, Т.Е. Ворожейкиной, Л.С. Мамут, О.Ю. Малиновой, Л.Е. Гринина, Е.Б. Шестопа, С.В. Санникова¹⁸.

Цель и задачи исследования

Цель исследования – изучение роли образа государственной власти в процессе социальной интеграции, а также анализ возможностей использования образа государственной власти в качестве инструмента социальной интеграции.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи:

1. На основе анализа различных подходов к понятию социальной интеграции выработать соответствующую цели работы концептуальную

¹⁸ Рыженков С.И. Локальные режимы и «вертикаль власти» // Неприкосновенный запас. 2010. №2 (70).; Федякин А.В. Образ государства: теоретико-методологические аспекты / Аспекты: Сб. ст. по филос. проблемам истории и современности. Вып. III. М.: Современные тетради, 2005.; Родоман Б.Б. Образы государства, внедряемые в массовое сознание // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 1997.; Пушкарева Г.В. Homo politicus: человек политический. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2014.; Пастухов В.Б. Россия в поисках «нового времени» // Общественные науки и современность. 2012. №1. С.56-68.; Хархордин О.В. Что такое «государство»? Русский термин в европейском контексте // Понятие государства в четырех языках: Сб. статей / Под ред. О. Хархордина. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2002.; Ворожейкина Т.Е. Государство и общество в России исчерпание государственно-центричной матрицы развития // Полис (Политические исследования). 2002. №2. С.34-42.; Спиридонова В.И. Эволюция идеи государства в западной и российской социально-философской мысли. М.: ИФ РАН, 2008; Романович Н.А. Образ власти: противоречия традиционной и современной моделей // Вестник ВГУ, Серия: История, политология, социология. №2, 2009; Мамут Л.С. Образ государства как алгоритм политического поведения // Общественные науки и современность. №6, 1998; Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики современной России: монография. М., 2013; Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому. М., 2007; Шестопа Е.Б. Образы российской власти: От Ельцина до Путина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.; Санников С.В. Образы королевской власти эпохи великого переселения народов в западноевропейской историографии VI века. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011.

базу. Проанализировать роль идентичности в процессе социальной интеграции.

2. Проанализировать основные подходы к изучению образа государственной власти, выработать теоретико-методологическую модель его исследования.

3. Построить на основе методологии Л. Болтански и Л. Тевено по изучению «ситуаций испытания» – обстоятельств, в которых появляется необходимость согласования совместных интерпретаций – модель изучения проявляющихся в данных ситуациях представлений, входящих в образ государственной власти.

4. Выявить влияние «групп носителей» – коллективных субъектов, в роли которых выступают различные социальные группы, стремящиеся универсализировать присущие им совместные представления – на образ государственной власти. Описать технологию работы «спирали означения», с помощью которой распространяются присущие «группам носителей» представления.

5. Изучить проявления образа государственной власти в современной России в «ситуациях испытания», установить взаимосвязь представлений, входящих в образ государственной власти, с идентичностью, а также изучить основные противоречия образа государственной власти в России.

Объект и предмет исследования

Объектом настоящего исследования является образ государственной власти в России. Предметом настоящего исследования является социально интегрирующая функция образа государственной власти.

Гипотеза исследования

Образ государственной власти – культурная структура, проявляющаяся во множестве конкретных «ситуаций испытания», в которых достигаются согласованные интерпретации характеристик и действий государственной власти. Образ государственной власти становится инструментом социальной интеграции, когда «группы носителей» распространяют присущие им представления о государственной власти на тех, кто участвует в интерпретации «ситуаций испытания».

Научная новизна исследования

В результате проведения данного исследования:

1. Предложено изучение социальной интеграции как динамического единства, достигаемого в ходе согласования интерпретаций и социальных практик в «ситуациях испытания».

2. Образ государственной власти рассмотрен через призму культурсоциологического подхода как культурная структура, проявляющаяся во множестве социальных «ситуаций испытания».

3. Выстроена модель влияния образа государственной власти на общество как интегрирующего механизма, основанная на индуктивном анализе «ситуаций испытания» и различных проявлениях в них образа государственной власти. Изучено воспроизводство социально интегрирующих образов государственной власти в «ситуациях испытания», влияние этого воспроизводства на формирование национально-государственной идентичности.

4. Разработанная методология исследования применена для анализа российского общества. Исследован образ государственной власти в России, в том числе выделены основные «ситуации испытания», в которых происходит

проявление образа государственной власти, его базовые характеристики и противоречия.

Теоретическая и практическая значимость работы

В настоящей работе разрабатывается теоретико-методологический инструментарий для анализа влияния образа государственной власти на социальную интеграцию. Данное исследование синтезирует накопленные в социологии знания в области социальной интеграции и связывает их с понятием образа государственной власти, выработанным на основе анализа различных подходов. Предлагается изучать данные явления через призму изучения конкретных проявлений образа государственной власти в социальных «ситуациях испытания».

Предложенный инструментарий может быть использована при принятии государственных, управленческих решений, например, для выработки отдельных аспектов культурной политики, политики в сфере информации и коммуникаций, продвижения образа России, стимулирования интеграционных процессов. Систематизированные знания, изложенные в настоящей работе, могут быть использованы при преподавании курсов «Общая социология», «Социальная структура и социальная стратификация», «Социология культуры», «Современные социологические теории» и других.

Положения, выносимые на защиту

1. Социальная интеграция рассматривается в работе как процесс достижения сложного динамического единства посредством универсализации практик интерпретации через их согласование в конкретных ситуациях («ситуациях испытания»). Социальная интеграция при этом опирается на идентичность, которая понимается как чувство принадлежности к национально-государственному сообществу.

2. Образ государственной власти понимается в работе как комплекс представлений, содержащих в себе идеи о государстве, его сущности, механизмах функционирования и властвования, взаимодействии государства и общества. Образ государственной власти целесообразно изучать через анализ «ситуаций испытания», поскольку именно в этих ситуациях его проявления непосредственно реализуются как интерпретации конкретных действий государства.

3. Образ государственной власти, проявляясь в «ситуациях испытания», становится для «групп носителей» (коллективных субъектов воздействия, которые обладают артикулированными представлениями и стремятся распространить их на другие социальные группы) инструментом социальной интеграции, с помощью которого можно влиять на социальные процессы.

4. «Группы носителей» способствуют или препятствуют распространению тех или иных образов государственной власти, используя технику «спирали означения» – распространение присущих группе носителей представлений на другие социальные группы с помощью их универсализации в качестве всеобщих, общезначимых представлений.

5. Российский образ государственной власти складывается из представлений, формирующихся в «ситуациях испытания», и включающих в себя различные ситуации, в которых происходят интерпретации тех или иных действий или особенностей российской власти. В результате анализа «ситуаций испытания» выявлены основные тренды российского образа государственной власти: персонализм, центризм, демократизм, патернализм, ориентация на сильное и социальное государство, недоверие к государственной власти и некоторые другие представления. К основным противоречиям российского образа государственной власти были отнесены дисфункциональность, которая проявляется как представление о недостаточно эффективной работе институтов государственной власти, дистанцированность власти от общества, социально-экономические

противоречия, которые создают запрос на социальное государство, обеспечивающее справедливость.

Методология исследования

Теоретико-методологическую основу диссертационного исследования составили концепции отечественных и зарубежных исследователей по проблемам социальной интеграции, исследования образа государственной власти и его влияния на социальную интеграцию, в том числе культурсоциология (Дж. Александер), «прагматическая» социология (Л. Болтански, Л. Тевено), дискурсивный анализ (Э. Лакло, Ш. Муфф) и другие. Среди отечественных методологических подходов особо отметим концепцию образов власти Е.Б. Шестопал.

При проведении диссертационного исследования использовались как социологические, так и общенаучные методы. При исследовании образа государственной власти применялся индуктивный метод, в основе которого лежит анализ различных интерпретаций конкретных эмпирических «ситуаций испытания». При систематизации информации применялись методы анализа и синтеза, сравнительный метод и метод моделирования. В процессе сбора эмпирических материалов использовался анализ данных социологических исследований: в работе использовались данные ВЦИОМ, «Левада-центра», Фонда «Общественное мнение». В диссертации также использовались данные проведенного с участием автора пилотного социологического исследования участников массовых публичных политических акций.

Степень достоверности и апробация результатов

Диссертационное исследование опирается на теоретико-методологические исследовательские подходы, широко признанные в

социологической науке. Достоверность также обеспечивается применением методов социологического анализа, подтверждением теоретических гипотез результатами проведенного анализа и эмпирическими данными социологических исследований. Основные положения, изложенные в диссертации, излагались в статьях и докладах, представленных на научных конференциях: конференция «Ломоносов» 2012 г. (тема доклада – «Государство как субъект глобальной метаборьбы между властью и капиталом»); конференция «Ломоносов» 2014 г. (тема доклада – «Образ государственной власти в современной России»); XII-ая научно-практическая конференции молодых ученых ФГУ, 2011 г. (тема доклада – «Глобальное управление и современное государство»); XI-ая Международная конференция «Государственное управление в XXI веке: повестка дня российской власти», 2013 г. (тема доклада – «Образ государственной власти во взаимодействии власти и общества»), XII-ая Международная конференция «Государственное управление: Российская Федерация в современном мире», 2014 г. (тема доклада – «Социальные ресурсы модернизации»); а также изложены автором в статьях, напечатанных в журналах рекомендованных ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры социологии управления факультета государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова.

Структура и объем диссертации

Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, приложений. Работа содержит 177 страниц текста, 4 рисунка. Список литературы включает 265 наименований. Структура работы отражает ее цели и задачи.

Глава 1. Социальная интеграция и образ государственной власти

1.1. Классические подходы к социальной интеграции

Социальную интеграцию определяют в узком смысле как степень включенности индивидов в социальные группы. В этом значении социальная интеграция рассматривается у Э. Дюркгейма при исследовании феномена самоубийства¹⁹. Эта традиция понимания социальной интеграции послужила основой для современной концепции социальной эксклюзии, которая изучает процесс ограничения доступа индивидов и целых социальных групп к «институтам интеграции»²⁰.

В более широком понимании социальную интеграцию определяют как «состояние и процесс объединения социальных явлений в единое целое, сосуществование различных элементов общества вместе, в том числе [...] как процесс гармонизации отношений между различными социальными группами»²¹. В этой перспективе социальная интеграция предстает как процесс инкорпорации не только индивидов в социальную группу, но и социальных групп в единое общество. Социальная интеграция в таком понимании рассматривается как многомерный процесс построения относительного иерархического единства общества. В этом смысле социальная интеграция в социальной группе является частным выражением более широкого процесса социальной интеграции в обществе в целом.

¹⁹ Morrison K. Marx, Durkheim, Weber: Formations of Modern Social Thought. London, 2006. P. 205-206.

²⁰ Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // Общественные науки и современность. №2. 2001. С.159.

²¹ Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Процессы интеграции и дезинтеграции в социальной структуре Российского общества // Социологические исследования. 1999. № 9. С. 22.

Социальная интеграция была темой социально-философских исследований задолго до возникновения социологии. В Средние века существовало убеждение в том, что общество должно быть объединено вокруг монарха, легитимность которого обеспечивается Божественным предопределением. В XVI-XVII вв. была выработана новая концепция социальной интеграции – предполагалось, что общество объединено в единое политическое «тело» под властью государя. В эпоху Просвещения появилась идея общественного договора, которая подразумевала, что общество является продуктом добровольной политической ассоциации индивидов с целью соблюдения собственных прав.

Теория общественного договора отличалась некоторой умозрительностью, ее предпосылка о добровольном соглашении индивидов неоднократно подвергалась сомнению. В XIX веке на смену идее общественного договора приходит представление о солидарности как о новом типе единства общества. Солидарность, или консенсус, становится базовой идеей, с помощью которой производится теоретическая реконструкция общества. Так, еще О. Конт видел залог единства общества в «моральном единстве, основанном на традиции и усилении роли государства»²². С представления консенсуса как основы общества начинается социология как наука о социальном²³. Само понятие общества в классической социологии предполагает идею консенсуса, который «конституирует» и «интегрирует» социум²⁴, то есть обеспечивает его единство.

Истоки этой идеи можно проследить еще на раннем этапе социологии, например, у Г. Спенсера. Спенсер, рассматривая общество, приходит к

²² Гофман А.Б. Социология Эмиля Дюркгейма / Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: ТЕПРА, 2008. С.28.

²³ Луман Н. Общество как социальная система. Пер. с нем./ А. Антоновский. М: Издательство «Логос». 2004. С. 23-24.

²⁴ Там же. С. 23.

выводу о том, что эволюция общества закономерно ведет к возрастанию уровня единства. При этом социальная интеграция сопровождается структурной дифференциацией самого социального организма. Спенсер формулирует само понятия общества исходя из идеи о единстве – по его мысли, простое собрание индивидов становится обществом только при кооперации индивидов, то есть ситуации, при которой они соединяют общие силы для достижения единой цели в форме «взаимной зависимости частей»²⁵.

Одной из самых значительных в социологии концепций социальной интеграции является теория Э. Дюркгейма. По Дюркгейму, «коллективное существование возможно только в целом, образованном объединением индивидов»²⁶. Согласно Дюркгейму, одним из важных признаков общности людей служит единство их представлений о чем-либо. Эти «коллективные представления», выражающие отношение к «коллективной реальности»²⁷, выступают в качестве смысловой базы, на которой основывается общность. По Дюркгейму, это «совокупность верований и чувств, общих в среднем членам одного и того же общества»²⁸.

Коллективные представления у Дюркгейма служат базой для формирования общих моральных чувств. На этой основе, в свою очередь, способствуют формированию механической солидарности. Механическая солидарность, по Дюркгейму, характерна для обществ, где слабо развито индивидуальное сознание. При механической солидарности сознания индивидов схожи, они совместно разделяют общие моральные чувства и на этом основано единство таких обществ.

²⁵ Спенсер Г. Основания социологии: Данные социологии. Индукция социологии. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 286.

²⁶ Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, назначение. М.: ТЕПРА – Книжный клуб, 2008. С. 237.

²⁷ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни / Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. / Пер. с англ., нем., фр. Сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. М.: Канон+, 1998. С. 186.

²⁸ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 80.

Дюркгейм считает, что с развитием общества механическая солидарность постепенно заменяется органической. Органическая солидарность основана на разделении труда. Последнее, в частности, несколько ослабляет совместные моральные чувства. Все меньше норм и правил становятся общеобязательными. Подобно различным частям организма в природе, индивиды в обществе органической солидарности выполняют разные функции. Таким образом, единство общества обеспечивается в большей степени функциональным распределением деятельности. В обществе органической солидарности кооперация возникает потому, что «каждый преследует свои собственные интересы»²⁹ и таким образом выполняет свою функцию в рамках социума. Сотрудничество «устанавливается само собой», а основной связью служит «абсолютно свободный обмен».

По Дюркгейму, чем сложнее общество, тем более единство органическое (как единство, достигнутое путем свободного обмена продуктами труда) приходит на смену единству механистическому (как единству коллективных представлений о реальности). Однако сам Дюркгейм в заключении книги «О разделении общественного труда» признает, что утрата коллективными представлениями («нравственностью») значения в контексте солидаризации общества – явление временное. Ученый предсказывает построение «новой» нравственности, подчеркивая, таким образом, что коллективные представления не потеряли до конца своего значения. Таким образом, коллективные представления у Дюркгейма продолжают оставаться основой интеграции общества. А.Б.Гофман, анализируя социологию Дюркгейма, замечает: ««коллективное сознание» здесь [в обществах с органической солидарностью] не исчезает, но

²⁹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С.189.

становится более общим, неопределенным и действует в неограниченной сфере»³⁰.

Коллективные представления обеспечивают формирование единой картины мира. Через совместные представления конструируется идентичность, которая становится формой различения и инкорпорации индивидов в группу. Как основа единства общества, коллективные представления связаны с соответствующими механизмами категоризации и классификации, построения идентичности и идентификации. Они способствуют воспроизводству соответствующих социальных отношений. Коллективные представления являются, таким образом, фундаментом для формирования системы различения, которая конструирует и обособляет различные общности.

Для М. Вебера существуют два типа единства группы, основанных на совместной социальной деятельности. В первом случае в основе единства лежит чувство принадлежности к группе, во втором – единство ценностей, основанных на рациональном соглашении, ассоциации³¹. Вебер исследует единство экономических, этнических и религиозных групп. Если экономическое единство, по Веберу, поддерживается законом, обычаем или неформальной конвенцией, то единство этнических и религиозных групп обеспечивается совместной верой. По Веберу, этническая группа – это группа индивидов, которые, прежде всего, разделяют субъективную веру в свое общее происхождение³². Именно представление об общности становится одной из основ, на которых формируется этнос. Подобным же образом, по мысли Вебера, формируются религиозные и политические сообщества, только в первом случае в основании общности лежит совместная вера в

³⁰ Гофман А.Б. Социология Эмиля Дюркгейма / Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: ТЕПРА, 2008. С.26.

³¹ Weber M. Economy and Society. London, University of California Press, 1978. P. 40-43.

³² Там же. P. 389.

сверхъестественное, а во втором – разделяемая система ценностей³³. Для Вебера основой единства являются не ценности или совместные чувства сами по себе, но социальные действия. Однако последние основаны на общих представлениях и не в последнюю очередь ориентируются на них. В основу социального разделения в обществе у Вебера положен «этнос», то есть «специфический образ жизни и особый, более или менее ярко выраженный взгляд на мир»³⁴. Исходя из такого понимания социального разделения ученый приходит к выводу об относительной умозрительности социальных классов, поскольку социальное действие можно рассматривать только в контексте «поведения одного или более индивидов». «Сословная, национальная или классовая общность», по Веберу, зачастую формируется на базе социального отношения, понимаемого как «поведение нескольких людей, соотнесенное по своему смыслу друг с другом»³⁵. В этой социальной общности индивиды, включенные в социальный класс, действуют рационально, осознавая необходимость взаимодействия³⁶, при этом немалую роль в определении характера социальных действий играют их ценности. Вебер с большой осторожностью оперирует обобщающими индивидов в социальные группы понятиями, для него общество как единое образование формируется под влиянием множества параметров.

П. Сорокин рассматривает общество как сложную структуру многомерных взаимодействий между индивидами и группами. Для него коллективное единство является сложным понятием, в котором играют важные роли различные природные, социальные и психологические факторы: близость в пространстве, раса и национальность, родство,

³³ Weber M. *Economy and Society*. London, University of California Press, 1978. P. 901.

³⁴ Бендикс Р. Образ общества у Макса Вебера / Вебер М. Избранное: Образ общества. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. С. 598-599.

³⁵ Вебер М. Основные социологические понятия // Западноевропейская социология XIX - начала XX веков. М., 1996. С. 455-491.

³⁶ Вебер М. Основные понятия стратификации. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/254/578/1217/020_veber.pdf (15.02.2015)

инстинкты, единство целевых и волевых устремлений индивидов, чувства, симпатии, принуждение и насилие, разделение труда³⁷. У Сорокина нет фокуса на специфически социальных механизмах интеграции, он рассматривает широкий круг факторов, способствующих формированию единства обществ. Вместе с тем, в каждом из этих факторов ученый находит социальную природу.

Наследие Э.Дюркгейма, М. Вебера и П. Сорокина сыграло важную роль в построении теории единства общества в более поздних теориях. Одним из наиболее значимых в социологии подходов к изучению единства общества стала теория Т. Парсонса.

Парсонс называет основой единства общества или социальной группы ценности, которые он определяет как «представления о желаемом типе социальной системы» и которые выполняют «функции по сохранению и воспроизводству образца»³⁸. Отдельно Парсонс оговаривается, ссылаясь на Дюркгейма, что под ценностями он понимает «особую форму коллективных представлений»³⁹. Согласно теории ученого, ценности обязывают приверженцев поступать в соответствии с разделяемыми представлениями и создают объединения действующих совместно индивидов (Парсонс называет их «ценностно обоснованными объединениями»). При этом само существование этих объединений легитимировано ценностями, разделяемыми их членами⁴⁰.

Но как понять степень социальной интеграции общества? Т. Парсонс предлагает два критерия определения «устойчивого» коллектива: статус членства, который предполагает «четкое различие членов и не членов данного коллектива»; и дифференциация индивидов внутри коллектива по

³⁷ Сорокин П. Система социологии. М.: Астрель, 2008. С. 285-314.

³⁸ Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. С.18.

³⁹ Там же. С.21.

⁴⁰ Там же. С. 28.

«статусам и функциям»⁴¹. В некотором смысле эти два критерия перекликаются с идеей Дюркгейма об органической и механической солидарности за исключением того, что Парсонс предлагает рассматривать в том числе практический параметр – статус членства. Это, однако, не противоречит самой идее коллективных представлений, поскольку критерии, классификации и категоризации, из которых выстраивается это «четкое различие» членства в коллективе, выстраиваются на основе общих для группы совместных представлений (в терминологии Парсонса – ценностей). Таким образом, Парсонс относит к разным уровням подсистем общества коллективные представления и их реализацию на практике в виде различия членства в группе. В понимании Парсонса статус членства («лояльность коллективу») регулируется нормами (которые выступают как практическое воплощение ценностей), и обеспечиваются в обществе в целом государственными органами⁴².

Т. Парсонс поднимает важную проблему иерархии «лояльностей» - то есть «соотношения между лояльностями подгрупп индивидов по отношению к социетальному коллективу, то есть всему обществу, и по отношению к другим коллективам, членами которых они являются»⁴³. Эту проблему социолог разрешает с помощью понятия ролевого плюрализма, при котором членство индивидов в разных коллективах совмещается с помощью «регулирования лояльностей» членов этих коллективов. В результате в обществе выстраивается сложная иерархия лояльностей, в которой лояльность к обществу в целом должна занимать первостепенное положение. Парсонс называет это нормативным упорядочиванием общества «в терминах членства»⁴⁴, которое обеспечивается существованием специальной

⁴¹ Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 19.

⁴² Там же. С. 25.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С.26.

стратификационной шкалы, регулирующей положение коллективов и индивидов в иерархии.

Социальная интеграция в модели Парсонса во многом возможна благодаря обобщенным символическим средствам, которые одновременно служат средствами обмена влияния (определяющего положение на стратификационной шкале) и способствуют закреплению лояльностей коллективам за счет апеллирования к коллективному интересу⁴⁵. Отдельные коллективы, по Парсонсу, могут оперировать различными обобщенными символическими средствами обмена, такими как деньги, власть или влияние, но общество в целом (в терминологии Парсонса - на социетальном уровне) основывается на ценностных обязательствах. Последние представляют собой «основания культурной легитимизации» и поэтому «трансцендентны по отношению к конкретному и случайному характеру интересов»⁴⁶. Ценностные обязательства включают в себя требования поступать определенным образом в соответствии с ценностями общества, при этом Парсонс подчеркивает, что они обладают значительной независимостью «от соображений цены, выгоды или убытков»⁴⁷. При этом ценности генерализованы, то есть не детализированы, прописывают не конкретные действия, а общие принципы, в соответствии с которыми индивиды могут по-разному на практике реализовывать ценностные обязательства. Парсонс пишет об общностях, в основе которых лежат преимущественно ценностные обязательства как о ценностно обоснованных объединениях. При этом в каждом конкретном обществе разные объединения могут выступать в качестве ценностно обоснованных⁴⁸.

⁴⁵ Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. С. 27-28.

⁴⁶ Там же. С.28.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

Теоретическое значение тезиса Парсонса о ценностно обоснованных объединениях для настоящей работы заключается в том, что в рамках его подхода впервые была выстроена комплексная теория идентификации на основе культурных факторов на уровне общества в целом. В теории Парсонса формирование единой общности с совместной идентичностью («лояльностью») происходит благодаря культурным структурам, регулирующим поведение и порядок с помощью символических средств. Социальная интеграция в этом контексте проявляется как процесс постоянного воспроизводства единства общества на основе совместных ценностей с помощью системы классификаций и категоризаций индивидов и групп (Парсонс называет ее «общепризнанной системой оценивания»⁴⁹), а также через механизм социальной идентификации.

Понятие ценности у Парсонса перекликается с понятием коллективного представления у Дюркгейма и служит для концептуализации схожего социального феномена. И коллективные представления, и концепты ценностей в контексте нашей работы необходимы для исследования социальной интеграции на основе единства культурно-символических образцов. У Дюркгейма в основном на смену объединения на основе коллективных представлений приходит функциональная интеграция на основе разделения труда. Парсонс также пишет об интегрирующих функциях ценностей, но в его системе с усложнением общества их характер несколько меняется, они становятся менее детализованными, включают в себя более широкий круг идей.

Структурно-функциональное представление об обществе как о социальном консенсусе, основы которого сформировались благодаря концепциям Сорокина, Вебера и Дюркгейма, и которая была развита в комплексной теории общества Парсонса, впоследствии подверглось критике.

⁴⁹ Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проспект, 2002. С.565.

Главная проблема социологии Парсонса с точки зрения его критиков заключалась в том, что она не давала ответ на вопрос о причинах и сущности динамичных, радикальных, фундаментальных изменениях общества, в том числе социальный дезинтеграции. Иными словами, теорию Парсонса обвиняли в том, что она рассматривает ситуацию единства общества как отправную точку, в то время как исторический опыт и повседневная практика показывают, что это единство далеко не всегда является «естественным» и «нормативным» состоянием общества. Так, С. Льюкс критиковал позиции Дюркгейма и тех социологов, которые используют при исследовании общества идею о безусловном единстве общества, за «упрощение» и объяснение единства общества исключительно понятием «ценностного консенсуса»⁵⁰. Главное возражение Льюкса заключается в том, что феномен единства общества носит более комплексный характер, чем просто «солидаризация».

В связи с этим интересно отметить, что параллельно нормативной концепции общественного единства существовала и критическая парадигма. Ее истоки мы можем найти у К. Маркса и Ф. Энгельса.

Для Маркса и Энгельса единство западного капиталистического общества не является естественным состоянием. По сути, единство общества представляет собой иллюзии, поскольку в основе социума лежит базовое противоречие между эксплуататорами и эксплуатируемыми. Общественные отношения, в которых господствует класс эксплуататоров, диктуют преобладание тех или иных идеологий, закрепляющих это господство символически. При этом интересы господствующего класса представляются в качестве общезначимых. Формируются представления об иллюзорном «всеобщем» интересе вместо групповых или индивидуальных интересов⁵¹. В

⁵⁰ Lukes S. Political ritual and social integration // Sociology. May 1975. Vol. 9, No. 2., P. 296-297.

⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1955. С.33.

трудах последователей марксистской теории на Западе (А. Грамши, Д. Лукача, Л. Альтюссера и др.) одной из важнейших тем стали именно исследования идеологии как «ложного» сознания. В то же время в неомарксизме признавалось, что идеология содержит представления, основополагающие для современного капиталистического общества, помогающие воспроизводить его единство.

А. Грамши вводит понятие культурной гегемонии для описания такого состояния общества, в котором единство общества достигается за счет доминирования одной из идеологий. По Грамши, обществу для успешного функционирования необходимо достижение «культурно-социального единства», при котором разнообразие идеологий, учений и соответствующих социальных классов сплавляется «воедино для достижения для достижения одной и той же цели» на основе совместного мировоззрения⁵².

Один из наиболее видных теоретиков неомарксизма Л. Альтюссер развивает концепт идеологии с тем, чтобы показать, каким образом идеологически закрепляется общественное устройство. Л. Альтюссер определяет идеологию следующим образом: «это «представление» о воображаемых отношениях индивидуумов с реальными условиями их существования»⁵³. Вместе с тем исследователь признает, что по своим последствиям «идеология обладает материальным существованием»⁵⁴, то есть она реализуется в конкретных социальных практиках, институтах и организациях (у Альтюссера – «идеологических аппаратах»). Эту идею Альтюссер раскрывает следующим образом: «Человек верит в бога или в долг, справедливость и так далее [...]. Такой индивидуум ведет себя тем или иным образом, то есть выбирает то или иное практическое поведение, а

⁵² Грамши А. Тюремные тетради / Грамши А. Искусство и политика: В 2-х т. Т. I. М.: Искусство, 1991. С. 66.

⁵³ Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. 2011. №3(77). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html> (05.04.2015)

⁵⁴ Там же.

также принимает участие в некоторых установленных практиках, являющихся практиками того идеологического аппарата, от которого «зависят» те идеи, которые он свободно выбрал в своем сознании в качестве субъекта»⁵⁵. У Альтюссера идеология включает в себя практическую социальную деятельность, а практическая деятельность, в свою очередь, «существует только в форме идеологии и зависит от нее»⁵⁶. Альтюссер при этом подчеркивает, что эти «аппараты» являются инструментом господствующих классов, которые таким образом влияют на общественные процессы в своих интересах. Таким образом, идеологии служат механизмом достижения единства общества в интересах правящего класса.

Д. Лукач пишет о том, что система социальных статусов выступает в качестве «ложного» сознания, которое скрывает реальную природу классовых отношений. Таким образом, социология, оперирующая этими категориями, становится наукой, закрепляющей неравенство через его оправдание «объективным» положением индивидов и социальных классов в социальной структуре западного общества⁵⁷.

В концепциях Парсонса и Дюркгейма ценности и коллективные представления способствуют интеграции общества, достижения им равновесного состояния, и поэтому единство общества – естественное состояние. Марксизм с его критическим взглядом на роль идеологии в обществе выстраивает теорию, в которой представления предстают в роли инструментов господства правящего класса, а единство общества иллюзорно. В то время как социология изучала солидарность общества как естественное его состояние (так, для Дюркгейма единство общества это «нормальная» его

⁵⁵ Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. 2011. №3(77). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html> (05.04.2015)

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М.: Логос-Альтера, 2003.

характеристика, тогда как отсутствие единства, конфликт – патология⁵⁸), марксистская социальная теория исследовала ключевые противоречия. Во второй половине XX века критическая концепция единства общества, основанная во многом на марксистской идеологии, порождает великие работы теоретиков франкфуртской школы: Т. Адорно, Г. Маркузе, А. Турен, Х. Арендт и другие исследователи показывают, что катастрофы Второй мировой войны и холокоста тесно связаны с противоречиями западного капиталистического общества.

Основным недостатком критического подхода является его «разоблачительский» характер, то есть стремление видеть в любых действиях социальных субъектов скрытые мотивы. Н. Луман в связи с этим писал об активно используемой во многих социологических теориях «культуре подозрения мотивов»⁵⁹, которая позволяет присваивать право вскрывать «истинные» связи между социальными явлениями. Используя эту «культуру подозрений», критический подход к единству общества отвергает саму идею социальной интеграции как невозможную в силу того, что индивиды подвижны «скрытыми» пружинами господства.

1.2. Социальная интеграция: современная социологическая концепция

Нормативная и критическая концепции единства общества не являются научными школами в строгом смысле этого слова. Однако их объединяет видение единства общества либо как естественного состояния, либо как искусственно созданной видимости единства. Однако во второй половине XX века ведущие теоретики социологии предпринимали различные попытки

⁵⁸ Гофман А.Б. Социология Эмиля Дюркгейма / Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: ТЕПРА, 2008. С.40.

⁵⁹ Луман Н. «Что происходит?» и «Что за этим кроется?». Две социологии и теория общества // Социологическое обозрение. 2007. Т.6. №3. С.100.

интегрировать нормативную и критическую теории единства общества. В рамках такого интегративного подхода исследование социальной интеграции не исключало бы конфликты из поля зрения социологов.

В определенном смысле провозвестниками интегративного подхода к проблеме единства общества стали Р. Дарендорф и Л. Козер. Ученые критиковали «социологию равновесия» и постулировали необходимость изучения социальных конфликтов. В то же время через анализ конфликта они смогли вывести собственные теории социальной интеграции.

Р. Дарендорф отказался от объяснения всех процессов, происходящих в обществе с помощью некой объективированной структуры⁶⁰. Однако для него понятие структуры по-прежнему актуально в качестве источника изменений в обществе, в том числе конфликтов. Для Дарендорфа состояние социальной структуры – это отправная точка конфликта. Ряд противоречий в позициях в социальной структуре создают саму возможность конфликтной ситуации. Осознание интересов, «кристаллизация» конфликта происходит на основе положения группы в социальной структуре.

Дарендорф подчеркивает конфликтный характер социальной структуры – внутри нее, согласно его теории, существует «союз господства», который и является корнем противоречия. Интересно, что ученый не объясняет, как возможно состояние стабильности общества, постоянно поясняя, что наличие множества конфликтов – обычное состояние социума. Основой социальной интеграции у Дарендорфа становится власть, которая связывает противоположные интересы социальных классов и осуществляет процесс регулирования конфликтов, который происходит путем политического артикулирования и согласования интересов. Связь противоположных интересов социальных классов Дарендорф обозначает понятием «императивно скоординированной ассоциации», которая

⁶⁰ Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. №5. С. 142-147.

представляет собой своего рода механизм принуждения к единству с помощью политических инструментов управления. Совокупность императивно скоординированных ассоциаций и представляет собой социальную структуру. Индивид вовлечен в несколько императивно скоординированных ассоциаций одновременно и таким образом занимает в социальной структуре ряд позиций подчинения и властвования соответственно. Между тем данные позиции обязывают его к участию в нескольких соответствующих конфликтах, поскольку каждая императивно скоординированная ассоциация предполагает противоречий. Социальная интеграция для Дарендорфа, таким образом, не что иное, как постоянный процесс согласования интересов и кооперации, улаживания конфликтов, формирующихся как противоречия в сфере политического.

Л. Козер рассматривал социальную интеграцию как результат социальных конфликтов⁶¹. Как и Дарендорф, он полагал, что потенциал противоречий заложен в самой социальной структуре в силу неравенства различных ее субъектов. Поэтому социальная структура сама по себе не может находиться в состоянии равновесия. Однако этот факт, как показывает практика, не ведет к разрушению социальной структуры, напротив, Л. Козер рассмотрел позитивные функции конфликта. Критикуя Дарендорфа за акцент на деструктивных проявлениях конфликта, Козер выявил у социальных конфликтов интегрирующие функции. По его мысли, конфликт сначала разрушает социальную структуру и сокращает ее интеграционный потенциал; затем это нарушение стабильности приводит к усилению противоречий и вспышке конфликтов; это состояние дезинтегрирует социальную структуру; приспособляясь к конфликтам и противоречиям, агенты ищут компромиссы и способы согласования, что наделяет систему большей гибкостью и позволяет усилить ее приспособляемость. Это, в конце концов, усиливает интеграционный потенциал социальной структуры. С

⁶¹ Козер Л. Функции социального конфликта //Американская социологическая мысль. М., 1996. С. 542-556.

помощью этой парадоксальной, на первый взгляд, цепочки рассуждений Козер подводит к мысли о том, что успешно разрешенные конфликты усиливают социальную интеграцию общества.

Одна из наиболее значимых в истории попыток синтеза критической и нормативной концепции единства общества принадлежит П. Бурдье. Осуществляя собственную теоретическую реконструкцию общества, Бурдье, прежде всего, возражает против устоявшегося понимания социальных классов. Он утверждает, что классы нужно понимать не как сущности, но только как «классы на бумаге», которые в действительности не существуют. Вместо них Бурдье предлагает исследовать многомерное социальное поле отношений. Поэтому и общество является не структурированной совокупностью классов, а многомерным социальным полем отношений.

Бурдье призывает рассматривать социальные группы не как субстанции, а как отношения или связи⁶². Для этих отношений ключевым является понятие габитуса, под которым Бурдье понимает принципы, «порождающие и организующие практики и представления»⁶³. Габитусы производят индивидуальные и коллективные практики. При этом, по Бурдье, габитусы гомогенны для группы или класса (это объясняется схожестью объективных условий существования индивидов, включенных в эти общности), что позволяет индивидам в группах или классах «объективно согласовывать практики без стратегического расчета и сознательного соотнесения с нормами и делать из взаимно приспособленными при отсутствии какого-либо непосредственного намерения»⁶⁴. Таким образом, габитус у Бурдье выступает в роли некоего интериоризированного в систему ценностей каждого индивида принципа, структурирующего и

⁶² Бурдье П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии, 2007. С.68.

⁶³ Бурдье П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001. С.102.

⁶⁴ Там же. С.114.

согласовывающего его практики с практиками тех индивидов, которые обладают схожими габитусами.

Бурдье определяет классовый габитус как систему «интериоризированных структур, общих схем восприятия, представления и действия», целью которых является создание объективной регуляции «практик и целостность мировоззрения»⁶⁵. С помощью понятия габитуса Бурдье связывает представления с социальными практиками. Подобно стратификационной шкале у Парсонса, габитус у Бурдье является системой оценки социальной реальности. У Бурдье «схемы восприятия, оценки и действия, добытые практикой [...] функционируют как практические операторы»⁶⁶, которые являются необходимым элементом систем классификации окружающего мира.

Бурдье полагал, что общество является продуктом «работы представления», то есть процесса, в рамках которого его члены реализуют свое «видение мира или видение своего собственного положения в этом мире, своей социальной идентичности»⁶⁷. В то же самое время социолог считает, что «объективные отношения сил» воспроизводят себя в тех или иных видениях социального мира, следовательно, «принципы, структурирующие это видение мира, коренятся в объективных структурах социального мира»⁶⁸.

Согласно Бурдье, в обществе постоянно происходит борьба между различными видениями социального мира, присущими различным группам индивидов. Эта борьба выражается в стремлении установить те или иные «легитимные номинации» (интерпретации социальной реальности). Господствующие в обществе легитимные номинации, таким образом, служат

⁶⁵ Бурдье П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.. С.117.

⁶⁶ Там же. С.189.

⁶⁷ Бурдье П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии, 2007. С.21.

⁶⁸ Там же. С.23.

своеобразной системой координат, в рамках которой индивиды могут «различать» группы своих и чужих (то есть «конструировать посредством адекватного деления социального пространства»⁶⁹). Таким образом, единство общества, по Бурдье, выражается через принятие большинством индивидов господствующей системы легитимных номинаций и установленной ею логики различения.

Критикуя марксизм за экономизм, то есть редукцию социальных групп к экономическим отношениям, Бурдье рассматривает в качестве одной из основ единства групп символический капитал, под которым он понимает капитал доверия и социальных связей⁷⁰. Символический капитал выступает в качестве продукта групповой солидарности, при этом накопление и приумножение символического капитала является совместной целью группы: впоследствии каждый член группы может использовать символический капитал, конвертируя его в блага.

Символические системы для Бурдье – это, прежде всего, системы, которые упорядочивают окружающий мир «не иначе как путем разбиения» на «антагонистические классы», с использованием «логики включения и исключения»⁷¹. Эта социальная функция символических систем, по Бурдье, постепенно перерождается в политическую: «классификации «постепенно покрывают собой [...] социальные деления на конкурирующие или противодействующие группы и классы»⁷². Действуя в логике различений, символическая система конституирует «пространство стилей жизни [...], групп, характеризующихся различным стилем жизни»⁷³.

⁶⁹ Бурдье П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии, 2007. С.26.

⁷⁰ Там же С. 232-237.

⁷¹ Там же. С.10.

⁷² Там же.

⁷³ Там же. С.25

Поскольку Бурдьё говорит о борьбе символических номинаций, единство общества, определенное через логику его теории, представляет собой результат господства если не определенных классов (как в марксистской перспективе), то условных групп индивидов, объединенных общей символической системой, соответствующей ей логикой различения и стилями жизни. Это господство, таким образом, не производно от логики господства, как в марксистской и неомарксистской перспективе. Однако, как и у марксистов, у Бурдьё такое положение вещей – объективное положение вещей. Для Бурдьё символическое господство это результат реального преобладания различных видов капитала у одной из социальных групп.

Итак, Бурдьё говорит не об абстрактных обобщенных ценностях как о базовых принципах, которые воспроизводят с помощью социальной интеграции идентичности («лояльности» у Т. Парсонса), а о единстве классификации, то есть принципов деления социального мира. Бурдьё утверждает, что социальная интеграция представляет собой взаимно дополняемое единство практик и механизмов интерпретации.

Концепция социальной интеграции Бурдьё неоднократно подвергалась критике. Так, Дж. Александер видит один из основных недостатков теории Бурдьё в том, что в ней общество представлено «вертикальным», «выровненным стратификацией», а сам Бурдьё не говорит ни слова о таких феноменах как «межклассовая солидарность» или «национальная идентичность»⁷⁴. Александер прямо называет теорию Бурдьё «неудавшимся синтезом».

Еще одна значимая интегрированная концепция единства общества, в рамках которой возможно было бы всесторонне изучить феномен социальной интеграции, принадлежит Р. Коллинзу. Коллинз развивал

⁷⁴ Alexander J. The reality of reduction: the failed synthesis of Pierre Bourdieu / Alexander J. Fin de Siecle Social Theory: relativism, reduction and the problem of reason. London: Verso, 1995. P.187.

субъективированную теорию композиции социальной структуры⁷⁵, которая, по его мнению, воспроизводит отношения конфликтов или противоречий в борьбе за ресурсы. По его мнению, социальная структура формируется из многократно и многовариантно воспроизводящихся действий индивидов в социальном пространстве. В этой сети взаимодействия важнейшую роль играют одновременно физические объекты («вещи») и символические выражения, которые бесконечно повторяются в конкретных действиях. Такая двойная «привязка» позволяет Коллинзу, с одной стороны утверждать о непосредственной физической реальности социального мира, его объективности; с другой стороны, закрепляет взаимосвязь символического поля с пространством социальной структуры. Социальная структура в этом контексте является постоянной формой, повторяющейся в микрореальности каждого конкретного действия индивидов. Таким образом, в логике Коллинза социальная интеграция проявляется в каждом конкретном действии индивидов, которые в то же время ориентировано на макроструктуру. Социальные структуры на макроуровне, таким образом, тесно связаны с взаимодействием «лицом к лицу». Микрореальность взаимодействия индивидов на уровне непосредственной коммуникации закрепляют в периодически воспроизводимой композиции макрореальность устойчивых социальных процессов и институтов. Последняя и формирует, в конечном итоге, социальную структуру как объективированную реальность общества. Этот процесс бесконечного закрепления социальной структуры Р. Коллинз называет «микротрансляцией макроструктуры».

Этот подход к одновременному соединению микро- и макросоциологического уровня представляют собой, в то же самое время, попытку интегрировать понятие конфликта в структурную парадигму общества и избежать методологического нормативизма в понимании социальной интеграции. В теории Коллинза важно также то, что он в

⁷⁵ См. *Collins R. Conflict Sociology: A Sociological Classic Updated*. Abridged and updated by Stephen K. Sanderson. Boulder CO: Paradigm Publishers, 2009.

веберианском ключе смещает акцент в сторону исследования социальных взаимодействий.

В последней четверти XX века делаются и другие попытки создать интегративную теорию единства общества, которая могла бы объяснить феномен целостности и единства общества, и в то же время отразить его многочисленные противоречия. В связи с этим можно выделить несколько современных подходов.

Последователи неомарксизма, прежде всего, теоретики дискурсивного анализа, отказываются от поиска фундаментальных оснований единства современного общества. Вместо этого они предлагают использовать критический подход (например, показывать неравенство с помощью анализа дискурса) для того, чтобы выявлять разрывы в социальной ткани. Эта работа «социологии разоблачения» приносит несомненную пользу обществу, показывая несправедливость и позволяя предпринять меры для ее устранения. Однако этот подход не может предложить убедительной модели единства общества. Напротив, главная функция неомарксизма – вскрывать «ложные» символические основы капиталистического общества и разоблачать «мнимое» социальное единство. На это указывает ведущий современный философ-неомарксист С. Жижек: «целью марксистской «критики идеологии» выступает разоблачение этой ложной всеобщности, обнаружение за «человеком вообще» - буржуазного индивида, за всеобщими правами человека - той или иной формы капиталистической эксплуатации, за «атомарной семьей» как всемирно-исторической сущностью - исторически определенной и ограниченной формы семейно-родственных отношений»⁷⁶.

В неомарксистской интерпретации ведущих теоретиков дискурсивного анализа Ш. Муфф и Э. Лакло дискурс является полем интерпретации объектов внешней реальности в социальных представлениях. Муфф и Лакло объявляют, что в дискурсе действует логика различения, которая

⁷⁶ Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999. С.56.

идентифицирует все объекты в системе и проводит между ними различия, а также логика эквивалентности, которая определяет идентичность и значения внутри системы. Эти логики, по мнению исследователей, действительны и для общества как системы дискурсов. Именно «специфическое осмысление социальных идентичностей как классов, наций, конфессиональных, лингвистических и других групп и установление определенной системы их отношений является движущей силой всего исторического процесса»⁷⁷. Система различения в обществе предполагает, что идентичность отделяет себя от другой идентичности (Другого) посредством таких дискурсивных средств (определяя границу и описывая Другого), которые являются конвенциональными в самой идентичности. Следующим шагом в формировании идентичности становится описание базовых смыслообразующих идей и концепций идентичности. Здесь дискурсивные средства направляются на поиск эквивалентности этих узловых точек между собой как элементов, принадлежащих одной идентичности.

В силу того, что каждая идентичность стремится к абсолютной реализации («артикуляции») узловых точек, «присутствие одного актора является препятствием для достижения полной идентичности другого»⁷⁸. Поэтому единство общества возможно только в форме гегемонии, то есть преобладания одной из партикулярных идентичностей над всеми иными. Э. Лакло радикализирует этот тезис: «социальное существует только как тщетная попытка учредить невозможный объект: общество»⁷⁹.

В рамках второго подхода неоструктуралисты (Дж. Александер, Ф. Смит) ведут поиск макроструктур, способных объяснить те или иные социальные феномены.

⁷⁷ Гололобов И.В. Теория политического дискурса Эрнесто Лаклау: Введение // Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм. Краснодар, 2003. С. 131.

⁷⁸ Там же. С. 132.

⁷⁹ Лакло Э. Невозможность общества. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/kofr/2002/2002_14.htm (05.05.2015)

Так, программа Дж. Александера – культуральная социология – основана на идее о том, что культура должна стать центральным предметом изучения социологических наук. Александер указывает, что раньше социологии рассматривали культуру как фон для событий социального мира, в то время как она оказывает решающее влияние на все, что происходит в обществе. Исследователь ставит перед собой задачу изучения культурных макроструктур, которые влияют на социум. Следуя своей программе, Александер и Смит рассматривают культуру как сеть значений, «руководящих действиями»⁸⁰. По их мнению, на общество влияют «культурные структуры», то есть глубинные культурные основания, своего рода знаково-символический метатекст. Исследовать его они предлагают с помощью поиска «внутреннего смысла» социальных явлений. Социальная интеграция через призму такого подхода предстает как результат влияния указанных культурных структур на социальные отношения. Общность культурных структур для социальных субъектов будет означать их интеграцию, различие в культурных структурах – дезинтеграцию. Александер при этом указывает, что в социальной реальности мы имеем дело не с реальными объектами, а с означаемыми⁸¹. Поэтому культурные структуры конструктивны, то есть поддаются созданию и воссозданию в процессе борьбы номинаций и интерпретаций. Социальная интеграция, таким образом, в рамках этого подхода может интерпретироваться как объективный процесс, поддающийся влиянию.

Третий подход – «прагматический поворот» или, выражаясь словами В. Волкова, «теория практик», делает акцент на исследование повседневной деятельности людей и вещей, включенных в это взаимодействие. В рамках теории практик нам более всего интересны подходы Б. Латура и Л.

⁸⁰ Александер Дж., Смит Ф. Сильная программа в культурсоциологии // Социологическое обозрение. 2010. Т.9. №2. С.22.

⁸¹ Кравченко С.А. Культуральная социология Дж. Александера (генезис, понятия, возможности инструментария) // Социологические исследования, №5. Май 2010. С.21.

Болтански и Л. Тевено, поскольку они пытаются создать интегрированную теорию общества, опираясь на изучение повседневных практик и вещей.

Бруно Латур, один из ведущих теоретиков «прагматического поворота», призывает к отказу от анализа «социальных агрегатов» как сущностей. Латур критикует «социологов социального» за стремление разрешить неразрешимый вопрос о том, какие субстанциональные объединения лежат в основе общества: классы, группы, страты и т.п.⁸².

Латур подчеркивает, что группы определяются перформативно, то есть «создаются теми различными путями и способами, которые заявляют об их существовании»⁸³. Перформативность процесса группообразования определяют постоянную динамическую природу социальных групп. Их единство поэтому является, по Латуру, процессом постоянного воспроизводства группы с помощью определенных механизмов группообразования.

В основе методологии Латура – процесс изучения группообразования, «следов», оставляемых группами в процессе их конституирования. Эти следы – последствия конкретных действий, которые акторы совершают, будучи включены в сети с другими акторами.

Для Л. Болтански и Л. Тевено предметом социологии становится «искусство сосуществовать» в обществе⁸⁴, объектом – вся совокупность практических социальных действий, которые постоянно воспроизводят многомерное и динамическое единство общества.

Преимуществом теории Болтански и Тевено является ее интегративность – в ней можно усмотреть и системность Т. Парсонса, и

⁸² Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. С. 43-45.

⁸³ Там же. С.52.

⁸⁴ Тевено Л. Наука жить вместе в этом мире // Неприкосновенный запас. №3(35). 2004. URL: <http://magazines.russ.ru:81/nz/2004/35/teve2.html> (28.02.2015)

критический подход марксизма, и направленность на изучение практик П. Бурдьё, и идею о продуктивности конфликта Р. Дарендорфа и Л. Козера, и элементы ресурсного подхода, и акцент на конкретное социальное действие Р. Коллинза, и сетевую модель Б. Латура, и даже, хотя и в непроявленной форме, идею о культурных макроструктурах Дж. Александера. Болтански и Тевено пишут об отказе «как от крайних форм реализма, ведущих к фетишизации, так и от символического деконструктивизма»⁸⁵. Для них главная задача – описание создаваемых людьми систем отношений, включающих вещи. В их понимании социальная интеграция, таким образом, представляет собой динамический процесс постоянного воспроизводства этой системы отношений.

Болтански и Тевено задаются вопросом о единстве общества следующим образом: «При каких условиях форма эквивалентности может быть общей?»⁸⁶. Эта общая форма эквивалентности, по Болтански и Тевено, должна быть императивом обоснования справедливости, «без которого координирование человеческих действий было бы невозможным»⁸⁷. Отказываясь от понятия легитимности М. Вебера в силу того, что последнее может быть результатом сознательного обмана с целью обоснования перед другими справедливости своих поступков⁸⁸, ученые предлагают собственную концепцию единства общества.

В рамках «прагматического поворота» Л. Болтански и Л. Тевено критикуют как бесконечные поиски консенсуса и безусловного единства, так и критические теории, понимающие единство общества исключительно в терминах господства, гегемонии. Болтански и Тевено критикуют те научные парадигмы, которые «исходят из гипотезы о некоторой внутренней

⁸⁵ Болтански Л. Тевено Т. Критика и обоснование справедливости: Очерки социология градов. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С.45.

⁸⁶ Там же. С.74.

⁸⁷ Там же. С.75.

⁸⁸ Там же.

направляющей, своего рода программы действия, предварительно заложенной в людях», вместо этого они предлагают рассматривать их не как «запрограммированных» социальных роботов, но как личностей, обладающих свободой выбора в действиях и интерпретациях, и в силу этого создающих «неопределенности в поступках и взаимодействиях»⁸⁹. То же самое касается и групп индивидов.

Ученые не применяют классические устоявшиеся понятия социологии, касающиеся единства общества, такие как «страта», «класс», «иерархия», «социальная норма» и т.п. По мнению Болтански и Тевено, единство группы – это «ассоциация», основанная на совместном принятии того или иного «режима оправдания»⁹⁰. Разделяющие один режим оправдания люди могут достигнуть соглашения по поводу той или иной проблемы в рамках конкретной ситуации. Совместность режима оправдания формируется на основе общего понимания справедливости во множестве ситуаций достижения согласия, в результате чего создаются «грады» с характерными для них понятиями о справедливости. В то же время Болтански и Тевено отказываются от «закрепления» определенных пониманий справедливости за теми или иными социальными группами, указывая, что в каждой конкретной ситуации сложный процесс согласования позволяет использовать и совмещать различные понимания о справедливости и принципы.

Грады Болтански и Тевено представляют собой, в сущности, общие интерпретативные схемы, рисующие то или иное «идеальное» общественное устройство. Режим оправдания каждого такого града строит аргументацию, основываясь на своеобразном понимании справедливости. Грады и соответствующие им режимы оправдания могут сосуществовать в рамках одного общества или вступать в конфликты, которые разрешаются с

⁸⁹ Болтански Л. Тевено Т. Критика и обоснование справедливости: Очерки социология градов. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С.333.

⁹⁰ См. Болтански Л. Тевено Л. Социология критической способности. Журнал социологии и социальной антропологии. Том III. № 3. 2000.

помощью споров (то есть, в сущности, дискурсивными средствами). В то же время миры конституируют относительное единство общества, способствуя социальной интеграции на основе обобщенных представлений. Это единство Болтански и Тевено называют «согласием», указывая, что в разных теориях «это проблема рассматривается в терминах порядка, баланса, нормы или культуры»⁹¹. Например, по их словам, экономика исследует согласие как продукт рыночных отношений, а социология – как продукт коллективной координации действий. При этом эти науки по отдельности не могут объяснить всю совокупность социальных отношений, поскольку в первом случае исследуется только мир рынка, а во втором – гражданский мир. Решить в полной мере эту проблему может только теория градов⁹².

Грады Болтански и Тевено раскрывают практическое значение производства единства общества. Социальная интеграция в логике концепции Болтански и Тевено – это результат многомерной и разнообразной практической деятельности людей по достижению относительного единства общества на основе тех или иных миров. Практики «конституируют и воспроизводят идентичности или «раскрывают» основные способы социального существования»⁹³.

В процессе согласования люди устанавливают «совместное определение» социальной ситуации. По отношению к каждой ситуации формируется совместное для ассоциации индивидов понимание справедливости, которое позволяет также в рамках обобщенного понимания интерпретировать ситуации, вследствие этого координируются и социальные практики⁹⁴. До тех пор, пока миры функционируют в

⁹¹ Болтански Л. Тевено Т. Критика и обоснование справедливости: Очерки социология градов. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С.57.

⁹² Там же. С.66-67.

⁹³ Волков В.В. Харходин О.В. Теория практик. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. С.22.

⁹⁴ Boltanski L. Thevenot L. On justification: economies of worth. Paris: Editions Gallimard, 1991. P.35.

нормальном режиме (у авторов – Justesse, то есть верность, правильность), в них действуют конвенциональные понятия о справедливости. Это состояние эквивалентности или равенства⁹⁵.

В случае конфликта, когда миры сталкиваются, люди прибегают к средствам и аргументации для того, чтобы восстановить нормальный режим функционирования, то есть используют легитимные оценки («квалификации») для установления справедливости, понимаемой конвенционально в рамках того или иного града. В результате индивиды достигают совместного определения ситуации («согласия») и разрешают конфликт. Именно споры являются тем социальным действием, в котором стороны достигают определенного совместного понимания и интерпретации ситуации. Споры включают в себя несколько сторон и объект спора. Болтански и Тевено призывают анализировать «то, каким образом споры связывают друг с другом людей и предметы»⁹⁶.

Именно достижение согласия в теории Болтански и Тевено исполняет ту роль, которую в классической социологии отводили консенсусу или солидарности. Отличие согласия от консенсуса и солидарности заключается в том, что оно не является постоянным, структурным свойством общества, но достигается в каждой конкретной социальной ситуации, в результате возникновения противоречия между режимами оправдания. Единство общества, таким образом, в рамках этой перспективы можно определить как состояние социума, при котором в большинстве конфликтов успешно достигается согласие (совместное определение ситуации) дискурсивными средствами (с помощью дискуссии, спора), но с опорой на прагматический аспект (вещи, действия, обстоятельства).

⁹⁵ Хархордин О.В. Прагматический поворот: социология Л. Болтански и Л. Тевено. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/113/878/1219/006_Harhordin_32-42.pdf (11.04.2015)

⁹⁶ Болтански Л. Тевено Л. Социология критической способности. Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том III. № 3. С.67.

Болтански и Тевено полагают, что, в случае, если согласие не удастся достичь дискурсивными средствами, в ход идут другие способы разрешения конфликта режимов оправдания. К ним они относятся любовь - субъекты конфликта отказываются от спора в пользу мирного сосуществования, и насилие – субъекты разрешают конфликт силовым путем. Ни в том, ни в другом случае нельзя говорить о единстве общества, поскольку конфликт фактически не разрешается, а переводится в другую плоскость без гарантии того, что он рано или поздно не вспыхнет вновь.

Каждый специфический социальный порядок⁹⁷ («град») можно определить как «естественный ход» социальной жизни, в котором согласие не нарушено. В этом естественном порядке согласие устанавливается с помощью различных механизмов, в числе которых объективированные правила.

Болтански и Тевено выделяют шесть градов:

- град вдохновения, в рамках которого главным ресурсом является творчество, просветление, а субъектом – вдохновенный творец-одиночка,
- патриархальный град, для которого характерна ориентация на традицию, доверие, авторитет, личную коммуникацию,
- гражданский град, который устремлен к солидарности, равенству, реализации коллективного интереса,
- научно-технический град, который нацелен на эффективность, производительность,
- град репутации, в котором наиболее важные категории это известность, признание, знаменитость,

⁹⁷ Boltnaski L. Thevenot L. On justification: economies of worth. Paris: Editions Gallimard, 1991. P. 65.

- град рынка, в рамках которого все измеряется в категориях цены, обмена, денег, покупательной способности.

Грады не являются взаимоисключающими системами. Более того, человек может перемещаться между социальными ситуациями, в разных случаях используя разные понятия справедливости. Поэтому грады представляют собой более глубокие, социокультурные основы для взаимодействия и дискурсивных практик, чем, например, идеологии, которые достаточно жестко фреймируют установленный набор значений в рамках той или иной социальной ситуации. Грады лежат как бы по ту сторону идеологий, поскольку определяют базовые правила социального взаимодействия, к которым стороны прибегают вне зависимости от разделяемых политических идей.

Исходя из подхода Болтански и Тевено социальную интеграцию можно рассматривать не как результат установления господства одних групп над другими через навязывание им определенных представлений, не как результат всеобщего договора или консенсуса и не как объективированный структурно-функциональный нормативный порядок, но как постоянный динамический процесс согласования интерпретаций между индивидами, который достигается в множестве конкретных ситуации как результат разрешения конфликтов между различными субъектами. При этом в нормальном режиме функционирования грады успешно сосуществуют как системы интерпретации различных сфер жизни общества и различных социальных реальностей. Болтански и Тевено указывают на важное свойство градов — каждый из них потенциально стремится к всеобщности, к построению социального мира на основе своих базовых принципов. В то же время каждому граду соответствует мировоззренческая программа, которая

стремится «натурализовать» основной принцип данного мира «в виде законов, которым приписывается естественный характер»⁹⁸.

О.В. Хархордин, анализируя концепцию Болтански и Тевено, поставил два важных вопроса: во-первых, вопрос о применимости исследовательской методики Болтански и Тевено к различным национально-государственным обществам; во-вторых, вопрос о количестве миров и перспективе их увеличения (Хархордин отмечает, что в позднейших публикациях ученые вводят в анализ новые грады)⁹⁹. На наш взгляд, если не воспринимать концепцию Болтански и Тевено догматически, эти вопросы решаются творчески, адаптацией теоретического инструментария в каждом конкретном случае к актуальной проблематике исследования того или иного общества. Так, сам Тевено дает пример того, как можно применить концепцию к российскому обществу на примере анализа нескольких отрывков из русской литературы¹⁰⁰.

Теория Болтански и Тевено получила развитие в современной отечественной концепции, получившей название «res publica». Основываясь на теории коллективного действия Б. Латура и теории Болтански и Тевено, авторы концепции рассматривают единство общества как результат качественного изменения характера социальной деятельности индивидов. Общество, согласно этой концепции, становится сетью, которая «связывает людей воедино», в основе этого единства лежит «исключительно» сильная идентичность, которая «сообщает смысл и цель социальному действию, запущенному и оформленному этой сетью». В состоянии такого единства «народ есть не некая аморфная масса, а ассоциация, объединенная согласием

⁹⁸ Тевено Л. Креативные конфигурации в гуманитарных науках и фигурации социальной общности. URL:<http://magazines.russ.ru/nlo/2006/77/teve22.html> (11.06.2015)

⁹⁹ Хархордин О.В. Прагматический поворот: социология Л. Болтански и Л. Тевено. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/113/878/1219/006_Harhordin_32-42.pdf (11.04.2015)

¹⁰⁰ Тевено Л. Креативные конфигурации в гуманитарных науках и фигурации социальной общности. URL:<http://magazines.russ.ru/nlo/2006/77/teve22.html> (11.06.2015)

в вопросах справедливости». При этом в качестве целей рассматриваются «дела по поводу вещей» - материальных объектов, включенных в социальное взаимодействие¹⁰¹.

По мнению О.В. Хархордина, существует два критерия, по которым можно определить состояние *res publica* и отличить его от простого «общего пользования вещами»: обладание «собственными, особыми качествами», то есть идентичностью; наличие «консенсуса, или сочувствования, в вопросах права», то есть ощущение связи народа, совместного, коллективного участия в публичной деятельности¹⁰².

Тезис о согласии в вопросах справедливости как об основе единства общества интересным образом перекликается с идеей «градов» Л. Болтански и Л. Тевено, находя ей практическое применение в исследовании единства общества и связывая проблематику «миров» с ролью вещей в социальной взаимодействии (на этом в действительности, настаивают и сами Болтански и Тевено). Общие для народа вещи (*res*) служат установлению единства общества в той мере, в которой они выступают в роли «ключевых символов», «мест памяти», с которыми люди связывают свою идентичность¹⁰³. Вещи несут в себе функцию связи прошлого с настоящим, «буквально давая физическую опору и основание национальной идентичностей»¹⁰⁴. Совместные социальные действия (*publica*) становятся основой, с помощью которой воспроизводится идентичность народа, а вещи – средством фиксации единства в физической реальности.

Подводя итог, отметим, что в современной социологии «общества, понимаемые как набор институций, норм или процессов социальных

¹⁰¹ Инфраструктура свободы: общие вещи и *res publica*: коллективная монография. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 78-79.

¹⁰² Там же. С. 49-52.

¹⁰³ Там же. С.54.

¹⁰⁴ Волков В., Хархордин О. Социология Болтански-Тевено: миры и режимы // Теория практик. Глава 13. СПб. : ЕУСПб, 2008. С. 242.

изменений, ушли в прошлое»¹⁰⁵, наука пришла к более комплексному пониманию общества. Современное понимание социальной интеграции не предполагает ни абсолютной сплоченности всех элементов социальной структуры, ни единства общества на основе консенсуса или обобщенных ценностей. Б. Латур пишет по этому поводу: «отнесение себя к той или иной группе – это постоянно идущий процесс, состоящий из неопределенных, хрупких, противоречивых и постоянно меняющихся связей»¹⁰⁶. Такой подход позволяет рассматривать единство общества не как некий нерушимый консенсус, а как подвижное единство. Оно не является субстанциональным единством общества как сущности, но выступает как постоянно воспроизводимое социальными практиками ситуативное, динамическое единство. Микрофизика конституирующих единство взаимодействий создает и воспроизводит единство в каждой конкретной ситуации, преодолевая возможные противоречия, хотя это единство, безусловно, основывается на объективных характеристиках социальной реальности, в его воспроизводстве важную роль играют культурно-символические элементы.

Подводя итог, мы можем сформулировать определение социальной интеграции. Социальная интеграция – это постоянный процесс достижения единства общества в процессе разрешения противоречий в конкретных ситуациях. Однако здесь необходимо сделать важное замечание. Мы не придерживаемся телеологической идеи о том, что социальная интеграция неизбежна и ее итогом всегда является гомогенное, монолитное общество. Во-первых, необходимо адекватно оценивать силу противоположного по направлению центробежного процесса – дезинтеграции, которая порой приводит к разрушению и распаду целых обществ; во-вторых, важно иметь в виду, что общества никогда не бывают однородными, а их единство – абсолютным.

¹⁰⁵ См. Турен А. Социология без общества // Социологические исследования. 2004. № 7.

¹⁰⁶ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. С.43.

Опираясь на наше понимание социальной интеграции, мы можем сказать, что общество едино в том случае, когда в большинстве социальных ситуаций противоречия успешно преодолеваются обращением к совместным представлениям, при этом не происходит разрешения ситуации методами, лежащими за пределами повседневного социального взаимодействия (например, насилием, принуждением). В то же время мы не можем считать общество единым, если обращение к совместным представлениям вызывает затруднение, сложности, неразрешимые ситуации накапливаются и становятся серьезными противоречиями. Не сформированность или недостаточная обобщенность комплексов представлений дезинтегрирует общество, а серьезные противоречия в представлениях могут привести и к его разделению.

Единство общества формируется не как безусловный консенсус, а как подвижное единство интерпретаций, согласие по поводу принятия той или иной системы классификаций и различий в каждой конкретной социальной ситуации. В процессе конституирования единства общества в результате множественных процессов классификаций и категоризаций, отношения к вещам и деятельности устанавливается иерархическое равновесие между интерпретациями, которые связываются с определенными практиками. Этот баланс – согласование интерпретаций социально значимого знания и информации с деятельностью, отражает в каждом конкретном случае «общественное согласие»¹⁰⁷.

¹⁰⁷ *Тевено Л.* Рациональность или социальные нормы: преодоленное противоречие? // Экономическая социология. Т.2. №1. 2001. С. 115. С.188-122.

1.3. Государственная власть, социальная интеграция и идентичность

Несмотря на то, что исторически общества гомогенизировались и становились объединенными общей культурой, языком, образом жизни, представлениями сообществами, история убедительно показывает на примере распавшихся и дезинтегрированных обществ, что этот процесс не неизбежен. В социальной интеграции обществ ключевую роль играли государства.

История показывает, что развитие обществ неразрывно связано со становлением государств. Л. Е. Гринин указывает, что при формировании государства происходит «образно говоря, сгущение (или концентрация) ряда социальных характеристик, качеств, свойств. Поэтому старые способы структурирования обществ [...] не могли решить всех задач, возникающих перед растущими социумами»¹⁰⁸. В этих условиях как инструмент решения этих задач возникают сначала протогосударственные политические образования, затем – государство.

До XVII-XVIII вв., государства, основанные на «суверенной» власти¹⁰⁹, представляли собой отделенные от общества аппараты управления, существующие как механизмы организации сообщества сообразно определенному юридическому, политическому и социальному порядку. В XVIII веке появились государства, основанные на «дисциплинарной» власти¹¹⁰. Обилие военных угроз, бурное время, изобилующее конфликтами, требовало от общества максимальной сплоченности. Государство с этого времени уже не только и не столько аппарат управления, сколько «историческое трансцендентальное», которое становится совместным для

¹⁰⁸ Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс. М., 2007. С. 64.

¹⁰⁹ См. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.

¹¹⁰ См. Там же.

всех своих «подданных»¹¹¹. В таком понимании государство становится центральным общественным институтом, организующим и иерархизирующим весь социальный порядок: государственная власть пронизывает общество, становится властью инклюзивной, включенной во все многообразие общественных отношений.

Т. Митчелл указывает, что государство эпохи «дисциплинарной власти» в корне отличается от государства «суверенной власти»¹¹². Суверенная власть предполагала, что высшим выражением государства является суверен, то есть правитель, конкретный человек, чья высшая воля иерархизирует и конструирует всю систему государственной власти и порядка. Дисциплинарная власть, напротив, исходит не от одного человека, а от общества в целом, выражаясь в системе формирующих индивида правил и запретов.

Дисциплинарная власть способствует созданию «деиндивидуализированных» государств, в которых понятие государственной власти не связано с волей одного лица, но, напротив, представляется как агрегат коллективных волей. Восприятие государства как отделенного от общества аппарата находит свое выражение сначала в традиции Просвещения, затем - марксизма, и способствует оформлению «юридического» понимания феномена государства. Государство становится как бы квинтэссенцией общества, его верховным представителем, единым «политическим телом».

О.В. Хархордин пишет, что под государством понимается обычно абстрактный субъект, в котором как в едином символическом лице

¹¹¹ Бурдье П. Социология социального пространства. М. : Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. С.243

¹¹² Mitchell T. Society, economy and the state effect // The anthropology of the state: a reader. Oxford: Blackwell Publishing, 2006. P. 177-179.

воплощаются действия множество акторов, организаций и отношений¹¹³. Хархордин указывает, что понятие государства эволюционировало от «недифференцированного представления о государстве» как о едином состоянии национально-государственного сообщества (нации) к идее государства как отделенного от общества аппарата управления»¹¹⁴. Понятие государства, по мнению исследователя, является продуктом «мистики делегирования», то есть становится действующим агентом от лица всех лиц, организаций и субъектов, наделенных властью. Поэтому говоря о государстве, часто имеют в виду этот недифференцированный воображаемый субъект, являющийся «официальным» представителем всего народа, нации, страны, сообщества¹¹⁵. Государство – это верховный агент контроля: «тысячи людей в униформах, патрулирующие улицы и марширующие на плацах, тысячи чиновников, униформно применяющих параграфы писаного права, создают для нас знакомый образ или контур: везде здесь, во всех этих моментах действуют, как кажется, не отдельные люди со своими интересами и интересами своих организаций, а действует другой агент»¹¹⁶.

Итак, с одной стороны государство – это аппарат управления, с другой стороны – субъект инклюзивной государственной власти, с третьей – верховный представитель общества, выразитель его интересов. Эта проблема определения государства и государственной власти для исследований феномена государства является одной из ключевых.

Мы будем исходить из предпосылки, что государство действует как «комплексное, полифункциональное образование», решающее

¹¹³ Хархордин О.В. Что такое «государство»? Русский термин в европейском контексте // Понятие государства в четырех языках: Сб. статей / Под ред. О. Хархордина. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2002. С.153-155.

¹¹⁴ Там же. С.165

¹¹⁵ Там же. С.212.

¹¹⁶ Волков В.В., Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. С.279.

многообразный набор задач¹¹⁷, а не как партикулярный, отделенный от общества аппарат управления и не констелляция воле различных субъектов политики. Опираясь на такое недифференцированное определение государства, под государственной властью мы будем понимать не конкретные организации управления, осуществляющие власть в государстве, напротив, в нашем исследовании этим понятием мы будем обозначать весь континуум власти, которым наделено государство в целом.

Тем не менее, для нас определение понятия государственной власти вторично по отношению к исследованию ее конкретных проявлений. Мы будем исходить из идеи о том, что государственная власть как феномен не обозначает конкретные (или обобщенные) организации, осуществляющие власть в государстве, но идентифицирует процесс бесконечного воспроизведения «общей линии силы»: конкретные уполномоченные государственной власти воспроизводят на микроуровне властные отношения, непрерывность ткани государственной власти и тех сетей взаимоотношений, в которые включены люди в процессе взаимодействия с государством и его представителями¹¹⁸. Представители государственной власти воспроизводят властные отношения в «сегментарностях»¹¹⁹, то есть на микроуровне, конституируя «политическое тело» государства на макроуровне из этого множества взаимодействий и воспроизводств. Таким образом, государственная власть представляет собой «множественные отношения» взаимодействия и воспроизводства социального порядка¹²⁰.

¹¹⁷ Соловьев А.И. Три облика государства – три стратегии гражданского общества. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Solovyov_1996_6.pdf (5.05.2015)

¹¹⁸ Делёз Ж. Фуко. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. С.103-104.

¹¹⁹ Делёз Ж. Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. С.341-343.

¹²⁰ Бикбов А. Пространственная схема аналитики Фуко: социальное объяснение как инструмент разрыва с горизонтом обыденной очевидности / Мишель Фуко и Россия: Сб. статей. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2001. С.122-124.

При исследовании взаимодействия государства и власти важно учитывать, что государственная власть на практике воплощается в конкретном представителе власти – чиновнике, партии, организации, ведомстве. Е.Б. Шестопал, исследуя образ власти, указывает на то, что одним из наиболее важных его элементов является рационализированное представление о том, «кто или что есть власть»¹²¹. О.В. Хархордин по этому поводу пишет: «В самом деле, когда мы говорим, что Германия объявила войну или строит дорогу, то мы в полной мере осознаем, что не некая абстрактная сущность под названием «государство», а конкретный государственный служащий изрек слова, в которых содержалось объявление войны, или что конкретные рабочие, а не эта же абстракция, возятся с песком и асфальтом. Мы осознаем, что не можем на эмпирическом уровне увидеть, услышать или прикоснуться к сущности «государства»»¹²².

На наш взгляд, конкретные указания на представителей государственной власти – людей и организации, которые осуществляют и распределяют государственную власть – являются неотъемлемой частью образа государственной власти. Эти представители становятся конкретными носителями признаков, приписываемых в представлениях государственной власти. В роли представителей власти могут выступать лица и организации, персонифицирующие государственную власть. Но как идентифицировать представителей власти?

Хархордин, обращаясь к труду Альфа Росса¹²³, показывает, что о «государстве» как о действующем субъекте говорят в четырех случаях: когда действующий от его имени человек облечен властью в качестве занимающего государственную должность; когда его полномочия включают

¹²¹ Шестопал Е.Б. Образы российской власти: от Ельцина до Путина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С.4.

¹²² Хархордин О.В. Основные понятия российской политики. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 9.

¹²³ Ross A. On The Concept “State” and “State Organs” in Constitutional Law. URL: <http://www.scandinavianlaw.se/pdf/5-6.pdf> (14.07.2015)

в себя возможность приказывать другим; когда его действия осуществляются не в личных интересах, а в интересах общественного блага; когда его полномочия «переплетены с другими, в сумме составляя систему власти»¹²⁴.

Представители власти наделяются людьми теми качествами, которые существуют в качестве основных представлений в образе государственной власти. Будучи акторами в публичном поле, представители становятся главными действующими лицами, реализующими образы государственной власти на практике.

Важно отметить, что неотъемлемой частью представителей власти являются их имиджи, которые представляют собой поверхностные слои образов государственной власти, «специально сконструированное и растиражированное отражение личности политика (партии, государства, товара и т.д.)»¹²⁵. Эти имиджи могут оказывать определенное влияние на интерпретации ситуации взаимодействия государства и общества.

Воспроизводя властные отношения, государство одновременно сталкивается с задачей воспроизводства общества, его социального и институционального порядка. Решение этой задачи тесно связано с решением задачи воспроизводства самого государства. Государство осуществляет социокультурное регулирование, направленное на поддержание внутреннего символического порядка социума¹²⁶. Дисциплинарные технологии организации и реорганизации индивидов в пространстве устанавливают непрерывность властных и социальных отношений в обществе, их взаимную зависимость.

¹²⁴ Хархордин О.В. Основные понятия российской политики. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С.10.

¹²⁵ Образы российской власти: от Ельцина до Путина / под ред. Е.Б. Шестопал. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С.231-232.

¹²⁶ См. Горобцова А.В., Квачев В.Г. Эволюция теорий социокультурного регулирования // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 44. С.6-22.

Социальная интеграция в конечном итоге и становится формой, которую принимает воспроизводство властных отношений и социального порядка. Государство стимулирует одни практики и интерпретации и блокирует другие. Здесь уместно использовать метафору Ж. Делёза о государстве как об аппарате, который превращает гладкое пространство свободных потоков социальных отношений и взаимодействий в рифленое пространство, в котором государство контролирует основные узлы и замедляет или останавливает движение различных потоков¹²⁷.

Конечно, такое определение государственной власти не должно создать иллюзию всесильности и всемогущества государства. Если бы государственной власти действительно не было альтернативы в процессе стимулирования социальной интеграции и блокирования дезинтеграции, не происходило бы революций и распадов государств по внутренним причинам. Следует иметь в виду, что в любом обществе существуют различные субъекты, которые могут оказывать воздействие на социальную интеграцию или дезинтеграцию. Государство – это не единый субъект воздействия на социальную интеграцию, а скорее комплекс процессов, воспроизводящих все пространство властных отношений и конституирующих государственную власть и социальный порядок.

Такое понимание государственной власти перекликается с описанной нами в Параграфе 1.1. теории «градов» Болтански и Тевено, которая рассматривает проблему возможности единства общества на основе множества интерпретаций. Государство, понимаемое как постоянное пространство воспроизводства властных отношений, подвержено воздействию различных субъектов, которые могут влиять на описанный Болтански и Тевено процесс постоянного динамического достижения согласия во множестве ситуаций, стимулировать формирование тех или иных

¹²⁷ См. Делёз Ж. *Гваттари Ф.* Тысяча плато: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. С.805-806.

интерпретаций. Разные субъекты воздействия могут оказывать разное влияние на социальную интеграцию в зависимости от своей возможности использовать аппараты и институты государства. Эти субъекты сталкиваются с необходимостью обосновывать свое социальное положение. Это одна из ключевых политических проблем – проблема легитимности, на которую обращал внимание еще М. Вебер.

Для государства стимулирование социальной интеграции естественно, потому что поддержание устоявшегося порядка – одна из его неотъемлемых функций, без которых оно перестает быть государством. Но основа, на которой происходит социальная интеграция, может быть различной.

Мы уже упоминали, что в основе социальной интеграции лежат представления и образы, совместные для сообщества. Но сами представления, лежащие в основе социальной интеграции, могут сильно отличаться. Зачастую социальная интеграция для одного из оказывающих влияние субъектов может означать дезинтеграцию для другого – так происходит, например, когда региональные элиты пытаются конституировать собственные, независимые от центральной власти, автономные представления о государстве, территории и сообществе региона. Противоборство субъектов выражается в противоборстве представлений, влияющих на социальную интеграцию. В процессе этого противоборства основой социальной интеграции становятся различные идентичности, которые могут совмещаться, накладываться или конфликтовать.

Социальная интеграция как процесс конституирования единства общества опирается на идентичность. Под идентичностью мы будем понимать коллективное ощущение принадлежности к какой-либо общности. В настоящей работе идентичность нас интересует именно как идентичность нации, то есть территориального, культурного, социального и политического сообщества в государственных границах. Вслед за И. Валлерстайном, мы укажем, что при этом нам не важно, в какой форме эта идентичность

проявляется – в форме «генетически непрерывных групп (рас), исторических социально-политических групп (наций) или культурных (этнических) групп»¹²⁸. В общем смысле все эти три формы объединяют общенациональной идентичностью сообщество.

Каким образом идентичность связана с социальной интеграцией? Необходимо иметь в виду, что общество это в значительной степени «национальная единица»¹²⁹, то есть общность, сформировавшаяся в рамках государства и в основном им ограниченная. У. Бек назвал такой подход «контейнерной теорией общества»¹³⁰, имея в виду, что каждое общество отграничено от другого своего рода «контейнером» и достаточно обособленно существует и развивается внутри него. Контейнерная теория исходит из следующих предпосылок:

1. Общество подчиняется государству, и любое общество есть государственное общество, а общественный строй – то же самое, что и государственный строй;

2. Общество, с одной стороны, находится в «контейнере» властного пространства государства, а с другой стороны, является по определению неполитическим, так как вся политическая жизнь естественным образом сосредоточена в государстве;

3. Социальная активность опосредуется государственными контролем в определенных формах; государство стандартизирует, ограничивает, создает, рационализирует социальную систему в целом.

Эта интеллектуальная традиция ведет свое происхождения от идеи о том, что общество представляет собой монолитный организм. Логически

¹²⁸ Валлерстайн И. Конструирование народа: раса, нация, этническая группа / Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004. С.93.

¹²⁹ См. Турен А. Социология без общества // Социологические исследования, № 7, 2004.

¹³⁰ Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. С.47.

общество и государство в этом контексте рассматриваются в единой связке: «государственная форма есть особый вид этого единства [государства и общества]»¹³¹. В связи с этим можно вспомнить социальную философию Просвещения с ее государством, сосредотачивающем в себе волю всего общества в виртуальном едином действующем лице-суверене¹³², и объединением народа в форме единства политического тела под властью государства¹³³. Общество мыслится исключительно в рамках национально-государственного порядка, государство является главным действующим лицом в общественных процессах.

«Контейнерное» понимание общества обосновано по нескольким причинам. Во-первых, общества отграничены друг от друга географическими преградами и государственными границами, которые препятствуют абсолютно свободному перемещению потоков людей и смешению индивидов вне обществ-контейнеров (так, Н. Луман, говоря о «господствующем» в социологии понимании общества, указывает на то, что это общество является «территориально-ограниченной единицей»¹³⁴). Во-вторых, общества разделены культурными, религиозными и языковыми границами, которые определяются устойчивыми внутри обществ идентичностями, обеспечивающими воспроизводство определенных наборов норм и символических значений. И хотя в современном мире благодаря самым новейшим техническим средствам возможно размывание территориальных преград и культурных границ, в основном общества по-прежнему остаются относительно обособленными национально-государственными «контейнерами».

¹³¹ Шмитт К. Государство и политическая форм. М.: Изд. Дом Гос. Ун-та – Высшей школы экономики, 2010. С.41.

¹³² Гоббс Т. Левиафан. М.: Изд-во «Мысль», 2001.

¹³³ Локк Дж. Два трактата о правлении / Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 137-405.

¹³⁴ Луман Н. Общество как социальная система. М.: Издательство «Логос». 2004. С. 23.

Внутри этих «контейнеров» общества воспроизводятся как общности индивидов на основе сложной иерархии идентичностей по отношению к разным группам внутри общества. Индивид, таким образом, может иметь разнообразные идентичности в соответствии со своим классовым, профессиональным, религиозным или национальным статусом. Однако наиболее общей для всех людей, живущих в национально-территориальном «контейнере» становится идентификация не по отношению к отдельным группам, а по отношению к обществу в целом. Такая идентичность формируется в форме лояльности по отношению к нации (в мононациональных государствах) или по отношению к общегражданской идентичности (в многонациональных государствах). Это наиболее обобщенная, генерализованная идентичность служит основой для конституирования национально-государственного «контейнера».

Еще Парсонс указывал, что состояние равновесия в обществе предполагает, что в «системе норм, которые управляют лояльностями [...] права и обязанности различных коллективов должны быть согласованы не только между собой, но и с легитимными основаниями порядка в целом»¹³⁵. Поэтому устойчивое воспроизводство идентичности – необходимое условие для социальной интеграции.

В трудах социологов «воображаемых сообществ» Б. Андерсона и А. Аппадурай¹³⁶ раскрываются конкретные процессы, которые формируют общности в рамках национально-государственных «контейнеров».

Социология «воображаемых сообществ» утверждает, что национально-государственные общества (нации) формируются в результате работы социального воображения, которое интерпретирует объективные условия существования индивидов в рамках национально-территориальной

¹³⁵ Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. С.26.

¹³⁶ См. Appadurai A. *Modernity At Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis, 1996.; Андерсон Б. *Воображаемые сообщества*. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

общности. Однако важно помнить, что говоря о воображении, Андерсон и Аппадурай имеют в виду не фантазию, а работу совместных представлений индивидов по символической реконструкции социальной реальности. Множество индивидов соответствующей общности одновременно «воображает» себя общностью. Такое коллективное воображение является «сконструированным ландшафтом коллективных желаний, представленных через призму современных СМИ»¹³⁷. В качестве основного механизма конструирования национально-государственных обществ выступают социальные коммуникации, в современном обществе в этом процессе крайне важна роль СМИ, которые конституируют единый для сообщества язык и соответствующие ему представления о реальности, ее интерпретации.

Идентичность как идентификация по отношению к такому «воображаемому сообществу» формируется посредством социальных коммуникаций, в которых реализуются совместные представления общества. У. Бек назвал такие коммуникации актами стандартизированного коллективного бытия – «совместного, но при этом индивидуализированного действия»¹³⁸. В наше время в роли такого стандартизированного коллективного действия выступает просмотр телевидения или чтение новостей в интернете, в социальных сетях. Известный отечественный исследователь Л.А. Дробижева пишет о том, что формирование идентичности происходит под влиянием системы образования, СМИ, символов и т.п.¹³⁹

Формирование идентичности это один из процессов в рамках более обширного процесса социальной интеграции (в котором сливаются

¹³⁷ Appadurai A. *Modernity At Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis, 1996. P.31.

¹³⁸ Бек У. *Общество риска. На пути к другому модерну*. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С.195.

¹³⁹ См. Дробижева Л.М. Российская идентичность и согласие в межнациональных отношениях: опыт 20 лет реформ // Вестник российской нации. 2012.Т. 24-25. №4-5.

экономические, социально-исторические, географические и иные факторы). В качестве других механизмов социальной интеграции выступают правовая система, система критериев членства, экономические, административные, политические методы, а также добровольная самоорганизация индивидов и др.¹⁴⁰. Вместе с тем «наиболее сильные основания солидарности» существуют там, где сливаются «религиозный, этнический и территориальный факторы»¹⁴¹.

В своем классическом социологическом труде П. Бергер и Т. Лукман описывают создание и функционирование символических универсумов, включающих институциональный порядок общества во всей его символической целостности¹⁴². Символический универсум как комплексная «система отсчета» содержит не только необходимые объяснения феноменов окружающего мира, но и легитимацию идентичности индивидов, включенных в общество¹⁴³. Идентичность, конституируемая в символическом универсуме дает индивиду «уверенность в том, что он действительно является тем, кем он себя считает, когда играет свои привычные социальные роли»¹⁴⁴. Хотя Бергер и Лукман предостерегают от использования понятия «коллективные идентичности», они признают, что идентичности представляют собой «относительно стабильные элементы объективной реальности», которые возникают из «диалектической взаимосвязи индивида и общества»¹⁴⁵. Идентичности при этом встроены в конкретные символические универсумы, в которых содержатся их легитимации и механизмы идентификации.

¹⁴⁰ Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. С.33-43.

¹⁴¹ Там же. С.38.

¹⁴² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. С.157.

¹⁴³ Там же. С. 164.

¹⁴⁴ Там же. С. 165

¹⁴⁵ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. С. 281.

Итак, социальная интеграция приводит к формированию идентичности, которая служит важнейшим объединяющим фактором в обществе.

Когда мы говорим о социальной интеграции на уровне конкретного общества, мы имеем в виду, что общество интегрируется на основе совместных представлений. Но каким образом эти представления связаны с национальной идентичностью?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к теории формирования групп Р. Брубейкера¹⁴⁶. Он описывает социальные группы не как «сущности», а как «групповости», то есть гибкие наборы контекстуальных переменных¹⁴⁷. Эти переменные основаны не исключительно на «объективных» параметрах отнесения к группе, а прежде всего на единстве интерпретации реальности (у Брубейкера оно называется единством «категоризации»). Инкорпорация в социальную группу происходит на основе принятия совместной для группы схемы интерпретации посредством приобщения к значимым в культурном и символическом отношении нарративам. Брубейкер определяет единство группы («групповости») как единство «классификации и категоризации, включая и самоклассификацию, и классификацию других и другими»¹⁴⁸. Иными словами, группы индивидов объединяет не только общность социально-экономического положения, сколько общность коллективных представлений о реальности (в том числе и о своем социально-экономическом положении) и соответствующих им практик.

Логику Брубейкера можно распространить и на национальную идентичность, единство классификаций и категоризаций в которой обеспечивается общностью культуры, языка, религии (то есть объективированными причинами). Не последнюю роль в процессе такого

¹⁴⁶ См. Брубейкер, Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

¹⁴⁷ Там же. С. 29-30.

¹⁴⁸ Там же. С. 40-41.

объединения играет государственная власть, которая задействует различные механизмы влияния на идентичность: ограничение свободного передвижения индивидов государственными границами, осуществляет языковую и информационную политику, право. Таким образом, национальная идентичность становится результатом сочетания влияния соответствующих объективных социально-исторических факторов и усилий государства по конституированию обособленной общности в рамках «контейнера». А.П. Коэн назвал такую идентичность «отграниченным сознанием» («boundary-consciousness»)¹⁴⁹, имея в виду, что национальная идентификация в обществе во многом связано с национально-государственными политическими и культурными границами.

Таким образом, идентичности связаны с социальной интеграцией, которая формирует общество как группу, объединенную совместными представлениями. Это определение в некотором смысле перекликается с логикой Б. Латура, который провозгласил: «групп нет - есть только группообразования»¹⁵⁰.

Итак, мы будем исходить из положения о том, что социальная интеграция конституирует национально-государственное сообщество. Под социальной интеграцией мы будем понимать интеграцию внутри национального-государственного общества, то есть конструирование единства общества в рамках национального государства – создание идентичности, в которой «политическая и национальная единицы должны совпадать»¹⁵¹. В этом процессе формируется идентичность как форма соотнесения индивидов с национально-государственным сообществом. Это соотнесение связано с совместными представлениями, поскольку последние

¹⁴⁹ *Cohen A.P.* Boundary consciousness: Politicizing Cultural Identity // *The frontiers of Europe*. London: Wellington House, 1998. P.27.

¹⁵⁰ *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014. С.43.

¹⁵¹ *Геллнер Э.* Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. С.23.

выступают критерием «проверки», основанием для «логики различения» своих и чужих. Воспроизводя представления, индивиды утверждают свою идентичность, а через идентичность приобщаются к национально-государственному сообществу, поскольку идентичность связывает «социальную структуру с индивидуальным действием»¹⁵².

Национально-государственная социальная общность интегрируется с помощью многочисленных механизмов, к числу которых относятся как экономические и политические, так и социальная интеграция. В последнем случае единство общества конституируется с помощью воспроизводства тех или иных представлений, способствующих закреплению в символической сфере единства общества в рамках национально-государственных границ (причем в данном случае под границами понимаются не только территориальные, но и экономические, политические, языковые¹⁵³ и пр.). Таким образом устанавливается связь субъективных и объективных элементов общества, то есть институтов – наборов коллективных норм и ценностей, которые реализованы в культуре; и социальных структур, то есть сетей социальных отношений, в которых организованы процессы взаимодействия.

Отметим, что, помимо социальной интеграции внутри национально-государственного общества, существуют и другие виды интеграции. Еще Т. Парсонс указывал на существование многочисленных лояльностей индивида по отношению к разным коллективам и формирующуюся в соответствии с этим иерархию лояльностей. Состояние равновесия, которое прописывается в качестве основной характеристики общества у Парсонса, предполагает, что в «системе норм, которые управляют лояльностями [...], права и обязанности различных коллективов должны быть согласованы не только между собой,

¹⁵² Ставропольский Ю.В. Социология этнокультурной идентичности в поликультурном обществе. М.: Издательство «Перо», 2015. С.41.

¹⁵³ См. Джозеф Дж. Язык и национальная идентичность // Логос. 2005. 4(49).

но и с легитимными основаниями порядка в целом»¹⁵⁴. Иными словами, интеграция на различных уровнях должна быть непротиворечивой, а «иерархия лояльностей» - последовательной.

Однако современное состояние общества далеко от такого равновесия. Оно носит скорее, выражаясь словами Ж. Делёза, ризоматический характер¹⁵⁵, то есть представляет собой не иерархию, а сеть, в которой множества социальных субъектов и объектов подвержены разнообразным процессам интеграции. Новые виды интеграции в современном обществе, которые во многом оспаривают интеграцию внутри национально-государственного общества, напрямую связаны с различными формами глобализации. В рамках глобальных процессов происходит интеграция в глобальные общности в противовес общностям внутри национально-государственного «контейнера». Наиболее ярким современным примером такой глобальной интеграции служит надгосударственная интеграция по этническому или религиозному принципу.

3. Бауман указывает, что все большую роль в процессе социальной интеграции играют процессы в рамках глобального капиталистического общества, которые интегрируют индивидов и социальные группы на основе общности потребления¹⁵⁶. М. Кастельс пишет о том, что постепенно внутригосударственное единое информационное поле теряет свою объединительную силу, поскольку на смену ему приходят индивидуализированные, фрагментированные сети коммуникации¹⁵⁷. Эти формы интеграции размывают традиционные социальные группы и

¹⁵⁴ Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. С.26.

¹⁵⁵ См. Делёз Ж. Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.

¹⁵⁶ Bauman Z. Is there a Postmodern Sociology? // The Postmodern Turn. Cambridge, 1998. P. 191.

¹⁵⁷ Castells, M. The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture, Vol. I. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1996. P. 320-340.

общности, поскольку включают их элементы в более широкий глобальный контекст и вследствие этого формируют новые идентичности¹⁵⁸.

В современной многомерной структуре общества можно говорить о многочисленных интеграциях, которые связаны с теми социальными общностями, к которым принадлежит индивид. Ш. Муфф пишет по этому поводу: «люди все чаще стали искать иные формы коллективной идентификации, зачастую способные поставить под угрозу гражданские узы»¹⁵⁹. Человек может быть интегрирован в рамках социoproфессиональной группы, этноса, расы, гендера, модели потребления, религии и т.д. Различные формы интеграции носят внутригрупповой, или, напротив, глобальный характер, формируя идентичности внутри национально-государственного контейнера, или, напротив, далеко за его пределами.

Однако вышеприведенная тенденция вовсе не значит, что наступил уже однажды провозглашенный «конец истории». Государство и соответствующая ему национально-государственная идентичность — по-прежнему один из важнейших факторов жизни человечества. Разрушения национальной идентичности, как этой порой предсказывалось ранее, в XXI веке не происходит. Напротив, эта идентичность зачастую остается одним из немногих способов самоопределения людей в стремительно меняющемся мире.

1.4. Образ государственной власти в роли инструмента социальной интеграции

Итак, анализируя феномены социальной интеграции, социальной идентичности и государственной власти, мы предлагаем рассмотреть модель

¹⁵⁸ Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности XXI столетия. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012.

¹⁵⁹ Муфф Ш. К агонической модели демократии // Логос. 2004. №2 (42). С.191.

их взаимного влияния. Ключевым понятием при анализе этого влияния для нас будет понятие образа государственной власти.

Понятие образа государственной власти активно разрабатывается российскими исследователями. Рассматривая различные подходы к изучению данного феномена, мы попытаемся сформулировать собственное понимание образа государственной власти. Среди отечественных исследователей мы выбрали тех, чьи труды в области исследований образов власти наиболее соответствуют задачам настоящего исследования.

Е.Б. Шестопа́л определяет образ власти как комплексную структуру общественного сознания, включающую в себя два важных уровня: рациональный и бессознательный¹⁶⁰. Шестопа́л указывает, что образ власти «представляет собой отражение реальных характеристик объекта восприятия, т.е. политической власти»¹⁶¹. При этом образы власти, по Шестопа́лу, меняются под воздействием политических, культурных, социальных и личностных факторов. Среди этого многообразия факторов выделяются те, которые детерминируют формирование образа власти, Шестопа́л делит их на две группы: характеристики самой власти и личные особенности тех, кто воспринимает власть¹⁶².

В структуре образов власти Шестопа́л выделяет эмоциональные составляющие (отношение к власти реальной и идеальной, нынешней и прошлой, эмоциональная нагрузка этих составляющих); когнитивные составляющие (интерес к теме власти, степень самостоятельности суждений о власти, уровень когнитивной сложности образов, степень ясности образов, наличие в описаниях власти действующего субъекта); поведенческие

¹⁶⁰ Шестопа́л Е.Б. Новые тенденции восприятия власти в России. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Shestopal-2005-3.pdf> (5.08.2015)

¹⁶¹ Шестопа́л Е.Б. Сдвиги в восприятии власти российскими гражданами в 2010-х гг. //Человек. Общество. Управление. №1. 2014. С.54.

¹⁶² Шестопа́л Е.Б. Образы российской власти: от Ельцина до Путина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С.14.

составляющие (готовность участвовать в управлении государством, принимать участие в различных формах политической деятельности).

Интересно, что Шестопа́л исследует не только «образы существующей власти», но и «образы идеальной власти», то есть «эталонные» представления, которые служат образцами для сравнения и оценки действий политиков¹⁶³. Власть, по мнению Шестопа́л, «является весьма абстрактной категорией в сознании граждан, но она раскрывается через образы конкретных ее носителей»¹⁶⁴.

Сравнивая образы идеальной и существующей власти, Шестопа́л стремится найти «ценностно-нормативные измерения образов власти, которые напрямую связаны с доминирующими в обществе ценностями политической культуры»¹⁶⁵, а также «установить зависимость между нынешними политическими взглядами и ценностями и типом социализации»¹⁶⁶. Индивиды соответственно могут идентифицировать себя в соответствии с определенными образами власти, вырабатывая на этой основе собственную идентичность¹⁶⁷.

Исследования Е.Б. Шестопа́л, без сомнения, являются самыми влиятельными трудами в области изучения образов власти в России. Используя различные социально-психологические методы, Шестопа́л показывает как функционируют и влияют на людей образ государственной власти. Однако методика Шестопа́л не может быть в полной мере использована в настоящем исследовании – она не позволяет раскрыть связь образов государственной власти с социальной интеграцией.

¹⁶³ Шестопа́л Е.Б. Образы российской власти: от Ельцина до Путина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С.13.

¹⁶⁴ Там же. С.17.

¹⁶⁵ Там же. С.14.

¹⁶⁶ Там же. С.15.

¹⁶⁷ Там же. С.16.

Н.А. Романович дает четкое определение образу власти, по ее мнению, это «система представлений общества о власти, включающая базовые аспекты (понятие о ее сущности, функциях, форме, обязанностях) и конъюнктурные аспекты (ожидания от конкретной власти определенных социально-политических действий)¹⁶⁸. Романович считает, что для образа власти важную роль играет идеология, которая «является важным основанием базовых аспектов образа власти» и проявляется в «общих представлениях» о власти и «во взглядах на формы социального взаимодействия власти с другими государственными органами и структурами»¹⁶⁹.

Романович формулирует основное противоречие: существуют две основных модели образа власти – деперсоналицированный и деперсонифицированный¹⁷⁰ (в более позднем исследовании автора – западный и традиционный¹⁷¹).

Романович описывает эти образы власти следующим образом: для деперсонифицированного характерна сакральность закона и верховенство «правил»; для персонифицированного – сакральность правителя и верховенство его личности. В структуре самого образа Романович выделяет цели и функции, которые служат телеологической апологией функционирования власти и государства.

Для описания взаимодействия власти и общества Романович анализирует феномен отношения к власти. По мнению Романович, отношение к власти многомерно и мозаично, состоит из множества элементов: «на верхнем уровне проявляется как как социокультурная

¹⁶⁸ Шестопал Е.Б. Образы российской власти: от Ельцина до Путина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С.16.

¹⁶⁹ Там же. С.17.

¹⁷⁰ Там же. С.17-22.

¹⁷¹ Романович Н.А. Реконструкция образа государства в социальной памяти // Регион: системы, экономика, управление . №3. 2014.

установка, а на нижнем – как оценка деятельности конкретной власти»¹⁷². Романович считает, что отношение к власти проявляется через оценку ее соответствия «целям и функциям (т.е. своему образу)»¹⁷³.

В связи с этим Романович вводит понятие ожиданий, которые представляют собой соотношения между реальным и идеальными образами власти: «население сопоставляет реальный образ власти с идеальным и оценивает степень расхождения»¹⁷⁴. Чем меньше расхождения, тем больше доверие и выше положительное отношение к власти.

Методология Романович отталкивается от заданной шкалы, по которой измеряется ценностное содержание образа власти: она делит все его проявления на «персонифицированные» и «деперсонифицированные». Между тем принятие априорной шкалы для группировки элементов образа власти может привести к искусственному выстраиванию образов государственной власти на основе заранее определенных исследователем классификаций. К тому же, внутри самой этой априорной шкалы могут возникнуть противоречия, связанные с проблемой отнесения элементов образа власти к тем или иным классифицирующим основаниям.

С.В. Санников для изучения образов власти использует историографический и семиологический методы, а предмет его исследования – образы власти прошлого. Санников дает понятию образа власти достаточно сложное определение: «под образом власти я понимаю вторичную семиологическую систему, включающую в себя связь между совокупностью знаков первого порядка, отражающих содержательные характеристики системы отношений легитимного социального господства и подчинения, и комплексом психических переживаний (феноменов), порожденных

¹⁷² Романович Н.А. Формирование и воспроизводство образа власти в российском обществе. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2009. С.37.

¹⁷³ Там же. С.17-22.

¹⁷⁴ Там же. С.53-54.

восприятием этих знаков»¹⁷⁵. Иными словами, образ власти «представляет собой отражение политической действительности, возникающее в результате преломления характеристик субъекта власти в призме восприятия современников или потомков»¹⁷⁶. Опираясь на разработки Е.Б. Шестопал, Санников соглашается с ее тезисом о двух аспектах образа власти, содержательном (т.е. рациональном) и психологическом.

На основе этого разделения Санников предлагает интересную классификацию аспектов королевской власти, которые получают отражение в образе власти в ранние Средние века: к первой группе он относит характер господства и функции власти, в том числе источники, способы легитимации, методы удержания и укрепления власти, объем властных полномочий и механизмы их реализации; ко второй – особенности личности правителя, такие как поведение и характер; к третьей – реальное и мифологическое происхождение, место и среду обитания, ритуальные модели поведения, сакральные источники власти; к четвертой – внешние атрибуты королевской власти¹⁷⁷. Санников считает, что каждую из этих групп необходимо исследовать отдельно, с помощью особого набора методов.

Оригинальная концепция С.В. Санникова позволяет ему провести весьма ценный анализ исторических образов власти в раннесредневековой Европе. Однако методика реконструкции образов власти, существовавших в прошлом, далеко не всегда применима для исследования современных образов государственной власти. Исследование исторического образа власти ограничено текстами и материальными предметами. Современные образы власти динамичны, формируются в результате взаимодействия множества акторов, на пересечении многообразных коммуникаций.

¹⁷⁵ Санников С.В. Образы королевской власти эпохи великого переселения народов в западноевропейской историографии VI века. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. С. 22.

¹⁷⁶ Там же. С. 20.

¹⁷⁷ Там же. С. 21.

Существующие исследования образов государственной власти сформировали весьма ценную методологическую базу для изучения этого феномена. Однако отсутствие единой терминологии и общей методологической основы создает определенные проблемы при попытке обобщить существующий научный опыт.

Мы попытаемся предложить концепцию, которая, с одной стороны, позволит сделать акцент на сильных сторонах существующих в российской науке подходах к исследованию образа государственной власти, а, с другой стороны, – скорректировать и обобщить эти подходы так, чтобы построить единую теорию образа государственной власти.

На основе выделенных особенностей образа государственной власти мы сформировали собственное понимание этого феномена. Мы уже обращались к понятиям представлений и образов, указывая на их культурную обусловленность. Мы предлагаем рассматривать образ государственной власти как комплекс взаимосвязанных представлений, которые проявляются как устойчивые культуральные структуры, содержащие в себе идеи о государстве, его сущности, механизмах функционирования и властвования, взаимодействии государства и общества. Образы способствуют тому, чтобы государственной власти приписывались определенные свойства¹⁷⁸. Образ государственной власти – это образ «политического актора, от которого ожидают вполне определенных действий»¹⁷⁹.

Как образ государственной власти связан с коллективной идентичностью? Еще П. Сорокин отмечал: «коллективное единство, образуемое рядом взаимодействующих индивидов, обычно объективируется в форме тех или иных символов-проводников, выражающих это единство

¹⁷⁸ Пушкарева Г.В. Homo politicus: человек политический. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2014. С.95.

¹⁷⁹ Там же. С.98.

вовне»¹⁸⁰. Этим предметом, по Сорокину, могут становиться как лозунги и названия, так и люди, группы лиц, организации. П. Бурдьё пишет о персонах и организациях, которые могут «идентифицировать себя в собственных глазах и в глазах других с совокупностью людей, Народом, Трудящимися и тому подобным, или с социальной целостностью, Нацией, Государством, Церковью, Партией»¹⁸¹. Идентичность социальной группы соотносится с образом государственной власти, который служит одним из параметров системы координат общности и является для нее интегрирующим ориентиром.

Образы государственной власти являются частью культуры и представляют собой системы различных взглядов на государство и общество. В рамках одного общества могут существовать различные образы государственной власти, содержащие сильно отличающиеся представления о государстве.

Понимая образы государственной власти как комплексы представлений, мы отметим, что мы осмысляем представления не с позиции подхода Э. Дюркгейма («коллективные представления», выражающие совместное отношение к «коллективной реальности»)¹⁸², а в духе современной интерпретации данного понятия У. Шмаусом. Прежде всего, Шмаус пишет о том, что у понятия «коллективное представление» существует два значения. В первом случае под коллективным представлением понимаются совместные «умственные состояния», во втором – их выражение в социальных практиках. Социолог утверждает, что коллективные представления не должны обязательно выражаться в совместности «умственных состояний». Шмаус настаивает, что понятие

¹⁸⁰ Сорокин П. Система социологии. М.: Астрель, 2008. С. 312-317.

¹⁸¹ Бурдьё П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии, 2007. С. 98.

¹⁸² См. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни / Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. / Пер. с англ., нем., фр. Сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. М.: Канон+, 1998. С.186.

коллективных представлений должно относиться ко второму значению, то есть к реализации этих состояний в конкретных социальных практиках. При этом Шмаус указывает, что одни и те же «умственные состояния» могут быть по-разному реализованы на практике. Шмаус называет это «множественной реализуемостью»¹⁸³ коллективных представлений. Таким образом, в его интерпретации концепции Дюркгейма ключевую роль играет именно социальная практика, в которой реализуются совместные представления.

В связи с этим отметим, что наше понимание образа власти созвучно с интерпретацией теории власти Фуко, которую предложил Ж. Делёз: дискурсивные элементы (высказывания) являются кривыми, которые соединяют единичные события, обобщают «сингулярности», характерные для конкретных социальных взаимодействий, в форме систем знаний¹⁸⁴. Образ государственной власти в нашем понимании также объединяет в форме системы представлений множество репрезентаций различных ситуаций взаимодействия государственной власти и общества.

Такое понимание, сформулированное в духе «прагматического поворота», позволяет понимать представления как знания о чем-либо, которые являются совместными для людей в коллективах, и при этом позволяют людям успешно решать практические задачи. Наша интерпретация представлений близко к тому, что один из видных сторонников прагматической социологии Т. Шацки называет «пониманиями»: они представляют собой знания ситуации, которые связаны с наборами правил, регулирующих практики людей и телеологическими структурами¹⁸⁵.

¹⁸³ См. *Schmaus W.* Meaning and Representation in the Social Sciences / Durkheim and Representations. London: Routledge, 2000.

¹⁸⁴ Делёз Ж. Фуко. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. С. 107-108.

¹⁸⁵ *Schatzki T.R.* Practice minded orders / The practice Turn in contemporary Theory. London and New York, Routledge, 2001. P.58-61.

Наша концепция представлений предполагает компромисс между лингвистическим и прагматическим поворотами: образ мы будем рассматривать как комплекс взаимосвязанных представлений, которые влияют на социальные практики, подвергаясь, в свою очередь, их влиянию. Прагматический поворот при этом делает акцент на микроуровне социальных взаимодействий. Мы будем рассматривать конкретные практики взаимодействия представителей государственной власти и граждан как часть системы взаимоотношений государства и общества. При этом представления о государственной власти могут быть при необходимости декодированы и транслированы с помощью языка и других знаково-символических систем.

На наш взгляд, исследование образов государственной власти через призму основных представлений о государстве оправдано, поскольку представления формируются как наиболее общие знания о государстве, его функционировании, взаимодействии с обществом. Образ государственной власти мы будем рассматривать как комплекс взаимосвязанных представлений о государственной власти, которые возникают как знание о государстве, его параметрах и особенностях функционирования, взаимодействии власти и общества. Представления о государстве проявляются в конкретных ситуациях, в которых люди вынуждены вступать в практики интерпретации феноменов, связанных с государственной властью или выстраивать стратегии ответных действий. Посредством влияния на такие стратегии субъекты влияния могут воздействовать на образ государственной власти, превращая его в инструмент социальной интеграции на основе тех или иных представлений.

Образ государственной власти, строящийся на представлениях, является не просто отражением, «отпечатком» действий власти, но формируется под влиянием реальности и в тесной взаимосвязи с ней. Поэтому конкретные представления образа государственной власти необходимо исследовать не абстрактно, но в контексте социальной ситуации

и связанных с ней практик. Государственная власть воплощается, выражаясь словами Ж. Делёза, двумя формами актуализации, это «форма выражения и форма содержания, дискурсивные и недискурсивные формы, форма зримого и форма высказываемого»¹⁸⁶. Если дискурсивные формы явлены в текстах, то недискурсивные формы представляют собой обстоятельства, созданные расположением вещей: архитектуру, материальные символы, организацию пространства и т.п.

Итак, комплексы взаимосвязанных представлений создают образы. Сами представления влияют на взаимодействия людей, поскольку люди обращаются к ним при попытках разрешения противоречий и интерпретации ситуаций.

Естественно возникает вопрос: подвержены ли образы влиянию, могут ли они становятся инструментами воздействия на общество или же образы – это объективные надсоциальные структуры? Отвечая на этот вопрос, мы будем придерживаться подхода Дж. Александера. Для нас поиск представлений и образов – это исследование культуральных структур, о которых писал ученый. Вслед за Александером, мы признаем, что эти культуральные структуры являются не объективными надсоциальными сущностями, а являются продуктом реконструкции и символизации социального опыта субъектов. Но кто выступает в роли таких субъектов?

Дж. Александер, изучая феномен «культурной травмы», вводит позаимствованное им у М. Вебера понятие «групп носителей», под которыми он понимает коллективных действующих лиц¹⁸⁷. Александер указывает, что в процессе закрепления коллективной травмы в культуре группа играет ключевую роль, при этом неважно, по какому принципу эта группа выделяется: она может быть национальной или социально-экономической,

¹⁸⁶ Делёз Ж. Фуко. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998. С.64.

¹⁸⁷ Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. №3. С.19.

элитарной или маргинальной, религиозной или поколенческой¹⁸⁸. Александер пишет: «группами носителей движут и идеальные, и материальные интересы; они расположены в определенных участках социальной структуры и они обладают особенным дискурсивным талантом формулировать свои заявления — можно сказать, талантом «создавать смысл» — в общественной сфере»¹⁸⁹. Аналогичную идею мы можем найти у Б. Латура, когда он пишет о группообразовании: по его мнению, в процессе создания социальной группы одними из важных механизмов ее конституирования являются, во-первых, «представители, «говорящие в пользу» существования этой группы», то есть люди, наглядно репрезентирующие группы; во-вторых, «профессионалы», люди, которые легитимируют существование группы в культуре, политике, науке и т.п.¹⁹⁰. «Группа носителей» у Александера осуществляет одновременно обе эти функции.

Мы будем использовать понятие «группы носителей» для того, чтобы обозначить тех, кто совместно разделяет тот или иной образ и заключающиеся в нем представления. Например, в современной России в силу социопрофессиональных особенностей военные являются носителями представлений, в среднем отличающихся от характерных для общества в целом.

Группа носителей, вступая в социальное взаимодействие, поступает согласно разделяемым образам и представлениям. При этом группа носителей может влиять на представления, содержащиеся в образе — при условии обладания достаточными ресурсами и инструментами воздействия. Чаще всего в роли таких групп носителей выступают различные элиты —

¹⁸⁸ Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. №3. С.19.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014.С. 48-51.

религиозные, политические, экономические, культурные. Они могут участвовать во влиянии на представления, их изменении.

Поэтому мы не можем говорить о процессе производства и воспроизводства представлений и образов как об исключительно субъективном или объективном. В то же время мы можем утверждать, что образы могут быть инструментом, поскольку через влияние на них группы носителей распространяют свои представления на различные социальные группы.

Перформативная сила представлений создает ситуацию, при которой знаково-символические действия отражаются на действиях людей в конкретной ситуации, а группы носителей могут опосредованно влиять на эти действия. Это может способствовать социальной интеграции или дезинтеграции, раскалывая общество или давая ему платформу для объединения.

Итак, с одной стороны, мы будем рассматривать социальную интеграцию в динамической перспективе, как суммарный эффект множества микроинтеграций в процессе разрешения противоречий в конкретных социальных ситуациях, когда люди обращаются к представлениям и содержащим их образам для установления единства интерпретаций и действий. С другой стороны, мы будем иметь в виду, что представления и образы подвергаются влиянию групп носителей, которые стремятся оказать на них влияние, распространяя свои собственные представления. Это влияние, в свою очередь, изменяет поведение людей в конкретных ситуациях, поскольку они ориентируются в разрешении противоречий и достижении совместных интерпретаций на представления.

Какова роль образа государственной власти в процессе социальной интеграции? Как мы уже указывали, государство воспроизводит социальную структуру, способствуя социальной интеграции. Среди множества инструментов государства в рамках стимулирования или блокирования

интегрирующих и дезинтегрирующих процессов особую роль играют инструменты, которые воздействуют не напрямую на поведение индивидов, а затрагивают их представления о самой государственной власти.

Государство способствует распространению определенных представлений о государственной власти и старается минимизировать влияние других. Влияние на образ государственной власти выражается в стремлении сделать его таким, чтобы он содержал в себе представления, которые способствуют упрочению и укреплению существующего социального порядка.

Каким образом происходит генезис образов государственной власти? Для объяснения этого обратимся к концепции «спирали означения»¹⁹¹ Дж. Александера. Александер на примере «культурных травм» показывает, каким образом в культуре закрепляются значения тех или иных событий. Группа носителей публично (то есть перед общественностью, аудиторией) выступает с «заявлением», при этом такое «заявление» осуществляется в рамках «ситуации», то есть исторического, культурного, институционального окружения. Группа носителей, опираясь на «особенности исторической ситуации, доступные символические ресурсы, а также ограничения и возможности, предоставляемые институциональными структурами», пытается распространить свои представления о событиях посредством распространения логики этих событий на широкую аудиторию так, чтобы сообщество воспринимало свою причастность к ним¹⁹². Посредством этого Александер объясняет, каким образом люди, напрямую не имеющие отношения к травмирующим событиям, оказываются носителями культурной травмы, переживая последовательность и логику травмирующих событий в

¹⁹¹ См. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. №3.

¹⁹² Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. №3. С.20.

рамках достижения чувства причастности через знаково-символические средства и ритуалы.

Для нашей работы концепция «спирали означения» важна с точки зрения ее возможности объяснить, каким образом отдельные группы распространяют свои представления о государственной власти на широкие слои населения. Распространяя логику модели Александера на предмет нашего исследования, мы можем выстроить следующую модель.

Группы носителей различных представлений о государственной власти, различных образов государственной власти, вступают во взаимодействие и противоборство для того, чтобы распространить их в обществе. Для этого они могут использовать различные средства. В первую очередь, это относится к элитам, поскольку они обладают достаточными ресурсами, институтами и аппаратами для того, чтобы транслировать определенные образы государственной власти.

Представления, включенные в определенные образы государственной власти посредством коммуникации универсализируются, то есть закрепляются в качестве культурно всеобщих, общезначимых. При этом такие представления проявляются, закрепляются и воспроизводятся в ситуациях, в которых люди вынуждены для интерпретации действий и качеств государственной власти прибегать к определенным представлениям. В конкретной ситуации индивиды ориентируются на присущие им образы государственной власти, обращаются к совместным представлениям, затем «встраивают» эти представления в ситуацию, то есть говорят и действуют в соответствии с ними (см. Приложение 1).

Именно поэтому ключевой точкой исследования образов государственной власти является ситуация. Но для изучения влияния образа государственной власти на социальную интеграцию подходит не любая ситуация. Мы попробуем определить интересующие нас ситуации через понятие публичного пространства, в котором происходит производство,

номинирование, выявление коллективной воли нации. Это ситуации, в которых требуется публичное обоснование тех или иных оснований коллективного интереса, а также выработка интерпретаций действий государства.

В роли подобной ситуации может выступить далеко не всякий набор обстоятельств и действий субъектов, пускай даже и наделенных государственными полномочиями. При возникновении общезначимой ситуации требуется утверждение или изменение, интерпретация представлений и образов.

Ситуациями могут становиться как обстоятельства настоящего, прошлого и будущего. Ситуации конституируются в качестве общезначимых через пространство информационных потоков СМИ: в первом случае как актуальные новости, во втором – как события прошлого, которые по какой-либо причине (годовщина, праздник, выход книги, высказывания значимого лица) вновь стали актуальными и требуют интерпретации, в третьем случае – как прогнозы и сценарии.

В процессе проникновения в поле публичного формируются множества интерпретаций ситуаций, основанных на тех или иных образах государственной власти и включенных в них представлениях.

«Ситуации испытания»¹⁹³, как мы будем называть такие ситуации вслед за Болтански и Тевено, возникают в тех случаях, когда люди сталкиваются с необходимостью интерпретировать действия или обстоятельства, в которых задействована государственная власть. В этих ситуациях задействуются представления, лежащие в основе образов государственной власти. Ситуация предполагает, что возникают обстоятельства и отношения, в которых люди, опираясь на свои представления о государственной власти, интерпретируют ее действия. При этом интерпретация в каждой конкретной ситуации

¹⁹³ Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С.205-206.

опирается на вещи и объективные обстоятельства данной ситуации. Как пишут Болтански и Тевено, исследование ситуации позволяет преодолеть «традиционное противопоставление «аргументации» и «обстоятельств»», а также показать «столкновение принципов с обстоятельствами»¹⁹⁴.

На первом этапе в процесс создания интерпретаций включаются группы носителей, каждый из которых стремится утвердить собственные интерпретации, апеллируя к аргументам, фактам, текстам и вещам. Интерпретации ситуаций становятся сложными образованиями, в которых образы государственной власти тесно связываются, с одной стороны, с обстоятельствами, физическими объектами и символическими номинациями, а, с другой стороны – с определенными образами государственной власти. Интерпретации ситуаций становятся частью образов государственной власти, подкрепляя те или иные представления «практическими» аргументами – примерами из реальной социальной жизни. Образы государственной власти пополняются интерпретациями ситуаций, и, в свою очередь, оказывают влияние на дальнейшие трактовки ситуаций.

В общезначимых ситуациях действуют не абстрактные акторы («государство», «общество», «бизнес»), а представляющие их конкретные лица. Интерпретация ситуации начинается с идентификации и категоризации действующих лиц ситуации. В ходе этого определения, выясняется, кто выступает от лица коллективных акторов (например, кто именно из задействованных в ситуации лиц представляет государственную власть). При этом образы и имиджи действующих лиц могут влиять как на процесс их определения как представителей акторов, так и на конечные интерпретации ситуации.

Затем происходит выяснение обстоятельств (фактов и связанные с ними вещи), которые выступают в роли опорных точек для выстраивания интерпретаций. Поскольку обстоятельства почти никогда не наблюдаются

¹⁹⁴ Там же. С.205.

непосредственно всеми участниками процесса интерпретации, то их подключение к процессу интерпретации происходит через доказательства, опосредующие обстоятельства с помощью современных средств массовой коммуникации.

Вещи в ситуациях испытания служат в роли «крючков, на которые навешивается интерпретация реальности»¹⁹⁵. В роли таких крючков могут выступать как личные, но вместе с тем обобщенные вещи (то есть в некотором смысле «публичные», например, такие как однотипные портреты властителя), так и публичные вещи (а точнее, места) символического характера, например, здания, памятники или площади.

В ходе формирования интерпретаций подключаются те представления и образы государственной власти, которые соответствуют обстоятельствам и смыслу данной ситуации, действиям коллективных акторов. Представления и обстоятельства формируют интерпретацию ситуации, которая соотносится с уже имеющимися интерпретациями других ситуаций.

После формирования интерпретаций ситуации как бы распадаются на множества микроситуаций, переходят на уровень практического обоснования в многочисленных вторичных публикациях СМИ, социальных сетях, политических дискуссиях, бытовых разговорах. Как пишет Г.В. Пушкарева, «способность человека к обобщениям позволяет ему образы коллективных политических акторов насыщать крупными собственными опытом»¹⁹⁶.

На этом уровне ситуация становится предметом борьбы интерпретаций на бытовом уровне. В каждой из микроситуаций люди выбирают интерпретации в соответствии с теми или иными характерными для них

¹⁹⁵ Хархордин О.В. Прагматический поворот: социология Л. Болтански и Л. Тевено. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/113/878/1219/006_Harhordin_32-42.pdf (11.04.2015)

¹⁹⁶ Пушкарева Г.В. Homo politicus: человек политический. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2014. С.99.

образами государственной власти, при этом борьба интерпретаций далеко не обязательно заканчивается доминированием одной из них.

На этом этапе образы государственной власти связывается с социальной интеграцией. В соответствии с интерпретациями ситуаций происходит формирование соответствующих образу государственной власти практик. Просмотр ежевечерних телепередач с участием видного эксперта-экономиста становится широко распространенной практикой – тем более у каждого дома есть телевизор; все подданные считают своим долгом обзавестись небольшим изображением монарха. Такие практики становятся ритуалами, поддерживающими идентичность, «делами по поводу вещей», включенных в социальное взаимодействие¹⁹⁷.

Устоявшиеся интерпретации ситуаций могут быть использованы для обоснования новых ситуаций. Они подключаются в процессе интерпретации как примеры, которые встраиваются в единую логику того или иного образа государственной власти.

Группы носителей стремятся встроить в ситуацию представления и образы государственной власти, которые интегрируют или дезинтегрируют общество. Каждая ситуация становится пространством борьбы различных образов государственной власти.

Социальная интеграция посредством образа государственной власти опирается на такие представления, которые в ситуации могут продемонстрировать, что те или иные действия государственной власти соответствуют коллективному интересу и укрепляют коллективную идентичность. Противоположные интерпретации носят не всеразрушающий характер (группы носителей не стремятся сознательно уничтожить общество), они предлагают «реструктуризацию» единства на иных основаниях, то есть на основе другого образа государственной власти.

¹⁹⁷ Инфраструктура свободы: общие вещи и *res publica*: коллективная монография. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 79.

Поэтому дезинтеграция в данном случае – следствие стремления воздействовать на иные социальные интеграции, а не самоцель для групп носителей.

Группы носителей, влияющие на процесс возникновения, сохранения и разрушении идентичности национально-государственной социальной общности, взаимодействуют в рамках воздействия на социальные, экономические, политические и иные условия и формы существования групп. Символическая борьба за социальную интеграцию (или дезинтеграцию) отражает эти объективные изменения или претендует на смысловую артикуляцию желаемых или назревших изменений.

Интерпретации ситуаций испытания – не просто символические отражения реальности в форме знаков, но перформативные акты, которые ведут к конкретным практическим последствиям и которые сами по себе обретают реальность в публичном пространстве. В то же время интерпретации опираются на вещи, которые определяют формат практик.

Исследование ситуаций испытания позволяет вычлениить основные, наиболее актуальные представления о государстве и построить модель их взаимосвязи, а также на основе этой взаимосвязи выделить образы государственной власти, которые наиболее значимы в настоящий момент и оказывают наибольшее влияние на общественные практики и отношения.

Для того чтобы понять, как именно интерпретируются ситуации с точки зрения дискурсивных техник, обратимся к понятию практики обоснования справедливости, введенному Л. Тевено и Л. Болтански¹⁹⁸. Люди приписывают справедливость/несправедливость действиям государства с помощью апелляции к комплексу принципов, который Болтански и Тевено называют «гражданским градом».

¹⁹⁸ См. Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

В гражданском граде «ценность людей определяется их принадлежностью к коллективам»¹⁹⁹, в том числе к коллективам высокого порядка, таким как нации или народы. Индивиды в рамках режима оправдания гражданского мира становятся членами «не имеющего конкретного воплощения суверена, заботящегося только об общем интересе»²⁰⁰.

Ситуации в рамках гражданского града оцениваются по их влиянию на общее благо коллектива. Особое значение в гражданском граде приобретает представитель – тот, кто действует от имени и во имя интересов коллектива и входящих в него индивидов. Представитель выражает коллективную волю. Коллективная воля – это «воля всех», выраженная в «юридическом акте», легитимная воля «коллективного лица», которая воплощается в «коллективном действии».

Болтански и Тевено указывают, что в практическом смысле гражданский град проявляются при публичных политических акциях: «великие моменты гражданского мира – это моменты единения, собрания [...], когда реальность существования коллективных лиц подтверждается физическим присутствием их членов: демонстрации, движения, ассамблеи, собрания, советы, сессии, конгрессы»²⁰¹. Другая форма практической реализации гражданского града – институциональная (голосование, выборы, назначение представителей). Наконец, реальность гражданского мира должна согласовываться с «текстами официальных документов, на которые можно сослаться, и с юридическими нормами, которые могут быть применены» в конкретной ситуации²⁰².

¹⁹⁹ Там же. С.290-291.

²⁰⁰ Там же. С.78.

²⁰¹ Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С.301.

²⁰² Там же. С.302.

Итак, образ государственной власти связывается с идентичностью через режимы оправдания, то есть с помощью практик установления эквивалентности в соответствии с одним из «градов». Поэтому образ государственной власти с помощью гражданского режима оправдания присваивает себе право говорить от имени общества (народа, нации) в целом. Различные техники в рамках этого режима оправдания направлены на то, чтобы доказать, что те или иные действия государственной власти направлены исключительно на достижение коллективного интереса народа в целом.

Важно понимать, что Болтански и Тевено описывают французскую модель функционирования гражданского града и рассматривают по большей части малые коллективы (такие как профсоюзы). Для нас важно адаптировать модель гражданского мира к российским реалиям и распространить его логику на взаимодействие государства и общества. Две эти задачи взаимосвязаны, к тому же, решив их, мы покажем связь между образом государственной власти и логикой гражданского мира теории Болтански и Тевено.

Если в основе логики гражданского мира лежит понятие коллектива, причем допускается, что существует иерархия коллективов, для России высшим в этой иерархии становится коллектив российского народа или российской нации. Будучи коллективом, российский народ должен продуцировать коллективную волю, высшим выражением которой является представитель. Роль такого представителя в современной России исполняет государственная власть, и это ее право на представление закреплено посредством ряда формальных и неформальных институтов и ритуалов.

Государственная власть постоянно обосновывает и подтверждает право государства и его представителей быть коллективным лицом народа, выразителем его коллективной воли. Это отражается в образе государственной власти: представления о государстве и власти становятся

основанием для обоснования справедливости действий государства с точки зрения того, что оно наделено правом действовать в интересах общества. Эти обоснования, будучи сами по себе перформативными практиками, влияют на множество других практик, связанных с взаимодействием государства.

Интериоризация представлений о государственной власти становится формой идентификации членов общности. Иными словами, определенные представления о государстве становятся элементами идентичности, которые подвергаются легитимной квалификации (проверке) с целью установления границ коллектива и отделения «чужих». Болтански и Тевено пишут по этому поводу: «отдельные индивиды могут считаться соответствующими и значимыми только тогда, когда он и принадлежат группе или когда являются представителями коллективного лица.[...] Достойными считаются те отношения, которые мобилизуют людей для коллективного действия»²⁰³.

Итак, с социальным взаимодействием образ государственной власти связывают практики обоснования справедливости. Люди руководствуются ключевыми представлениями образа государственной власти для того, чтобы обосновать те или иные интерпретации различных социальных ситуаций. Вступая в ситуацию обоснования справедливости, люди вынуждены обращаться к ключевым представлениям в образе государственной власти.

Было бы преувеличением утверждать, что каждой социальной группе в обществе соответствует свой собственный образ государственной власти. Такое суждение привело бы нас неизбежно к методологическому конструктивизму: выделив социальные группы по определенным удобным для анализа социальным параметрам, мы приписали бы им с помощью анализа опросов общественного мнения те или иные представления о государственной власти. На наш взгляд, такой метод анализа образа государственной власти некорректен.

²⁰³ Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С.78.

Мы предлагаем исследовать образ государственной власти в обществе в целом. Только при таком анализе можно сделать акцент на его роль в социальной интеграции. Образ государственной власти в этом контексте выступает как один из инструментов, с помощью которого государство влияет на формирование коллективной идентичности национально-государственного сообщества.

Интеграционный потенциал образа государственной власти при этом зависит, во-первых, от того, насколько работают механизмы идентификации индивидов в единую интегрированную социальную общность; во-вторых, от того, насколько конституируемый в рамках образа государственной власти идеал соотносится с реальной практикой государства; в-третьих, насколько успешны стратегии режимов оправдания социальной интеграции в легитимации, закреплении и воспроизводстве существующей социальной структуры.

Как указывает Ш. Муфф, построение коллективной идентичности неизбежно связано с определением значимого Другого. Политика создания идентичности это создание ««нас» через определение «их»²⁰⁴. Поэтому, описывая идентичность, необходимо указать на то, кто является в этом контексте Другим. Через Другого часто определяются цели и средства нации, формируется ее идентичность: «необходимо иметь образы Других в своей рефлексии, чтобы создать Себя»²⁰⁵. Поэтому исследование образа государственной власти невозможно без исследования образа Другого по отношению к связанной с данным образом идентичности народа.

Механизмы социальной идентификации проявляются в двух основных формах – логики различения и отождествления. В первом случае становятся

²⁰⁴ *Муфф Ш.* К агонической модели демократии // Логос. 2004. №2 (42). С.194.

²⁰⁵ *Слободяник Н.Я.* Конструирование идентичности в политическом дискурсе: к вопросу о роли социального антагонизма (О концепции политического дискурса Лаклау и Муфф) // Политическая лингвистика. Вып 2 (22). Екатеринбург, 2007. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/slobodyanik-07.htm> (9.02.2015).

подвижными границы национально-государственного контейнера. Те или иные территориальные, социальные, языковые или религиозные общности могут включаться или исключаться из поля идентичности. Во втором случае устанавливается, насколько равнозначны индивиды или группы внутри общества, определяется внутренне чуждые элементы. Санкция, которой будет подвергнут выявленный Другой, будет зависеть от особенностей политического режима и той опасности, которую он представляет согласно логике представлений, содержащихся в образе государственной власти.

Ш. Муфф выделяет два типа стратегий репрезентации Другого: антагонистический, в которых Другой объявляется врагом и агонистический, в которых он объявляется соперником, существование которого безопасно и, более того, необходимо для конституирования идентичности народа.

Подведем итог. Воздействуя на различные представления, группы носителей могут использовать образ государственной власти как инструмент социальной интеграции. Инструментальность образа государственной власти проявляется в возможности воздействия на представления через изменение их значения. Для этого используются коммуникативные и дискурсивные средства. Однако изменение представлений является достаточно комплексным процессом, в котором воздействие на символическом уровне сочетается с необходимостью учитывать обстоятельства объективной реальности.

Важно подчеркнуть, что невозможно «создать» образ государственной власти без соответствующих объективных социальных условий. Образ государственной власти должен соотноситься с реальными характеристиками социальной реальности. Потеря соответствия социальной реальности ведет к потере им связи с социальными процессами и социальной структурой.

Однако эта потеря связи образа государственной власти с реальностью зачастую не ведет к его разрушению. Образ государственной власти может быть вариабельным, вплоть до утопического представления о государстве и

при этом успешно воспроизводится в различных сообществах. Это доказывают многочисленные примеры субкультурных политических групп, в которых культивируются образы государственной власти, не применимые к социальной реальности, представления, которые слабо соотносимы с реальными обстоятельствами.

Так, образ «просвещенной монархии» был актуальным только в контексте XVIII-XIX вв. Этот образ отражал положение социальной структуры общества этого времени и способствовал интеграции европейских обществ вокруг фигур правителей, которые номинировались как сильные властители, соответствующие, однако, идеалам рациональности и прогрессивности, получившим широкое распространение в результате влияния идей Просвещения. К концу XIX – началу XX вв. этот образ потерял связь с социальной реальностью, ситуация потребовала формирования нового образа власти.

Другой пример различия образов государственной власти - описание Н.Н. Алексеевым раскола Православной Церкви как в том числе размежевания по вопросу о божественном или, напротив, «греховном» происхождении власти²⁰⁶. Та или иная позиция Церкви означала бы определенный образ государственной власти с присущими ему схемами интерпретации реальности.

²⁰⁶ См. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998.

Глава 2. Образ государственной власти в России

2.1. Ситуации испытания и ключевые особенности российского образа государственной власти

Особенности взаимоотношения государства и общества в России всегда диктовались ее сложной историей. Основы государства в России сформировали идеи и практики Московского княжества, «вечевые традиции в Новгороде и Пскове»²⁰⁷, техники власти в Золотой Орде²⁰⁸, заимствованные Петром Великим западные дисциплинарные технологии власти и т.п.

Особую роль в формировании государства и его образа сыграло наследие Советского Союза. В конце XX века советское общество развивалось через самоорганизующиеся ассоциации граждан – через не урегулированные государством «формы роста»: мелких предпринимателей, гражданских и внутрипартийных диссидентов, националистов, общественные неполитические группы²⁰⁹.

Российское общество в постсоветский период развивалось от состояния почти полной дезорганизованности в начале 90-х годов, через укрепление роли государства в его взаимоотношениях с обществом, к полному его доминированию. В начале 2000-х произошло возвращение к централистской модели взаимодействия государства и общества²¹⁰, государство стало возвращать себе контроль над общественными процессами.

²⁰⁷ Косов Г.В., Паслер О.В. Модели взаимодействия гражданского общества и государства в глобальной общественно-политической системе: монография. Ставрополь: Ставролит, 2010. С. 84.

²⁰⁸ См. Вернадский Г.В. Монгольское иго в русской истории // Евразийский временник. Кн. 5. Париж, 1927. С. 153-164

²⁰⁹ Ефимов Г.И. Взаимодействие государства и гражданского общества в современной России. М.: Вече, 2008. С. 108-109.

²¹⁰ См. напр. Ворожейкина Т.Е. Государство и общество в России: истощение государственно-центричной матрицы развития // Полис (Политические исследования). 2002. №4. С. 34-42.

От слабого государства 1990-х произошел переход к «вертикали власти» 2000-х. Основные механизмы, которые власть использовала при этом переходе, сохранились еще со времен СССР. Органы государственной власти на всей территории России являются подразделениями федеральных органов, муниципальная и региональная власть подотчетны федеральному центру. В 2000-х государство устранило большинство механизмов децентрализации управления: были подчинены основные крупнейшие СМИ, отменены прямые выборы губернаторов, устранены из публичного пространства влиятельные олигархи. Был создан механизм централизованного управления государством. По выражению С.И. Рыженкова, такой «механизм служит главным основанием сильного российского государства, позволяя поддерживать и развивать на всех его уровнях способность управлять социально-политическими и экономическими процессами»²¹¹. При этом социальное устройство российского общества унаследовало присущую СССР «этакратическую систему», в которой социальное положение во многом определялось «рангами во властной иерархии»²¹².

В середине 2000-х в качестве идеологического обоснования такого формата взаимоотношений государства и общества, при котором государство берет на себя руководство большинством общественных процессов, возникла концепция «суверенной демократии»²¹³, с помощью которой подчеркивалось, что устройство нелиберальной демократии в России обусловлено историческими, культурными, политико-экономическими особенностями страны.

²¹¹ См. *Рыженков С.И.* Локальные режимы и «вертикаль власти» // *Неприкосновенный запас*. 2010. №2 (70).

²¹² Социальное расслоение и его воспроизводство в современной России / Шкаратан О.И. (руководитель авторского коллектива), Бондаренко В.А., Крельберг Ю.М. Сергеев Н.В. М.: ГУ ВШЭ, 2003. С. 64.

²¹³ См. *Пляйс Я. А.* «Суверенная демократия» - новый концепт партии власти // *Власть*. 2008. №4.

В 2009-2011 гг., как указывают А.В. Амбарян и А.Б. Ильичев, появилась идея использования в качестве идейной платформы государственной власти консерватизма²¹⁴. В 2011-2012 гг. эта идея получила развитие в противопоставлении официального консерватизма и традиционализма либеральному характеру протестных выступлений оппозиции. Этот консерватизм, однако, стал носить достаточно специфический характер. Примером может служить синкретическая, но целостная система идей, выраженная В.В. Путиным в программных статьях в 2012 году, предполагала активное вмешательство государства во все сферы общественной жизни: от вопросов национальной безопасности до экономической политики.

В 2012-2014 гг. идея вмешательства государства в общественную жизнь с охранительных позиций реализовалась в ряде законопроектов, призванных распространить действие публичной власти на не урегулированные сферы общественной жизни. Государство за этот период распространило свою власть на публичные митинги, усыновление детей за рубежом, классификацию НКО как «иностранных агентов», запрет на курение на улице и т.п. В 2014 году, в свете кризиса на Украине, государственная власть утвердилась в необходимости консервативного и охранительного курса. Эта идеология не была чем-то принципиально новым, Россия с начала 2000-х ориентирована на взаимоотношения государства и власти, в которых власть играет доминирующую роль. Специалист по истории России Г. Симон выразил эту максиму следующим образом: «сильное государство – слабое общество»²¹⁵, а известный политолог В.Б. Пастухов назвал российскую государственность «общественно-государственным образованием»²¹⁶. Вместе

²¹⁴ Амбарян А.В., Ильичев А.Б. Идеологическая трансформация современной российской политики // Власть. 2012. №11. С.91.

²¹⁵ Симон Г. Мертвый хватает живого. Основы политической культуры в России / Общественные науки и современность. № 6. 1996. С.34.

²¹⁶ Пастухов В.Б. Россия в поисках «нового времени» // Общественные науки и современность. 2012. №1. С.59.

с тем, отметим, что к настоящему моменту реального общественного дискурса консерватизма не сформировалось – об этом можно судить, например, по распределению ответов в опросе от 16 июля 2015 года: 40% опрошенных затруднились выделить отличительные признаки консерваторов, 13% опрошенных охарактеризовали консерваторов как приверженцев «всего старого», соблюдающих традиции», 8% – как людей с «застаревшими взглядами», еще 8% – как тех, кто «боится перемен», другие ответы выбрало меньшее количество респондентов²¹⁷.

В качестве групп носителей образов государственной власти в России выступают элиты и контрэлиты. При этом спирали означения разворачиваются через средства массовой информации, распространяя те или иные представления групп носителей на широкие слои общества. В результате рождаются разнообразные интерпретации, основанные на разных образах государственной власти, которые проявляются в конкретных ситуациях испытания.

Российский образ государственной власти рассматривается большинством исследователей как комплексное явление. Как мы уже указывали, образ государственной власти является устойчивой структурой представлений о государстве, пронизанной сложными взаимосвязями с объектами социальной реальности. Поскольку для нас ситуация испытания является ключевым элементом проявления образов государственной власти, мы сосредоточим наш анализ на разборе наиболее значимых ситуаций испытания, а также на всех важных элементах их интерпретации (см. Приложение 1).

В общественной жизни России огромную роль играет национальный лидер **Владимир Путин**. Поэтому те ситуации, в которых Путин выступает в качестве актора, часто становятся ситуациями испытания, в которых

²¹⁷ Пресс-выпуск №2881. Консерватизм: стабильность или застой? // Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115320> (23.07.2015)

делаются попытки интерпретации действий и характеристик государства, а сам Путин выступает в качестве представителя государственной власти.

«Прямая линия» президента России Владимира Путина каждый год становится одним из важнейших событий в общественной жизни. Эта циклическая, постоянно повторяющаяся ситуация вызывается к жизни обстоятельствами, создаваемыми государством, которые организует данное медиасобытие. Действующие лица, появляющиеся в прямой линии могут быть разнообразными, но ключевым актором и центром события всегда остается Владимир Путин.

В этих ситуациях испытания Путин становится центром социальной интеграции. Его образ как политика тесно связывается с образом государственной власти, социальной идентичностью россиян. Вступая в интерпретации ситуаций испытания, в которых ключевым актором выступает Путин, люди пытаются доказать или опровергнуть его роль представителя коллективного интереса российского народа.

Конечно, ситуацией испытания является не сама по себе «Прямая линия», а ее интерпретации. Необходимость интерпретации «Прямой линии» возникает, прежде всего, когда становится вопрос о целях ее проведения – ведь это действие государственной власти, которой в соответствии с принципами гражданского града делегировано право действовать от имени народа. «Левада-центр» в апреле 2015 года в своем опросе²¹⁸ спрашивал респондентов, для чего, по их мнению, проводится «Прямая линия». Значительная часть (44% от знакомых с содержанием «линии») опрошенных указали на то, что власть посредством «Прямой линии» узнает о том, что «беспокоит население России». В рамках такого представления «Прямая линия» интерпретируется как инспекция, выборочная проверка главой государства состояния дел на местах. Государственная власть в лице Путина

²¹⁸ «Прямая линия» президента / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/23-04-2015/plyamaya-liniya-prezidenta>

предстает «верховным» контролером состояния дел, по возможности вмешиваясь в ситуацию и решая проблемы, но всегда оставаясь над обществом, дистанцируясь от него. В такой интерпретации государство волнует проблемы народа, оно стремится решить их по возможности, а также стремится следить за состоянием дел в обществе.

34% респондентов от числа знакомых с содержанием «линии» высказались следующим образом: «[«Прямая линия» нужна] чтобы Президент мог донести до населения страны политическую линию руководства России». В такой интерпретации Путин осуществляет связь, которая необходима для того, чтобы транслировать политическую волю государства, объяснить решения власти народу. В данном случае в основе такого суждения лежит представление о государственной власти как о власти относительно автономной от общественного мнения. Народ выступает только реципиентом в процессе коммуникации. Обоснование справедливости «Прямой линии» как акта коммуникации основано в данном случае на том, что это позволяет поддерживать прямую связь государства с народом.

Последняя интерпретация из тех, что были представлены в качестве варианта «Левада-центром», не включает в себе ответа на то, соответствует ли «Прямая линия» коллективному интересу народа: 20% знакомых с содержанием «линии» респондентов утверждали, что она нужна для того, чтобы «укрепить популярность, рейтинг Владимира Путина». Как видно, вся практика «Прямой линии» в такой интерпретации сведена к фигуре Путина, который является ее главным субъектом и бенефициаром. Здесь государственная власть предстает как воля одного человека, президента. Однако в такой интерпретации мы ничего не можем сказать о справедливости «Прямой линии»: служит ли «укрепление популярности» коллективному интересу или интересам Путина как политика.

Как мы уже упоминали, практики обоснования справедливости включают в себя не только интерпретации. Достаточно часто те или иные

представления о государственной власти требуют действий в публичном пространстве. Е.Б. Шестопа́л указывает, что немаловажным элементом образа власти является его поведенческий аспект²¹⁹. Такие практики обоснования становятся перформативными ритуалами, которые призваны, по выражению К. Вульфа, создавать сообщество и формировать социальное²²⁰.

В случае с «Прямой линией» люди ограничиваются ее просмотром по телевидению или узнают ключевые особенности «линии» из других СМИ. Согласно опросу ФОМ, в апреле 2015 года 59% респондентов сказали, что будут смотреть «Прямую линию»²²¹. Сама по себе практика просмотра этой передачи перформативна в том смысле, что она представляет собой акты стандартизированного коллективного бытия – «совместного, но при этом индивидуализированного действия»²²². Телезритель приобщается к ритуалу коммуникации с президентом, который исполняют миллионы россиян по всей стране: «Прямую линию» транслировали все наиболее крупные телеканалы. Зритель «Прямой линии» самым фактом просмотра признает важность этого акта коммуникации с государством.

Отметим, однако, что тот же опрос выявил нежелание 46% опрошенных задавать вопрос Путину, причем ФОМ приводит в том числе следующие цитаты: «не буду, так как много желающих: на все вопросы он не успеет ответить», «а зачем? Это все показуха», «не буду, ничего не изменится в лучшую сторону», «не хочу с ним общаться», «нет вопросов». Из этих цитат видно, что некоторые респонденты, обосновывая нежелание участвовать в практике «Прямой линии», ссылались на ее искусственность, бесполезность, в конечном итоге - несоответствием коллективному интересу.

²¹⁹ Шестопа́л Е.Б. Образы российской власти: от Ельцина до Путина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С.19.

²²⁰ Вульф К. К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал. СПб.: Интерсоцис, 2009. С.112.

²²¹ Прямая линия. Апрель 2015 / сайт ФОМ. URL: <http://fom.ru/Politika/12138> (27.09.2015)

²²² Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С.195.

Государственная власть в России воспринимается как центр принятия решений, для которого характерно единство территории и единовластие. В то же время представления о государственной власти как о едином центре, из которого осуществляется власть также тесно связаны с фигурой президента²²³ Владимира Путина. Государственная власть воспринимается во многом через призму руководителя страны.

Практически материализация символической значимости Путина может проявляться по-разному. Изображение Путина становится символом, вокруг которого строится коллективная социальная практика. Например, известно, что у многих государственных деятелей и политиков в рабочем кабинете есть портрет президента. Достаточно часто изображение Владимира Путина появляется и на митингах, демонстрациях. «Левада-центр» в феврале 2015 года сообщил о том, что 28% респондентов согласились с мнением о том, что распространение многочисленным изображений Путина «укрепляет авторитет и популярность президента»²²⁴.

При рассмотрении таких ситуаций важно понимать, что образ президента России как центра принятия решений и концентрации власти в стране имеет очень важную роль во влиянии на образ государственной власти. Символическая роль Владимира Путина имеет достаточно высокое значение в образе государственной власти. Образ Путина связывается с сильной централизованной государственной властью. Именно фигура Президента является центром принятия всех общественно значимых решений, именно он становится ответственным за достижение страной состояния сильного государства.

Интересно в связи с этим можно вспомнить высказанные на Валдайском форуме слова первого заместителя главы администрации

²²³ См. От Ельцина до Путина: три эпохи в историческом сознании россиян. М.: ВЦИОМ, 2007.

²²⁴ Символика с изображением Владимира Путина // Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/05-03-2015/simvolika-s-izobrazheniem-vladimira-putina>

президента Вячеслава Володина, процитированные прессой: «есть Путин — есть Россия, нет Путина — нет России»²²⁵. Эта позиция во многом выражает распространенные в обществе взгляды на государственную власть как на исключительную компетенцию президента. Так, согласно данным опроса «Левада-центра» от марта 2014 года²²⁶, 63% респондентов уверены, что сосредоточение всей полноты власти в руках Владимира Путина идет на благо России. При этом количество сторонников такой точки зрения с марта 2004 года не опускалось ниже 49%, в основном держалось на уровне 60%. Доверие Путину также в октябре 2014 года испытывают 63% респондентов²²⁷. При этом, если речь шла не персонально о Путине, но о президенте как государственном институте, одобрение в октябре 2014 года высказывали более 88% респондентов²²⁸.

Индекс одобрения президента (разница между одобряющими и не одобряющими) — 80%, что намного превышает аналогичные показатели у других институтов государственной власти. Так, по данным «Левада-центра», в сентябре 2014 года в доверии к Путину признались 79% опрошенных, а в доверии, например, к правительству страны в целом — 46%²²⁹. У Премьер-министра индекс доверия составляет 53%, у правительства — 43%, у Совета Федерации — 23%, у Государственной Думы — 17%. То же самое касается других значимых институтов: у армии индекс одобрения 64%, у РПЦ — 54%. Как указывает Л. Гудков, наибольшим доверием среди всех социальных институтов, в России неизменно

²²⁵ «Есть Путин — есть Россия, нет Путина — нет России» / газета «Известия». URL: <http://izvestia.ru/news/578379> (26.02.2015)

²²⁶ Россияне о сильном лидере и единовластии / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/08-04-2014/rossiyane-o-silnom-lidere-i-edinovlastii> (2.03.2015)

²²⁷ База данных ВЦИОМ «Доверие политикам». URL: <http://wciom.ru/confidence-politicians/> (2.03.2015)

²²⁸ База данных ВЦИОМ «Одобрение государственных институтов». URL: <http://wciom.ru/ratings-state-institutions/> (2.03.2015)

²²⁹ Доверие институтам власти // Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/13-11-2014/doverie-institutam-vlasti> (2.03.2015)

пользуются три: глава государства, церковь и армия, при этом они выступают как символические институты, в которых проявляется коллективная идентичность²³⁰.

Доверие к функциональным институтам власти, то есть к тем, которые исполняют конкретные функции, снижено. В совокупности президент, армия и церковь составляют триаду институтов с высоким доверием. Однако из этих трех институтов, в сущности, только президент олицетворяет образ государственной власти (при этом рейтинг премьера, на наш взгляд, скорее оказывается в ореоле высокого рейтинга президента). В отличие от него, армия и церковь дистанцированы от образа государственной власти.

Опрос ВЦИОМ от 26 августа 2015 года показывает, что 39% россиян считают, что «устройство армии является образцом построения всего общества», при этом 40% полагают, что роль армии в обществе нужно усилить, 46% – что ее нужно сохранить на нынешнем уровне²³¹. Что касается церкви, то здесь, согласно июньскому опросу от 2015 года, 47% опрошенных высказались за то, чтобы церковь влияла на «моральную, духовную жизнь всего общества», но не вмешивалась «в политику и государственные дела», 14% - что церковь «должна активно участвовать в обсуждении и решении проблем современного общества и государства», 32% - что «церкви следует заниматься проблемами веры и религии, не вмешиваясь в жизнь общества и государства»²³². Таким образом, мы видим, что такие символические институты власти как церковь и армия воспринимаются в общем не как части государственного аппарата, а как элементы общества, взаимодействующие с властью, но не включенные в нее.

²³⁰ Гудков, Л. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. Вып. 2, 2012. С. 12.

²³¹ Пресс-выпуск №2914. «Человек с ружьем» и политика // Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115362> (05.08.2015)

²³² Пресс-выпуск №2861. Церковь и общество: вместе или порознь? // Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115295> (05.08.2015)

В результате такого типа доверия к символическим институтам, которое сочетается с недоверием к функциональным институтам, государство приобретает символическую власть, природа легитимности которой лежит в плоскости скорее сакральной, чем светской. Иными словами, общественное мнение воспринимает государственную власть как высший символ коллективной идентичности.

Ситуации, связанные с институтами государственной власти, проявляются в момент, когда люди сталкиваются с функционированием государства на практике и этот опыт становится общезначимым. Хотя мы говорили о том, что часто государственная власть предстает как компетенция руководителя страны, отметим, что образы Путина и государственной власти далеко не тождественны. Приведем данные опроса «Левада-центра» в августе 2015 года²³³. Согласно этому опросу, 42% россиян полагают, что президент «получает неполную и искаженную информацию» о положении дел в стране, 14% - что от Путина «скрывают правду о положении в стране». Эти данные показывают, что далеко не все ситуации испытания, в которых задействованы институты государства, задействуют образ президента. В общественном сознании представлений о недостаточной информированности Путина по вине чиновников позволяет дистанцировать его персону от представлений о недостатках функционирования власти.

Одной из важнейших ситуаций, связанной с государственной властью, являются выборы, которые служат основой легитимности всего государственного строя России. Выборы, как мы уже указывали, являются формой испытания, которая помогает квалифицировать государственную власть как отражающую коллективный интерес народа.

Ситуации испытания на практике институтов государственной власти являются важнейшей группой ситуации в образе государственной власти,

²³³Доверие к власти и официальной статистике / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/19-08-2015/doverie-k-vlasti-i-ofitsialnoi-statistike> (28.08.2015)

поскольку связаны с повседневным взаимодействием с государственной властью на практике.

Обстоятельства выборов регламентированы и установлены законом, это избирательные участки и их материально-техническое обеспечение. Избирательные комиссии и правоохранительные органы, активно вовлеченные в выборы, становятся акторами, представляющими государственную власть.

Восприятие выборов как института квалификации права государственной власти представлять коллективную волю народу отличается в России некоторыми особенностями. Согласно опросу «Левада-центра», опубликованному в апреле 2015 года, 13% опрошенных считают выборы средством решения проблем граждан России²³⁴. При этом опрос ВЦИОМ от января 2015 года показывает, что количество граждан, отказывающихся от участия в выборах в ГД РФ, составляет лишь 16%, а за партию власти собираются голосовать 60%²³⁵.

Выборы не служат в представлениях о функционировании государственной власти средством влияния на политику государства, ее корректировки. Они выступают в форме регулярного плебисцита о доверии, которым граждане наделяют государственную власть мандатом одобрения. И хотя в соответствии с принципами гражданского града государственная власть черпает свою легитимность в институте выборов, они не воспринимаются как инструмент влияния граждан на государство.

²³⁴ Взаимодействие граждан и государства / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/06-04-2015/vzaimodeistvie-grazhdan-i-gosudarstva> (2.03.2015)

²³⁵ Распределение ответов на вопрос: «Скажите, пожалуйста, если бы в ближайшее воскресенье состоялись выборы в Государственную Думу России, за какую из следующих партий Вы бы, скорее всего, проголосовали? (закрытый вопрос, один ответ)» / База данных ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1000&q_id=68732&date=18.01.2015 (2.03.2015)

62% опрошенных россиян в сентябре 2014 года были уверены в том, что России нужна демократия²³⁶. Демократическое волеизъявление, и вообще, всякое общественное одобрение, в этом контексте становится необходимым фундаментом легитимности власти, неотъемлемой чертой ее образа.

Социологи отмечают высокую оценку демократической формы принятия решений – 65% россиян считают, что смена власти должна происходить в результате регулярной смены власти в результате демократических всенародных выборов²³⁷. За республиканскую форму правления с всенародными выборами главы государства и против монархии высказываются 82% респондентов²³⁸. Поэтому в России выборы по-прежнему остаются одной из важнейших ситуаций испытания государственной власти и отражают представления о государстве как о выразителе коллективной воли. Коллективизм в такой трактовке соотносится не с советским представлением о важности первичного коллектива, но обо всем обществе как макроколлективе, верифицирующем соответствие действий государственной власти коллективному интересу с помощью демократических процедур.

Отметим, что в ситуациях, связанных с институтами государственной власти, большую роль играет представление об их дистанцированности, отдаленности власти от общества. Согласно исследованиям Центра Хофстеде, в России индекс дистанции власти, то есть приемлемость в

²³⁶ Нужна ли России демократия? / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/28-10-2014/nuzhna-li-rossii-demokratiya> (2.03.2015)

²³⁷ Распределение ответов на вопрос «Какую процедуру передачи власти в России Вы бы скорее поддержали? (закрытый вопрос, один ответ)», от 19 января 2014 г. / Архив ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=945&q_id=64869&date=19.01.2014 (2.03.2015)

²³⁸ Распределение ответов на вопрос «Какая форма правления, на ваш взгляд, в наибольшей степени подходит для российского государства? (закрытый вопрос, один вариант ответа)», от 10 марта 2014 г. / Архив ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=897&q_id=62373&date=10.03.2013 (15.08.2015)

общественном восприятии неравномерного распределения власти в обществе, составляет 93 балла из 100²³⁹. Подтверждают это и результаты российских опросов: в июне 2015 года 60% опрошенных согласились с мнением о том, что в России власть не подотчетна или скорее не подотчетна обществу²⁴⁰.

Среди ситуаций с институтами государственной власти, в особенности в последние несколько лет, достаточно ярко выделяются те, в которых **государственные органы налагают запрет** на что-либо. Интерпретации таких ситуаций часто носят патерналистский характер и отражают представление о государственной власти как о защищающей, опекающей граждан.

Например, в 2012 году был принят закон о «черном списке» сайтов в интернете, доступ к которым блокируются соответствующими государственными органами. Опрос ВЦИОМ от 15 августа 2015 года²⁴¹ показывает различные интерпретации данной ситуации: 51% связали создание этого «черного списка» с обеспечением «политической стабильности и безопасности», 13% - с ограничением демократических прав и свобод. 49% посчитали при этом, что информация в интернете нуждается в регулировании или цензуре.

В России в силу специфики взаимодействия государства и общества одним из важных институтов является **институт обращений граждан в органы власти**²⁴². Как показывает опыт последних нескольких лет, петиции

²³⁹ The Hofstede centre / Official web-site. URL: <http://geert-hofstede.com/russia.html> (01.08.2015).

²⁴⁰ Протестный потенциал и восприятие власти // Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/07-07-2015/protestnyi-potentsial-i-vospriyatie-vlasti> (01.08.2015)

²⁴¹ Пресс-выпуск №2898. Как нам отрегулировать Рунет? // Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115344> (05.09.2015)

²⁴² См. *Подьячев К.В.* Обращения граждан в органы власти и гражданское участие в России (Обращения граждан в органы власти как форма влияния на принятие политических решений) URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Podyachev.pdf> (2.03.2015)

и обращения являются одним из важных функциональных инструментов донесения общественного мнения до представителей органов власти: здесь можно вспомнить и опыт электронной подписи петиций на РОИ, и платформу московских властей «Активный гражданин». Рассмотрим функционирование механизма обращений граждан в органы власти на примере конкретной ситуации испытания.

В начале 2015 года власти приняли решение об установке на Воробьевых горах памятника князю Владимиру. Обстоятельства ситуации испытания оказались противоречивыми и в общественном мнении наметился раскол. Основным средством борьбы за свои точки зрения сторонники и противники памятника выбрали в том числе обращение в органы власти. Были подписаны две противоположные по смыслу петиции: за памятник и против него.

Ситуация обращения предполагает, что действующими акторами становятся представители государственной власти (Мосгордума, Владимир Путин и др., которым были переданы соответствующие петиции) и активные представители общественности – группы носителей (граждане, собиравшие подписи и подписывавшие петиции). В качестве обстоятельств ситуации выступают некоторые объективные условия пространства (в нашем примере – установка памятника князю Владимиру).

Интерпретации в ситуации обращения в органы власти излагаются в тексте петиций, открытых писем или иных форм взывания к государственной власти. Защищая собственную интерпретацию, акторы ситуации обращения апеллируют к соответствующим образам государственной власти.

Так, в рассмотренном нами примере противники установки памятника делают акцент на то, что парк Воробьевы горы является государственным природным заказником»: построение памятника приведет к нарушению правил, ранее установленных самим государством. В интерпретации подписантов петиции строительство памятника – ослабление

санкционированного государственной властью режима законности, а, значит, и самого государства. В представлениях составителей петиции одна из главных особенностей государства – сила, которая заключается в способности осуществлять контроль над исполнением принятых ранее решений и пресекать их конъюнктурное изменение.

Ситуация обращения представляет государственную власть как центр принятия всех публичных решений, которая учитывает (но не принимает в качестве абсолюта) обращения групп граждан. К центру государственной власти обращены просьбы, открытые письма, петиции и даже лозунги на митингах.

Ситуации **дисфункции институтов государства** (прежде всего, связанные с коррупцией) тесно связаны с представлением о том, что государство должно быть сильным, эффективным. Только сильное государство может успешно бороться с коррупцией. В этом контексте интересно упомянуть распространенное суждение о неискоренимости коррупции в России. Так, например, в 2012 году с подобным суждением согласилось 50% респондентов²⁴³, в апреле 2014 года – 42% опрошенных²⁴⁴. Проблема коррупции, таким образом, для многих россиян связана не с неспособностью государства бороться с ней (выступить в качестве сильного государства), а с не решаемостью этой проблемы в принципе.

Интересный пример ситуации дисфункции государственной власти представляет собой так называемое «дело Анатолия Сердюкова» о коррупции в верхах Министерства обороны. Обратимся к данным опроса 2012 года, в период, когда это дело было одним из актуальных предметов

²⁴³Пресс-выпуск №2180. «Можно ли победить коррупцию?» / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113434> (2.03.2015)

²⁴⁴ Коррупция и бюрократизм / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/19-05-2014/korrupsiya-i-byurokratizm> (2.03.2015)

публичного обсуждения²⁴⁵. Тогда при интерпретации этой ситуации в обществе преобладал взгляд на то, что это дело – следствие системной дисфункции государственной власти: 80% респондентов посчитали, что «дело Сердюкова» - «проявление всеобщего разложения и коррумпированности власти». В то же время, по результатам того же опроса, 40% опрошенных согласились с мнением о том, что данное дело – «начало систематической чистки высшего руководства страны от людей, которые злоупотребляют своим положением», то есть с интерпретацией, в которой государственная власть начала борьбу с дисфункциональными проявлениями. В то же время 42% посчитали «дело Сердюкова» предлогом «для снятия Сердюкова в связи со скрытой борьбой между собой разных группировок во власти», интерпретируя ситуацию через призму представления о государственной власти как о пространстве политической игры между элитами.

В рамках ситуаций дисфункции получает свое выражение противоречивое представление о государственной власти, представители которой часто оказываются преследующими частные или групповые, а не общегосударственные интересы. В интерпретации таких ситуаций происходит либо отделение источника дисфункции от государственной власти (например, суд над коррумпированным чиновником или его увольнение) либо легитимация дисфункции в качестве нормативной практики.

Показателен в этом смысле опрос «Левада-центра» от марта 2015 года²⁴⁶. 55% респондентов определили свои отношения с властью следующим образом: «[живем] полагаясь только на себя и избегая вступать в

²⁴⁵ Коррупционный скандал вокруг Сердюкова / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/03-12-2012/korrupsionnyi-skandal-vokrug-serdyukova>(2.03.2015)

²⁴⁶ Взаимодействие граждан и государства / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/06-04-2015/vzaimodeistvie-grazhdan-i-gosudarstva> (2.03.2015)

контакт с властью»; 25% респондентов – следующим образом: «[наша] жизнь во всем зависит от власти».

Приведем также результаты пилотного исследования, проведенного при участии автора в 2014-2015 гг. Исследование проводилось среди москвичей, посещающих общественно-политические акции, количество респондентов – 729, в форме анкетирования (см. Приложение 2). Респондентам в ходе исследования предлагалось ответить в том числе на вопросы, идентифицирующие представления о государственной власти. Проблема дисфункции государства проявилась при ответе на вопрос о том, является ли государство более компетентным «чем общество или отдельные граждане». Среди москвичей-участников публичных политических акций, 63,8% скорее не согласились с такой позицией.

Недоверие к государственной власти (не уменьшающее доверие к ее символическому центру – президенту), стремление отделиться от публичной сферы и уйти в область частной жизни является одной из характерных черт образа государственной власти в России. Именно по этой причине граждане не верят в свою возможность повлиять на принятие государственных решений, быть вовлеченным в публичную политику.

Ситуации угрозы связаны с теми факторами, которые в представлениях россиян угрожают стране и с которыми должно бороться государство. Ключевые акторы в рамках таких ситуаций – с одной стороны, представители деструктивных сил (террористы, экстремисты), которые стремятся нанести стране вред, с другой стороны, представители государственной власти, которые противостоят им. Такие ситуации часто связаны с обстоятельствами нарушения закона, теракта и т.п.

Интересно посмотреть интерпретации ситуаций угрозы на примере ситуации угрозы территориальной целостности России. В массовом сознании российского общества она является достаточно актуальным: исследование

ФОМ, проведенное в сентябре 2013 года²⁴⁷, показывает, что 57% респондентов обеспокоены угрозой территориальной целостности России – это значит, что данная проблема воспринимается как актуальная и легитимирует некоторые достаточно радикальные меры, направленные на социальную интеграцию страны. Согласно данным того же опроса, 93% россиян полагают, что территориальную целостность России нужно отстаивать «любыми способами». В контексте целостности государства социальная интеграция рассматривается как результат тесной взаимосвязи общества и государства, а дезинтегрирующая деятельность номинирована в качестве «экстремизма»²⁴⁸. В ноябре 2013 года²⁴⁹ 74% респондентов признались, что считают проблему сепаратизма существенной для нашей страны.

В свете таких интерпретаций ситуаций угрозы государственная власть рассматривается как защитник, оберегающий общественный порядок, обеспечивающий стабильность. В рамках интерпретаций ситуаций угрозы происходит символический выбор между опасностью и стабильностью, причем последнюю обеспечивает власть. Опрос ВЦИОМ от февраля 2015 года²⁵⁰ показывает, что, значительное число респондентов, отрицая возможность протестных выступлений в России, аналогичных украинскому Майдану, в качестве обоснования своего мнения выбирают вариант, апеллирующий к силе государства: «власти, силовики этого не допустят» ("наши власти такого не допустят", "адекватная власть", "армия сразу

²⁴⁷ О территории России и ее целостности / сайт «Фонда общественное мнение». URL: <http://fom.ru/Politika/11086> (2.03.2015)

²⁴⁸ См. напр. *Клачков П.В., Подъяпольский С.А.* Гуманитарные технологии и целостность государства. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 52-53.

²⁴⁹ Население придерживается цельных взглядов / Публикации в прессе «Левада-центра» <http://www.levada.ru/28-11-2013/naselenie-priderzhivaetsya-tselnykh-vzglyadov> (2.03.2015)

²⁵⁰ Распределение ответов на вопрос «Почему Вы считаете, что Майдан в России невозможен? (открытый вопрос, любое число ответов)» / База данных опросов ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1011&q_id=69580&date=22.02.2015 (2.03.2015)

подавит восстания"»». В ситуациях угрозы зачастую именно государственная власть обеспечивает безопасность.

Данные пилотного исследования, проведенного при участии автора, свидетельствуют о том, что граждански активные москвичи несколько иначе интерпретируют действия государственной власти в ситуациях угрозы. Так, респондентам предлагалось выбрать приоритет в четырех дихотомиях между правами человека и различными аспектами безопасности государства и общества. Когда речь шла о борьбе с терроризмом 24,6% согласились и скорее согласились отказаться от прав человека в пользу безопасности, 69,2% - не согласились и скорее не согласились; в вопросе об отстаивании геополитических интересов страны 9,1% согласились и скорее согласились отказаться от прав человека в пользу их защиты, 85,8% - не согласились и скорее не согласились; в вопросе об обеспечении порядка и борьбе с коррупцией 18,6% согласились и скорее согласились отказаться от прав человека ради этих целей, 73,7% - не согласились и скорее не согласились; в вопросе об экономическом развитии 9,4% согласились и скорее согласились отказаться от прав человека ради развития, 73,4% - не согласились и скорее не согласились.

Внешнеполитические ситуации стали играть очень важную роль в последние полтора года. На сегодняшний день ряд ситуативных факторов (кризис на Украине, ситуация с западными санкциями и т.п.) фактически переключил фокус в образе государственной власти с внутреннего взаимодействия между властью и обществом на действия государства во внешней политике. Так, если в январе 2014 года опросы зафиксировали, что только 13% россиян посчитали, что государство выполняет свои обязанности перед гражданами в полной мере и скорее в полной мере²⁵¹, 24% считали, что в настоящий момент в России временные затруднения, а 23% - что

²⁵¹ Обязанности граждан и государства / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/04-03-2014/obyazannosti-grazhdan-i-gosudarstva> (2.03.2015)

приближается кризис²⁵²; то в январе-марте количество довольных положением дел значительно увеличилось (с 43% до 60%)²⁵³. Опрос «Левада-центра» показывает, что одобрение двух показателей внешнеполитической деятельности значительно выше одобрения трех показателей внутриполитической деятельности (средний балл по 5-балльной шкале)²⁵⁴.

По данным ВЦИОМ за май-июнь 2014 г.²⁵⁵, значительная часть россиян считают, что образ России за рубежом воспринимается с точки зрения ее как «страны с сильной властью» (3,92 балла по 5-балльной шкале), «независимой» (3,79 балла). Меньше, по данным того же опроса, полагают, что Россию за рубежом считают «авторитарной» (2,96 балла) и «стремящейся к превосходству» (2,95 балла). Другой опрос ВЦИОМ от апреля 2014 г.²⁵⁶ свидетельствует, что 82% россиян полагают, что в настоящий момент Россия имеет большое влияние в международных делах. 42% респондентов уверены, что Россия должна стремиться к возвращению статуса «супердержавы, какой был у СССР», 41% связывает это с вхождением в 10-15 наиболее экономически развитых и политически влиятельных стран мира. Интересно, что только 10% опрошенных считают, что нужно добиваться лидерства только на постсоветском пространстве, а всего 4% - что не нужно добиваться никаких глобальных целей. Согласно тому же опросу ВЦИОМ, 54% россиян уверены, что в ближайшие 10-15 лет Россия станет великой державой (20% уверены, что наша страна уже сейчас ей является). 42% опрошенных считают, что необходимо иметь мощные вооруженные силы. Интересно, что

²⁵² Ситуация в России: оценки и ожидания / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/18-02-2014/situatsiya-v-rossii-otsenki-i-ozhidaniya> (2.03.2015)

²⁵³ Индекс «Оценка текущего положения дел в стране» / Индексы «Левада-центра» URL: <http://www.levada.ru/indeksy> (2.06.2015)

²⁵⁴ Оценки деятельности руководства страны / Пресс-выпуск «Левада-центра» URL: <http://www.levada.ru/30-10-2014/otsenki-deyatelnosti-rukovodstva-strany> (2.03.2015)

²⁵⁵ Пресс-выпуск №2689. «Образ России в мире: сила, независимость, отзывчивость» / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115015> (2.03.2015)

²⁵⁶ Пресс-выпуск №2593. «Россия – великая держава?» / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=114840> (2.03.2015)

главным препятствием в рамках этих представлений выступает внешний противник. Приобретению статуса великой державы, по мнению 37% опрошенных в вышеупомянутом исследовании, является сопротивление стран Запада. Только 14% считают, что главное препятствие – отсутствие национального единства.

Российская государственная власть в представлениях россиян стала играть важнейшую роль на международной арене как великая держава: согласно опросу «Левада-центра» за март 2014 года²⁵⁷, 67% россиян признались, что, по их мнению, наша страна в настоящий момент играет решающую или довольно важную роль в решении международных проблем.

Одной из актуальнейших внешнеполитических ситуаций является ситуация с западными санкциями. В феврале 2015 году 52% респондентов согласились с мнением о том, что санкции «привели к негативным последствиям»²⁵⁸. В этой ситуации испытания в роли актора предстает государственная власть, предпринявшая ряд действий в коллективных интересах российского народа и недружественный Запад, который ввел санкции в качестве ответа на эти действия.

Обратимся к интерпретациями ситуации с санкциями: согласно опросу²⁵⁹, в январе 2015 года 69% респондентов высказались в пользу того, что власти должны «продолжать свою политику, невзирая на санкции», при этом компромисс предложили искать 21%, а затруднились ответить – 11%. Как мы видим, находящая наиболее массовую поддержку интерпретация заключается в том, что санкции, с одной стороны, несправедливы, с другой стороны, не так страшны, поскольку действия российского государства,

²⁵⁷ Позиции России на мировой арене / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/17-03-2014/pozitsii-rossii-na-mirovoi-arene> (2.03.2015)

²⁵⁸ Распределение ответов на вопрос «Как, по-Вашему, эти санкции отразились на нашей стране?» / База данных ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1010&q_id=69493&date=15.02.2015 (15.02.2015)

²⁵⁹ Санкции Запада: последствия и реакция / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/03-02-2015/sanktsii-zapada-posledstviya-i-reaktsiya> (8.08.2015)

приведшие к санкциям, отражают коллективный интерес российского народа. На вопрос о том, что же России следует делать в этой ситуации, ответы, согласно тому же опросу, распределились следующим образом (возможен был выбор нескольких вариантов): 34% респондентов предложили ввести ответные санкции; 32% - укреплять связи со странами Востока; 32% - игнорировать санкции; 18% - увеличивать военный бюджет и укреплять оборону; 10% - искать компромисс; 5% - отказаться выплачивать внешние долги. Как мы видим, первые три и последние варианты так или иначе предлагают интерпретацию ситуации с санкциями, в которой государственная власть предстает сильной, способной самостоятельно создавать альтернативу взаимодействию с Западом, не испытывающей нужды в компромиссах и уступках.

Как мы видим, во внешнеполитических ситуациях государственная власть позиционируется как независимая, сильная. Этот принцип державности, показывающий, что российское государство суверенно и при этом активно отстаивает позиции на международной арене, часто иллюстрируется ситуацией с **присоединением Крыма к России**.

На сегодняшний день ситуация присоединения Крыма – один из самых актуальных вопросов обоснования справедливости действий российской власти. На примере этой ситуации мы видим, как образ государственной власти практически реализуется в социальной реальности.

В марте 2014 года 89% россиян сказали, что «по большому счету, [Крым] это Россия»²⁶⁰. Большинство при этом опрошенных по данным того же исследования чаще всего апеллировали к восстановлению исторической справедливости (ответ «Крым был в составе России до Хрущева, исторически это наша территория» выбрали 65% респондентов). Восстановление исторической справедливости в данном контексте

²⁶⁰ Пресс-выпуск №2543. «Крым в России: восстановление исторической справедливости» / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114754> (2.03.2015)

представляет собой использование механизма режима оправдания гражданского мира: подразумевается, что воссоединение с Крымом становится восстановлением справедливости, таким образом, это событие служит коллективному интересу. Так, в августе 2014 года согласно опросу «Левада-центра» на вопрос о том, «какие чувства вызывает у Вас решение руководства России о присоединении Крыма к Российской Федерации», 30% респондентов ответили, что испытывают «чувство торжества справедливости»²⁶¹. В этом контексте Крым выступает как важный символ, на который ориентированы представление о сильной государственной власти, восстанавливающей справедливости. Для россиян это символ России как великой державы, способной заявить о себе на международной арене.

Для того, чтобы посмотреть, как именно обосновывают справедливость действий государственной власти россияне, обратимся к данным опроса «Левада-центра» от марта 2015 года²⁶². Данные свидетельствуют: 55% респондентов посчитали, что «за действиями российского руководства» стояло «стремление защитить русское население Крыма и Украины от ущемления его прав, угрозы его безопасности и благополучию»; 40% - что «стремление восстановить историческую справедливость, вернуть России ее территории»; 33% - что «стремление навести порядок и стабилизировать ситуацию в условиях политического хаоса и безвластия на Украине». Как мы видим, наиболее важные представления, задействованные в образе государственной власти в ситуации присоединения Крыма, связаны со способностью российского государства быть сильным, могущественным, выступить защитником, восстанавливающим справедливость и наводящим порядок. Это представление, в первую очередь, о сильном государстве: результаты того же опроса показывают, что 72% опрошенных посчитали, что

²⁶¹ Присоединение Крыма к России // Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/02-09-2014/prisoedinenie-kryma-k-rossii> (2.03.2015)

²⁶² Крым и расширение российских границ // Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/23-03-2015/krym-i-rasshirenje-rossiiskikh-granits> (8.08.2015)

в ситуации присоединения Крыма «Россия возвращается к своей традиционной роли "великой державы", утверждает свои интересы на постсоветском пространстве».

Но каковы альтернативные представления о данной ситуации? Посмотрим на данные того же опроса: 14% респондентов посчитали, что присоединение Крыма свидетельствует «растущем авантюризме российской власти, стремящейся отвлечь население от реальных социальных и экономических проблем, коррупции, недовольстве властями в самой России». Такая интерпретация ситуации оспаривает точку зрения на то, что Россия, присоединив Крым, поступила как «сильное государство». Напротив, сторонники альтернативной интерпретации оспаривают само понятие силы: присоединение Крыма в их представлении это не сила, а отвлекающий маневр для того, чтобы скрыть слабость.

Таким образом, различные практики обоснования справедливости в ситуации с присоединением Крыма опираются на различающиеся представления о государственной власти. В интерпретации этой ситуации большинство респондентов демонстрирует представления о сильной государственной власти, небольшая часть опрошенных говорит о ее слабости. И в первом, и во втором случае респонденты опираются на понятие справедливости гражданского мира, в котором государство призвано представлять коллективную волю населения. Спор о статусе Крыма в данной ситуации представляет собой отчасти спор о том, насколько государственная власть успешно справляется с исполнением этой коллективной воли. Не зря противники присоединения Крыма утверждают, что государство играет «на великодержавных комплексах населения», пытается «не допустить консолидации недовольства в обществе», «отвлечь население» от проблем: посредством таких обоснований несправедливости действий государства в ситуации с присоединением Крыма они подвергают сомнению саму

обоснованность представления совершившим эти действия государством коллективной воли народа.

Ситуация с присоединением Крыма основана на ряде недискурсивных форм – реальных фактов. Так, известно, что в Крыму был проведен референдум, также известно, что присоединение к России основано на взаимном договоре. Другая важная недискурсивная форма – появление в Крыму перед присоединением военных без опознавательных знаков, позднее названных «вежливыми людьми». Как сторонники, так и противники присоединения Крыма опираются на эти факты, интерпретируя их через призму своих представлений о государстве и доказывая справедливость или несправедливость действий государственной власти России в этой ситуации.

Исторические ситуации представляют собой особый тип ситуаций испытания. Они, с одной стороны виртуальны, то есть опираются на те или иные реконструкции обстоятельств прошлого, с другой стороны, становятся реальными вопросами общественной жизни через их актуализацию другими обстоятельствами. Так, вопрос о роли Сталина в отечественной истории актуализируется различными инициативами, связанными с пересмотром воззрений на эту историческую фигуру (инициативы по переименованию Волгограда в Сталинград, установке частными лицами билбордов с информацией о Сталине и памятников Сталину в ряде городов России и т.п.).

Исторические обстоятельства имеют значение с точки зрения проявления образов государственной власти постольку, поскольку государство во многом строит свою легитимность на значимых исторических нарративах. Сталин в данном случае выступает как прообраз сильного правителя, управлявшего страной жестко и бескомпромиссно.

При интерпретациях исторических ситуаций актуализирующие их обстоятельства зачастую имеют меньше значения, чем попытки интерпретировать сами исторические обстоятельства. Вопрос о переименовании Волгограда в Сталинград это вопрос не столько о

собственно переименовании, сколько о роли Сталина в истории нашей страны. Конкретные обстоятельства в исторической ситуации отсылают к обстоятельствам «изначальным».

Опрос «Левада-центра» от марта 2015 года²⁶³ показывает, что интерпретации деятельности Сталина противоречивы: 45% респондентов считают, что жертвы, которые понес советский народ в сталинскую эпоху, в той или иной мере оправданы «великими целями и результатами»; с этим утверждением не согласны 41%. Этот вопрос является в сущности ответом на вопрос о допустимости пределов действий государственной власти при достижении масштабных проектов и целей, поскольку логика отношения к историческим обстоятельствам деятельности Сталина может быть распространена на современность.

Особую роль среди всех исторических ситуаций в России традиционно играет ситуация Великой Отечественной войны. Опрос ВЦИОМ 2014 года²⁶⁴ показывает, что около 69% респондентов затрагивают тему Великой Отечественной войны в семье регулярно или время от времени. Это говорит о том, что социальная практика беседы о войне является одной из важных тем патриотического воспитания в семье. Это практика конституирует принадлежность к российскому народу, наследнику советского народа – который коллективно смог победить, отстоять свою землю. Согласно опросу «Левада-центра», проведенному в мае 2014 года²⁶⁵, победа в Великой Отечественной войне, по мнению 53% россиян, принадлежит народу – то есть связано не с конкретным политическим режимом или правителем, а со всей российской общностью, с ее цивилизационной миссией.

²⁶³ Сталин и его роль в истории страны / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/31-03-2015/stalin-i-ego-rol-v-istorii-strany> (8.08.2015)

²⁶⁴ Пресс-выпуск №2607. «Великая Отечественная война – в рассказах и фильмах» / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114864> (2.03.2015)

²⁶⁵ Оценка итогов Великой Отечественной войны / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/20-06-2014/otsenka-itogov-velikoi-otechestvennoi-voiny> (2.03.2015)

Интерпретации ситуации Великой Отечественной войны неоднозначны и поляризованы. Опрос от апреля 2015 года показывает²⁶⁶, что 50% респондентов, например, затрудняются сказать, что именно позволило Гитлеру начать войну. Зато две других группы достаточно многочисленны и поляризованы: 31% респондентов убеждены, что это «мюнхенский сговор» Великобритании и Франции, 19% - что это договор о ненападении между СССР и фашистской Германией. Эти две интерпретации представляют СССР либо как жертву нацистов, либо как державу, в определенный момент истории кооперировавшуюся с ними. Интерпретация данного исторического события это в то же время ответ на вопрос о легитимности средств достижения целей государственной властью: согласно тому же опросу около 50% в той или иной степени поддерживают указанный пакт о ненападении, тогда как 13% - в той или иной степени осуждают его

Другие исторические ситуации не так важны: вторым по значимости среди исторических событий становится полет Юрия Гагарина, следом за ним – с большим отрывом высадка человека на Луне, перестройка, Великая Октябрьская революция 1917 года, научно-техническая революция и т.д.²⁶⁷

Далеко не всегда исторические ситуации вызывают при интерпретации такие поляризованные общественные дискуссии. Ряд ситуаций не носят столь актуальный характер, но, тем не менее, представляют определенный интерес с точки зрения интерпретаций. Например, представление о формировании самобытной российской государственности отчасти основано на ставшем классическим в отечественной историографии споре между М.В. Ломоносовым и норманистами. Используя исторические данные, стороны спора пытались отстоять не только ту или иную точку зрения на достаточно абстрактный вопрос о зарождении государства у восточных славян. За

²⁶⁶ Великая отечественная война / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/29-04-2015/velikaya-otechestvennaya-voina> (5.05.2015)

²⁶⁷ Пресс-выпуск №1079. «Главные события двадцатого века» / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=10879> (2.03.2015)

гипотезой Ломоносова стояло представление о том, что российское государство самостоятельно, самобытно и независимо от европейской модели развития; за гипотезой норманистов – представления о том, что сама история России начинается с заимствования государства у скандинавов (то есть европейцев), следовательно, и во всем остальном опыт построения государства в России не уникален. Есть и другие моменты этого спора, связанные с контекстом той исторической ситуации, в которой он возник – например, то, что в силу специфики формирования элиты в то время («бироновщины») норманисты представляли точку зрения прусских элит. В этом споре важно именно то, что он стал одной из эталонных практик обоснования справедливости развития российского государства «по особому пути», отличному от западных моделей.

Особую группу ситуацию представляют собой **гипотетические ситуации** – модели действий или обстоятельств государственной власти, которые не соотнесены с обстоятельствами социальной реальности и в большей степени связаны с прогнозами будущего или идеальными проекциями. Парадокс гипотетических ситуаций в том, что они зачастую моделируются вопросами социологических исследований или общественными дискуссиями, которые проектируют воображаемые обстоятельства.

Однако при этом в гипотетических ситуациях хорошо проявляется то, что Е.Б. Шестопа́л называет «идеальными образами власти», а Н.А. Романович – «экспектациями». Поскольку люди в гипотетических ситуациях ограничены только искусственными обстоятельствами, они воображают государственную власть без ограничений социальной реальности, в соответствии со своими представлениями.

Гипотетические ситуации очень часто моделируются социологическими опросами без привязки к конкретным обстоятельствам и актуальности. В то же время они формулируют воображаемые условия, в

которые люди ставят, когда сталкиваются с необходимостью интерпретировать эти гипотетические обстоятельства.

Первый тип гипотетических ситуаций представляют собой ситуации, в которых люди интерпретируют степень вовлеченности государства в их жизнь: традиционно Россию принято считать патерналистским обществом. Обратимся к данным опроса «Левада-центра», в августе 2014 года количество опрошенных, которые в отношениях между гражданами и государством поддержали бы принцип «государство должно больше заботиться о людях» достигло 72%²⁶⁸.

Сильное государство в интерпретациях людей связано со способностью активно и эффективно быть вовлеченным в различные сферы жизни общества. Опрос, проведенный ВЦИОМ в мае 2014 года, предлагает следующее распределение ответов на вопрос: «Партию/кандидата, выдвигающую какие лозунги, Вы бы поддержали в первую очередь?», проведенного²⁶⁹: 43% респондентов выступили за лозунг «сильное государство, заботящееся обо всех своих гражданах, социальная политика, защита интересов страны»; 21% респондентов - за лозунг «Россия должна снова стать великой державой, империей, объединяющей разные народы»; 29% респондентов – за лозунг «социальная справедливость, равные права и возможности для всех, коллективизм, интернационализм».

Эти данные означают, что в интерпретациях многих людей идеальная власть предстает преимущественно социально ориентированной. Согласно

²⁶⁸ Взаимодействие между гражданами и государством / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/10-09-2014/vzaimodeistvie-mezhdu-grazhdanami-i-gosudarstvom> (2.03.2015)

²⁶⁹ Распределение ответов на вопрос «Партию/кандидата, выдвигающую какие лозунги, Вы бы поддержали в первую очередь? (закрытый вопрос, не более двух ответов)», от 11 мая 2014 г. / Архив ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=961&q_id=65988&date=11.05.2014 (2.03.2015)

опросу ВЦИОМ за март 2014 года²⁷⁰, около 17% посчитали признаком порядка в стране «социальную защиту малоимущих слоев населения». 23% при этом соотнесли порядок и стабильность с демократией. Согласно данным ВЦИОМ за июнь 2013 года²⁷¹, 28% россиян считают, что страна движется в следующем направлении: «сильное государство, заботящееся о своих гражданах, социальная политика, защита интересов страны, все должны работать на страну и государство». В этом же контексте чаще всего понимается и «справедливое государство». Установление справедливости – это компетенция сильного государства, которое устанавливает «меру равенства и неравенства в жизненном положении различных социальных общностей и индивидов»²⁷². Так, 36% россиян понимают социальную справедливость как равенство всех перед законом, а 58% считают, что понятие «справедливость» связано с понятием «сильное государство»²⁷³.

Итак, в гипотетической ситуации интерпретации взаимодействий государственной власти и общества люди делают акцент на активное, вовлеченное в жизнь общества государство, способное обеспечить порядок и справедливость. Эти ориентации нельзя назвать в полной мере патерналистскими, поскольку эти интерпретации связаны не столько с желанием интервенционизма, сколько с желанием восстановить социальную справедливость. Государственная власть в гипотетических ситуациях призвана выступать в роли главного распределителя и уравнивателя, делающего жизнь в обществе справедливой.

Для России традиционно, наряду с моделью взаимодействия общества и государства, остро стоял вопрос о месте страны на международной арене. В

²⁷⁰ Пресс-выпуск №2551. «Порядок или демократия?» / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=114767> (12.05.2015)

²⁷¹ Пресс-выпуск №2332. «Куда ж нам плыть? Будущее России глазами ее граждан» / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=114258> (2.03.2015)

²⁷² См. Клементьев Д.С. Метаморфозы справедливости // Стратегия России. 2012. №11.

²⁷³ Пресс-выпуск №2346. «Социальная справедливость: как мы ее понимаем» / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114297> (12.08.2015)

этом ключе можно отметить, что существует перманентная гипотетическая ситуация постоянного выбора между благосостоянием и величием, даже тогда, когда этот выбор не актуализирован реальной ситуацией (как в случае с присоединением Крыма к России).

Это противопоставление двух образов государственной власти: в основе первого лежит идея о государстве сильном в своей экспансии (причем необязательно территориальной, в том числе экспансии культурной и экономической), это государство-империя, великая держава, сила которой проявляется в том числе в способности продемонстрировать свою мощь другим странам²⁷⁴. Такое государство, прежде всего, выступает в роли сильного геополитического игрока. По их мнению, активная роль государства является ценностью для россиян, прежде всего с точки зрения повышения роли на международной арене.

Образ государственной власти, делающий акцент на внутренне благополучие, напротив, подчеркивает, что государство должно быть сильно с точки зрения исполнения своих прямых функций (социальная защита и поддержка и/или экономическое развитие, поддержка малого и среднего бизнеса, поддержание права).

Для иллюстрации этих тезисов обратимся к данным опроса ВЦИОМ²⁷⁵:

²⁷⁴ Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики современной России: монография. М., 2013. С.254-256.

²⁷⁵ Пресс-выпуск №2593. «Россия – великая держава?» / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=114840> (2.03.2015)

Рисунок I. Распределение ответов на вопрос «Как вы считаете, к каким целям должна стремиться Россия в XXI веке»

Как видно из представленной диаграммы, вплоть до 2014 года желающих видеть Россию одной из 10-15 экономически развитых стран мир преобладало над желающими для России статуса сверхдержавы. Эти две интерпертации государственной власти позволяют проследить приоритеты, располагающиеся между благополучием и величием. Очевидно, в последние несколько лет произошёл перелом, характеризующийся ростом «великодержавных» настроений.

В то же время можно отметить, что опрос построен в рамках логики исключения: или величие, или благополучие. В то же время образ государственной власти зачастую предполагает соединение этих двух параметров, а не их противопоставление. Так, согласно опросу ВЦИОМ, от апреля 2014 г.²⁷⁶, 52% россиян уверены, что для статуса великой державы необходимо иметь, прежде всего, развитую экономику, а приобретению статуса великой державы мешает, по мнению 42%, отставание в экономическом развитии от развитых стран.

²⁷⁶ Пресс-выпуск №2570. «Россия – великая держава?» / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL:<http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=114807> (2.03.2015)

Традиционно, с 1990-х годов, в российском общественном сознании существует гипотетическая дихотомия «порядок-демократия». Несмотря на некоторую, на наш взгляд, искусственность, эта проблема отражает взгляды на участие государства в процессе управления демократией. Обратимся к данным социологических исследований. Согласно опросу ВЦИОМ за март 2014 г.²⁷⁷, 71% при выборе из дихотомии «порядок-демократия», выбрали первое с формулировкой: [России важнее] «порядок, даже если для его достижения придется пойти на некоторое нарушение демократических принципов и ограничения личных свобод». При этом под «порядком» 45% опрошенных подразумевали «политическую и экономическую стабильность страны», 29% - «строгое соблюдение законов», 23% - «прекращение раздоровывания, растаскивания страны», 17% - «прекращение борьбы властей, развала страны».

Опираясь на анализ интерпретаций ситуаций, основанный на исследовании данных социологических опросов, мы можем подвести итоги, смоделировать основные основные тренды российского общества образа государственной власти.

Прежде всего, это **персонализм**, то есть представление о власти как о компетенции конкретного лица, принимающего все основные решения. На самом высоком уровне это представление воплощено в восприятии Владимира Путина. Из персонализма напрямую вытекает представление о **центризме**, то есть о том, что власть сосредоточена в едином центре принятия решений, а воля граждан учитывается, но не принимается безусловно.

Представление о **демократизме** выражается в ориентациях на эффективное взаимодействие государства и общества. В представлениях россиян сильны демократические представления о власти: необходимость ее

²⁷⁷ Пресс-выпуск №2551. «Порядок или демократия?» / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=114767> (12.05.2015)

сменяемости, подотчетности обществу, приоритет совместного, коллективного способа принятия решений. В то же время реально государственная власть воспринимается как дистанцированная, **отделенная от общества**, механизм принятия государственных решений **непрозрачен, непонятен**. Государственная власть время от времени оказывается результатом действия **частных интересов** – такая ситуация дисфункции власти требует отделения источника дисфункции от права представлять коллективный интерес, либо легитимация дисфункции в качестве нормативной практики.

В России распространено патерналистское представление о государстве как о гаранте **стабильности**, защитнике, который обеспечивает порядок и предотвращает радикальные перемены, грозящие общественным переустройством. В то же время при проекции представлений о государственной власти на международную ситуацию важно представление о российском государстве как о **сильном государстве**, отстаивающем свои интересы на международной арене. Государство, по мнению россиян, также должно обеспечивать **социальную справедливость и равенство**.

В образе государственной власти, характерном для российского общества, характерно **недоверие** к государственной власти, а также связанное с этим недоверием желание избегать по возможности взаимодействия с государством. Россияне предпочитают отказ от публичной жизни в пользу частных дел.

Эти тренды представляют собой наиболее общие, достаточно широко распространенные представления о государственной власти в России. В то же время проведенный нами анализ ситуаций испытания выявил, что ряд трендов в представлениях о государственной власти являются противоречивыми. Так, неоднозначны интерпретации исторических ситуаций: не решенным остается вопрос о целях и средствах, то есть о тех полномочиях, которые государство может присвоить себе ради достижения

великих целей; о том, что важнее для общества – порядок или демократия, благополучие или величие.

2.2. Идентичность и социальная интеграция в России

Проанализируем, как образ государственной власти в России влияет на построение идентичности. О.Ю. Малинова указывает, что «воображение» коллективной идентичности возможно с помощью двух механизмов: цивилизационного и национального²⁷⁸. В первом случае коллективная идентичность формируется как ядро, замыкающее на себя разнообразные национальные идентичности, она становится более гибкой, легко надстраиваемой над этнической или национальной идентичностью; во втором случае процесс идентификации осуществляется по линии этноса или гражданской нации. М.К. Горшков указывает на три возможных сценария складывания идентичности, которые предполагают превращение России в многонациональное, национальное русское или национальное российское, но при этом полиэтническое государство²⁷⁹. О.В. Головашина указывает, что в России вплоть до XX века не существовало «воображаемого сообщества», для которого была бы характерна национальная идентичность в том смысле, который в это понятие вкладывают в западной науке – слишком низок был уровень грамотности, а социальная идентификация была связана в основном с малыми, локальными сообществами; именно поэтому сильная власть во многом конструировала идентичность национально-государственного сообщества исходя из нужд управления²⁸⁰.

²⁷⁸ Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики современной России: монография. М., 2013. С.351-352.

²⁷⁹ Горшков М. К. Российская идентичность в контексте западноевропейской культуры // Власть. 2013. №1. С. 10-13.

²⁸⁰ Головашина О.В. Национальная идентичность в России: базовая модель // Fractal Simulation. 2011. №2. С.70-71.

Согласно опросу ВЦИОМ от октября 2014 года²⁸¹, 44% респондентов признают, что народное единство в России «скорее есть». Однако 45% из них затрудняются назвать, в чем источник народного единства, 19% полагают, что причина в том, что «в трудные минуты Россия объединяется», а 14% – в том, что «все нации мирно уживаются между собой». Интересно, что и среди тех, кто считает, что в России нет народного единства, большинство (36%) также не могут назвать причину, в то время как 31% считает, что причина отсутствия единства в том, что «каждый сам за себя, думают только о себе», а 16% – в большой разнице между богатыми и бедными.

В 2011 году 95% опрошенных отождествили себя с «гражданами России»; 60% – с «земляками», 52% – с людьми схожих взглядов на жизнь, 51% – с людьми той же национальности, 42% – с людьми той же веры, 40% – с людьми той же профессии²⁸². Согласно опросу «Левада-центра», проведенному в августе 2013 года²⁸³, 80% россиян отождествили себя с русскими. По данным опроса ВЦИОМ, проведенного в мае 2014 года²⁸⁴, 57% опрошенных согласились с тезисом о многонациональном характере российского государства, в то же время за защиту национальных интересов русских высказалось 38% опрошенных. Интересно, однако, что ситуация кардинально поменялась с ноября 2013 года, когда за первую точку зрения высказывались 44%, а за вторую – 50%. Этот тезис, очевидно, подтверждает переформатирование идентичности в контексте изменения образа государственной власти, которое произошло во многом из-за кризиса на Украине. Последние события, в частности, утвердили сохранение «русской

²⁸¹ Пресс-выпуск №2706. «Народное единство: что это такое и как его достичь?» / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115040> (2.03.2015)

²⁸² Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013. С. 40-41.

²⁸³ Идентичность россиян / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/20-09-2013/identichnost-rossiyan> (2.03.2015)

²⁸⁴ Пресс-выпуск №2611. «Россия – общий дом для разных народов» / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=114874> (2.03.2015)

культурной доминанты» в относительно гибком цивилизационном ядре. Примечательны данные опроса «Левада-центра» от августа 2015 года: 40% респондентов посчитали, что русские это «совершенно особый народ»²⁸⁵.

В связи с этим интересно рассмотреть различные механизмы идентификации. Под механизмами идентификации мы будем рассматривать те инструменты построения идентичности, которые помогают сформировать единую социальную общность, то есть служат целям социальной интеграции и при этом соотносятся с образом государственной власти. Эти механизмы идентификации включают в себя формальные признаки, свидетельствующие об общности образа государственной власти. В сегодняшних российских реалиях можно выделить несколько типов механизмов идентификации относительно образа государственной власти: формальные механизмы, которые отражают представления о том, что члены общности должны соответствовать определенным критериям, установленным государством (например, владение государственным языком); механизмы, верифицирующие представления о государственной власти, которые конституируют соответствие материальных предметов и практик идентичности народа.

С точки зрения анализа иерархии формальных механизмов идентификации можно рассмотреть доклад ВЦИОМ «Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы», подготовленный в октябре 2013 года²⁸⁶. Данные опросов свидетельствуют о том, что ядро идентичности для большинства россиян связано с цивилизационными (усвоение культурных норм), а не этническими и национальными категориями: так, 35% опрошенных посчитали, что русскими можно назвать тех, кто «вырос в России воспитывался в культурных традициях русской

²⁸⁵ Ксенофобия и национализм / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/25-08-2015/ksenofobiya-i-natsionalizm> (30.08.2015)

²⁸⁶ Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы / Доклад ВЦИОМ. URL: http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Russian_Identity_2013_rus.pdf (12.08.2015)

культуры». В противоположность этому этничность поставили на первой место 16%, указав, что русскими можно считать только тех, кто «русский по происхождению, по крови».

Особое место среди механизмов идентификации социальной общности с образом государственной власти занимают символы и практики. Идентичность конституируется через символы, которых становятся общепризнанными маркерами принадлежности.

К таким символам относятся в том числе реальные объекты (например, значимые памятники архитектуры), символизирующие наиболее важные элементы российской истории и идентичности. К этим символам «крепятся» интерпретации ситуаций: например, по данным ВЦИОМ на август 2014 г.²⁸⁷, 57% респондентов указали, что Россию для них, прежде всего, олицетворяют государственные символы (флаг, герб, гимн). При этом второе место со значительным отрывом всего (4%) заняли Кремль, Красная площадь, «кремлевские звезды», то есть материальные референты образа государственной власти.

С точки зрения конкретной социальной практики можно отметить основные праздники и массовые мероприятия, которые конституируют единство российской общности, служат символами социальной интеграции. Среди первой пятерки наиболее важных, по мнению россиян праздников по результатам опроса «Левада-центра» 2014 года²⁸⁸, два праздника носят личный характер, среди оставшихся трех только День Победы можно связать с образом государственной власти. Согласно исследованию ВЦИОМ, 91% респондентов высказались за торжественный парад 9 мая, согласившись с мнением о том, что «это славная традиция, которая увековечивает главную и

²⁸⁷ Пресс-выпуск №2653. «Символы России: знаем и гордимся» / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=114943> (2.03.2015)

²⁸⁸ Важные праздники / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/20-02-2014/vazhnye-prazdniki> (2.03.2015)

величайшую победу нашей страны, поэтому соблюдать ее необходимо»²⁸⁹. Согласно тому же исследованию, 90% респондентов заявили, что это «праздник для всех» россиян. День народного единства, празднуемый 4 ноября, так и не стал общенациональным праздником: по результатам опроса ВЦИОМ в 2013 году²⁹⁰ 60% респондентов признались, что не будут его отмечать и только 19% опрошенных смогли вспомнить, что именно этот праздник символизирует.

Как уже указывалось, важная составная часть построения идентичности – определение Другого. Логика отождествления, как мы выяснили, связана с определенными механизмами идентификации, связанными как с формализованными признаками (например, владение русским языком), так и с символами, вещами и практиками, соответствующими представлениям образа государственной власти. Но каким образом работают в России логики различения Других, отличающихся? Прежде всего, логика различения в России базируется на поиске тех субъектов, с которыми у России есть непримиримые противоречия. В сентябре 2014 года 84% россиян признали, что у сегодняшней России есть враги²⁹¹.

Образ Другого в контексте российского образа государственной власти проявляется в двух ипостасях. Во-первых, в роли Другого выступает Запад, во-вторых, в роли Другого часто выступают те члены общества, которые не соответствуют критериям механизмов идентификации.

В первом случае мы говорим о Западе как об абстрактном обобщенном образе, который выражается персонами и организациями, которые

²⁸⁹ Пресс-выпуск №2014. «День Победы - праздник для всех» / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112756> (2.03.2015)

²⁹⁰ Пресс-выпуск №2445. «4 ноября: национальный праздник – или просто выходной» / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114589> (2.03.2015)

²⁹¹ Внешнеполитические враги и партнеры России / Пресс-выпуск «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/21-10-2014/vneshnepoliticheskie-vragi-i-partnery-rossii> (2.03.2015)

воспринимаются как акторы в процессе взаимодействия и коммуникации. Так, Запад и западные партнеры постоянно возникают в публичных высказываниях Владимира Путина как главные акторы процесса международной коммуникации, к которым обращается наша страна. Тем не менее в сознании россиян западные страны – не партнер, а скорее соперник, поскольку во взаимодействии с Россией «стремятся решать свои проблемы за ее счет и при удобном случае наносят ущерб ее интересам» – так посчитали 79% опрошенных социологами «Левада-центра» в сентябре 2014 года²⁹².

Тем не менее, именно Запад в представлениях множества россиян является своеобразной «точкой отсчета». Например, в опросе «Левада-центра» от 7 марта 2014 года²⁹³, 30% респондентов на вопрос о будущем России утверждают, что она будет «такой же богатой и развитой страной, как страны Запада», 21% - что у России будет особый путь, но все-таки «техника, наука, вооружение будут на уровне западных стандартов». При этом только 10% сравнивают будущее России со странами Азии, Индией и Китаем.

В общественном сознании лидеры стран запада и организаций евроатлантического сотрудничества (НАТО, ЕС) – это операторы коммуникации России с Западом, артикулирующие точку зрения последнего. Несогласие с этой точкой зрения на Россию и общественные процессы – это одна из форм символического противостояния враждебному Другому и коллективной идентификации. Такая идентификация в том числе связана с коллективизмом, поскольку апеллирует к солидарности на основе совместной идентичности.

Второй случай репрезентации Другого – внутренний. В этом контексте в качестве Других выступают члены российского общества.

²⁹² Внешнеполитические враги и партнеры России / Пресс-выпуск «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/21-10-2014/vneshnepoliticheskie-vragi-i-partnery-rossii> (2.03.2015)

²⁹³ Особый российский путь / Пресс-выпуск «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/07-04-2014/osobyi-rossiiskii-put> (2.03.2015)

Важное место в роли Другого в общественно сознании занимает оппозиция. Большинство россиян считают, что она в России нужна (18% респондентов ответили «да» и 40% респондентов – «скорее да»)²⁹⁴. Интересно, что среди тех, кто посчитал, что оппозиция не нужна (согласно тому же опросу), 30% респондентов апеллировало к представлению о сильном государстве (вариант ответа «в наше трудное время нельзя распылять силы общества на споры и распри»), 23% - к представлению о централизме (вариант ответа «нынешние проблемы России можно решить только одной твердой рукой»), 17% - к представлению о государственной власти как о выразителе коллективного интереса (вариант ответа «политика Путина выражает интересы самых широких слоев населения»).

Помимо оппозиции как обобщенного образа допустимого Другого, в обществе существует представление о тех социальных силах, которые не могут быть идентифицированы как часть целого. Следует отметить, что в определении этих Других по отношению к идентичности народа нет единой точки зрения. Так, согласно опросу «Левада-центра» от июня 2014 года²⁹⁵ 36% опрошенных полностью оправдывают борьбу российских властей с «иностранными агентами», «пятой колонной Запада»; 27% - отрицают существование «пятой колонны»; 38% - затрудняются ответить. Интересно отметить, что Владимир Путин в декабрьской пресс-конференции 2014 года определил грань между оппозицией и «пятой колонной» именно в ключе аргументации режима оправдания гражданского мира, через понятие

²⁹⁴ Необходимость политической оппозиции и поддержка «оппозиционных» требований / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/27-02-2015/neobkhodimost-politicheskoi-oppozitsii-i-podderzhka-oppozitsionnykh-trebovaniy> (2.03.2015)

²⁹⁵ Протестная активность россиян и отношение к «пятой колонне» / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/11-07-2014/protestnaya-aktivnost-rossiyan-i-otnoshenie-k-pyatoi-kolonne> (2.03.2015)

коллективного интереса: по его словам, «оппозиционер, даже очень жёсткий, он в конечном итоге до конца борется за интересы своей Родины»²⁹⁶.

В связи с этим Другой, если он признается врагом, а не соперником, через образ государственной власти может быть определен как тот, чья деятельность противоречит коллективному интересу. Согласно данным ВЦИОМ за июнь 2014 года²⁹⁷, 47% опрошенных признались, что считают, что человек, который «публично высказывает мнение, не совпадающее с точкой зрения государства», не может быть патриотом. Один из ведущих современных российских интеллектуалов, директор «Фонда развития гражданского общества» Константин Костин следующим образом сформулировал образ враждебного Другого: «ценности национальные, консенсусные, выступать против которых — это и есть национал-предательство»²⁹⁸.

Итак, образы Других определяются как ключевые элементы логики различения, отграничивающие пространство социальной солидарности и определяющие тех, кто не соответствуют критериям инкорпорации в российское общество. Тем не менее, Другие необходимы именно в логике различения своих и чужих для формирования идентичности народа.

Обратимся к тем практикам, которые связаны с образом государственной власти и которые призваны конституировать общность российского народа. Такими практиками могут быть как публичные демонстрации идентичности, так и стандартизированные акты совместного для общества бытия.

²⁹⁶ Пресс-конференция Владимира Путина 18 декабря 2014 года // Телеканал Russia Today. URL: <http://russian.rt.com/article/65058> (25.02.2015)

²⁹⁷ Пресс-выпуск №2604. «Что значит быть патриотом?» / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=114857> (25.02.2015)

²⁹⁸ «Политики из команды Путина находятся внутри его рейтинга...» / Публикации. Фонд развития гражданского общества. URL: <http://civilfund.ru/publication/48> (26.02.2015)

Что касается публичных социальных практик, можно отметить, что в России сложилась тенденция пассивного участия в демонстрирующих лояльность коллективной идентичности практиках. Опрос «Левада-центра» от марта 2014 года²⁹⁹ свидетельствует о том, что небольшой процент россиян считает, что, вступая в контакт с властью, от нее можно добиться того, что нужно (5%). Большинство (59%) признается, что живет, «полагаясь только на себя и избегая вступать в контакт с властью», а примерно треть (28%) считает, что их жизнь во всем зависит от власти. Около 85% респондентов уверены, что они не могут или скорее не могут влиять на принятие государственных решений в стране. В докладе «Левада-центра» от 2015 года об установках россиян по отношению к власти отмечается: «основной стратегией населения во взаимоотношениях с властью можно назвать избегание и уклонение от лишних контактов»³⁰⁰. Эта стратегия является практической реализацией осознания невозможности оказывать влияние на процесс принятия государственных решений.

Тем не менее, конкретные практики, направленные на конституирование идентичности и связанные с укреплением тех или иных представлений или ситуаций образа государственной власти, такие как массовые митинги в поддержку тех или иных решений власти, находят одобрение в представлениях большинства граждан. В этом контексте интересно, что массовые мероприятия, по данным «Левада-центра», продолжают восприниматься большинством россиян (54% в феврале 2015 года) как «нормальное демократическое средство достижения гражданами своих целей»³⁰¹.

²⁹⁹ Россияне о взаимодействии с властью / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/29-04-2014/rossiyane-o-vzaimodeistvii-s-vlastyu> (27.08.2015)

³⁰⁰ Демократия в России: установки населения / Д. Волков, С. Гончаров. 2015. URL: http://www.levada.ru/sites/default/files/report_fin.pdf (27.08.2015)

³⁰¹ Необходимость политической оппозиции и поддержка «оппозиционных» требований / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/27-02-2015/neobkhodimost-politicheskoi-oppozitsii-i-podderzhka-oppozitsionnykh-trebovanii> (2.03.2015)

Однако публичные мероприятия, митинги не являются регулярным механизмом конституирования идентичности. В роли этого выступают коллективные коммуникации. Июньский опрос «Левада-центра», указывает, что в форме такой социальной практики для россиян может выступать просмотр телевизора: 90% россиян получают информацию «о событиях в стране и мире из телевизора»³⁰². Именно такая объединяющая практика – ежевечерний просмотр телевизионных новостей – создает совместное поле представлений об образ государственной власти, государстве и его действиях, во многом формирует оценки окружающей социальной реальности. Августовский опрос «Левада-центра» от 2015 года показывает, что 21% россиян полагают, что «телевидение дает в целом полную и объективную картину происходящих событий», 46% - что из «телепередач можно извлечь много полезной и объективной информации о событиях в мире»³⁰³.

Здесь очевидно, что государство обладает достаточно большим потенциалом воздействия в этой сфере, поскольку все крупнейшие телеканалы фактически воспроизводят образ государственной власти, наиболее соответствующий запросам правящей элиты.

2.3. Основные противоречия образа государственной власти в России

Сложность развития российского общества определяет противоречивость образа государственной власти. Современные

³⁰² Интернет не смог заменить россиянам ТВ в качестве источника информации / Публикации прессы. Официальный сайт «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/18-06-2014/internet-ne-smog-zamenit-rossiyanam-tv-v-kachestve-istochnika-informatsii> (2.03.2015)

³⁰³ Телевидение: доверие и функции / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/14-08-2015/televidenie-doverie-i-funktsii> (28.08.2015)

представления о государстве и власти в массовом сознании россиян не целостны, для них характерны многочисленные разрывы и противоречия.

Наиболее важное противоречие, разрушающее интегрирующую функцию образа государственной власти - социально-экономический разрыв. Основным расколом российского общества являются разрыв по доходам и материальному положению. Этот тезис можно проиллюстрировать следующими данными ВЦИОМ от октября 2014 года³⁰⁴:

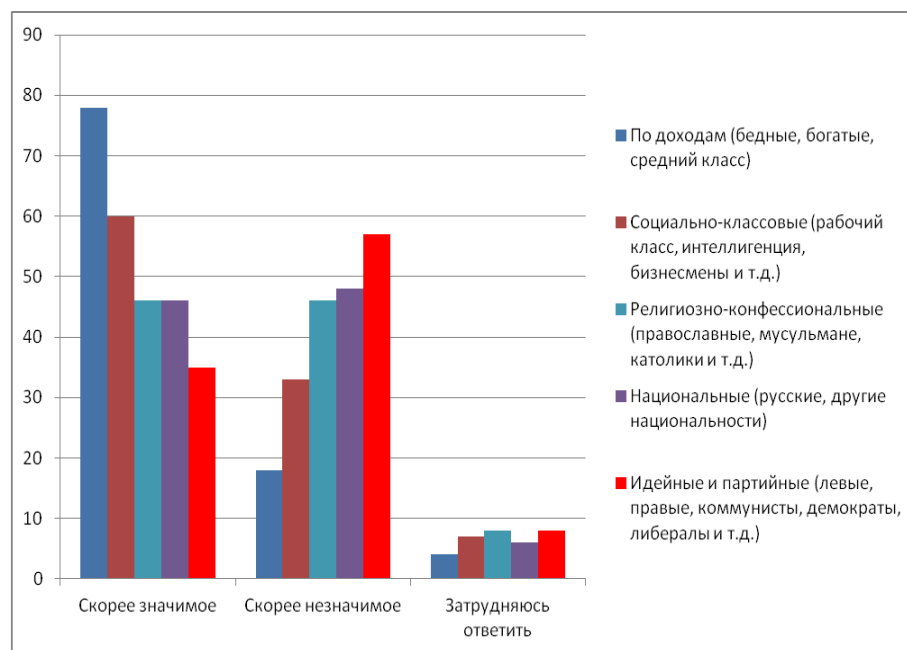

Рис 2. Распределение ответов на вопрос «Какие различия между группами людей и слоями общества Вам кажутся значимыми, а какие нет?».

Из представленных данных видно, что самые значимые в представлении респондентов различия – материальные и социально-классовые, тогда как количество считающих остальные проблемы значимыми и незначимыми примерно равно или количество считающих проблему незначимыми превышает количество тех, кто придерживается противоположной точки зрения. Этот социально-экономический разрыв не позволяет сформироваться серьезной концепции единства, не предлагающей никаких средств по уравниванию социально-экономического положения

³⁰⁴ Пресс-выпуск №2706. Народное единство: что это такое и как его достичь? // Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115040> (2.03.2015)

властвующих и подвластных. В этой области любые проекты образов государственной власти не могут преодолеть этого разрыва, пока они не связаны с актуальнейшими в российском обществе идеями социального равенства и социальной справедливости. Отчасти преодоление этого разрыва может быть реализовано с помощью несоветского проекта, однако очевидно, что в сложившихся реалиях он носит утопический характер.

В обществе существует запрос на социальное, справедливое государство. Обратимся к данным ВЦИОМ³⁰⁵:

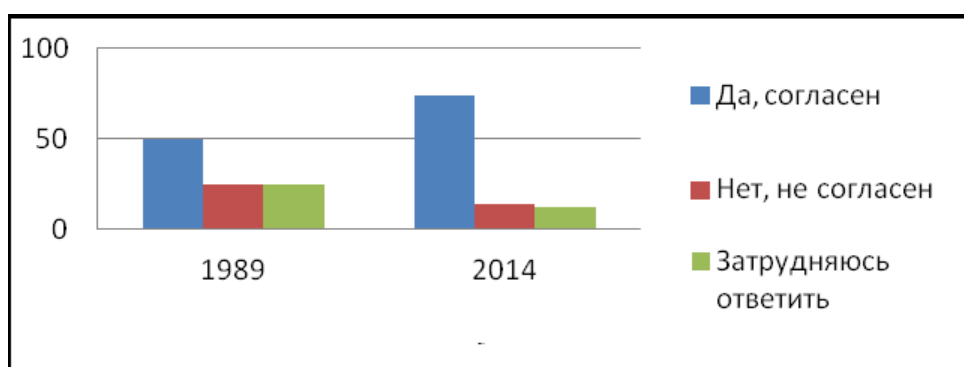

Рисунок 2. Распределение ответов на вопрос о согласии респондентов с утверждением «Государство не должно допускать слишком больших различий между низкими и высокими доходами»

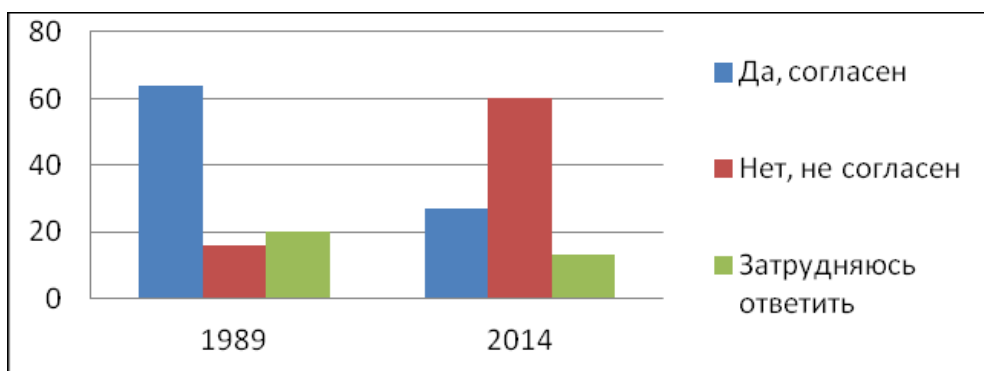

Рисунок 3. Распределение ответов на вопрос о согласии респондентов с утверждением «Государство должно как можно меньше вмешиваться в распределение доходов»

³⁰⁵ Пресс-выпуск 2772. «Распределение доходов в обществе: государственное регулирование или рыночный механизм?» // Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115143> (2.03.2015)

Как видно из представленных диаграмм, за последние 25 лет количество респондентов, считающих, что государство не должно допускать слишком высоких различий в доходах населения и что государство должно больше вмешиваться в распределение доходов неуклонно росло. Это означает что в рамках представления о сильном государстве сильно выросло значение идеи государства развития и благосостояния. Однако реальная практика государства не вполне соответствует этим настроениям.

Негативное восприятие социального неравенства видно на данных опроса за июнь 2015 года³⁰⁶: 60% респондентов ответили, что неравенство доходов «допустимо, но только если разрыв между бедными и богатыми не слишком велик», 28% ответили, что «всякое неравенство доходов вредно - нужно стремиться, чтобы его вообще не было». Согласно тому же опросу, 70% респондентов считают что «сейчас в России честно зарабатывать миллионы рублей» нельзя. 40% россиян считают, что несправедливость распределения доходов в том, что «некоторые группы людей получают неоправданно высокие доходы», 27% - в том, что «часть населения получает неоправданно низкие доходы: пенсионеры, инвалиды и т.д.»³⁰⁷.

Интересно сопоставить, как восприятия «идеальной» государственной власти сталкиваются с оценками реальности. По результатам опросам ВЦИОМ за апрель 2014 года³⁰⁸, самые характерные качества современной российской власти в представлениях россиян это сила, стабильность и устойчивость, а также активность, то есть те характеристики, которые соответствуют представлениям о сильном государстве. В то же время

³⁰⁶ Неравенство и доходы // Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/14-07-2015/neravenstvo-i-dokhody> (01.08.2015)

³⁰⁷ Пресс-выпуск №2878. Богатые и бедные – вчера и сегодня // Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115317> (22.07.2015)

³⁰⁸ Распределение ответов на вопрос «Какими качествами нынешняя российская власть, по вашему мнению, обладает? Выберите три качества, присущих современной российской власти в наибольшей степени (закрытый вопрос, не более трех ответов)», от 27 апреля 2014 г. / Архив ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=960&q_id=65913&date=27.04.2014 (15.08.2015)

идеальная власть, по результатам того же опроса ВЦИОМ³⁰⁹ характеризуется, прежде всего, заботой о народе (41%), некоррупционностью, неподкупностью (37%), стабильностью, устойчивостью (27%). Как видно, оценки государственной власти и идеала государственной власти различаются в российском образе государственной власти. На основе данных ВЦИОМ составим диаграмму, иллюстрирующую ожидания от государственной власти сопоставленные с реальностью в оценках респондентов:

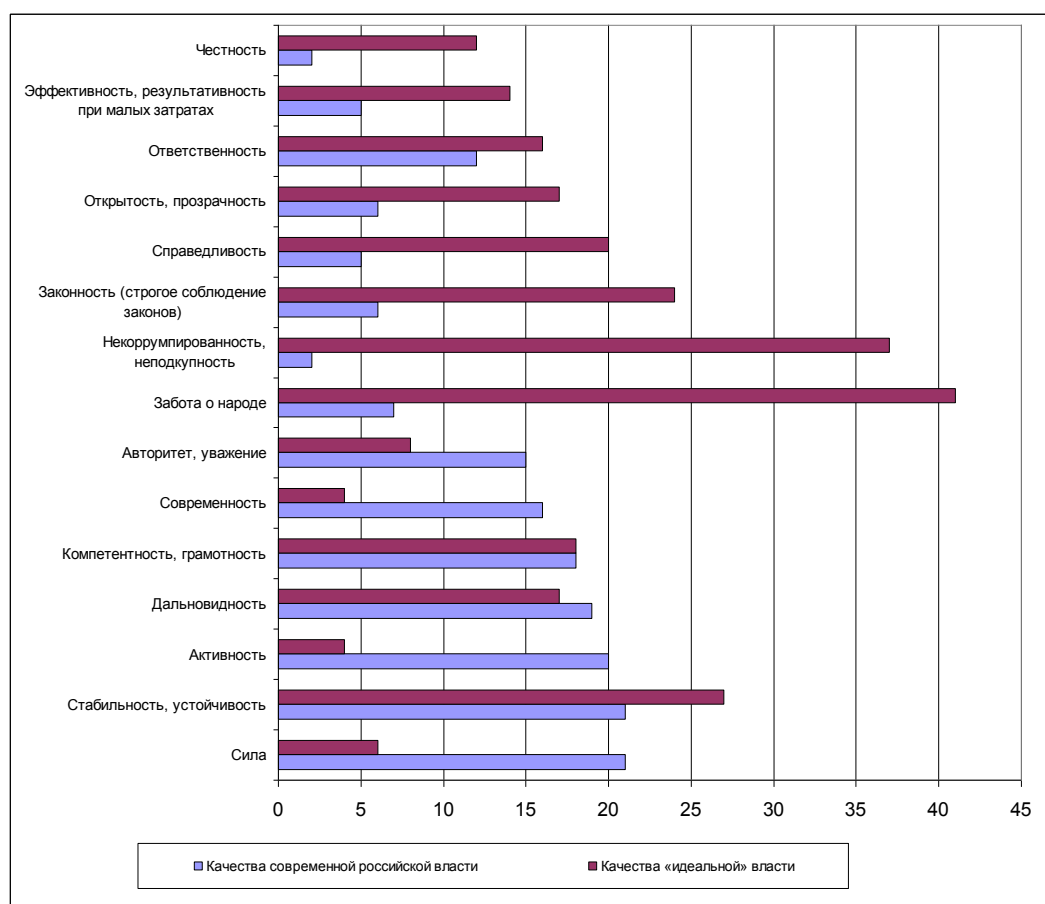

Рисунок 4. Ожидания и оценки реального положения вещей – государственная власть в России

³⁰⁹ Распределение ответов на вопрос «Посмотрите, пожалуйста, на следующий список характеристик (качеств) и выберите три из них, которые, по-Вашему, наиболее важны для того, чтобы можно было признать власть «идеальной» или «высококачественной»? (закрытый вопрос, не более трех ответов)», от 27 апреля 2014 г. / Архив ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=960&q_id=65911&date=27.04.2014 (2.03.2015)

Как видно из Рисунка 4, качества государственной власти можно разделить на три группы: в первую группу можно отнести те качества, которые в «идеале» и оценке реальности примерно соотносятся; ко второй – те, в которых запрос на «идеальные» качества намного выше, чем оценка этих качеств реальной власти; к третьей – те, в которой с низким запросом на соответствующее качество власти соотносится высокая оценка данной характеристики современной российской власти. Первая группа иллюстрирует, какие качества государственной власти примерно соответствуют ожиданиям россиян: это стабильность, устойчивость, дальновидность, компетентность. Очевидно, ключевым в этом плане являются качества стабильности и устойчивости. Именно здесь в целом оценки реальной власти и «идеала» власти совпадают достаточно сильно.

Вторая группа показывает, чего в современной российской власти россиянам не хватает: прежде всего, заботы о народе; затем некоррупционности, честности, эффективности и результативности при малых затратах; справедливости; открытости, прозрачности. Эти качества, очевидно, отражают тот факт, что, в представлениях респондентов власть недостаточно тесно связана с народом, взаимоотношения общества и государства «разорваны» и показывают, таким образом, что государственная власть в представлениях россиян не соответствует ценностям, присутствующим в данном сегменте.

Третья группа показывает, какие качества, присущие власти в представлениях россиян, не так важны для общества: сила, современность, авторитет, активность.

Для российского общества зачастую характерны противоречивые восприятия государственной власти. Так, согласно данным «Левада-

центра»³¹⁰ от марта 2015 года, Путин, по мнению респондентов, не смог, прежде всего, «обеспечить справедливое распределение доходов в интересах простых людей» (39%), «вернуть простым людям средства, которые были ими утеряны в ходе реформ» (34%), «преодолеть кризис в экономике страны, остановить спад производства» (23%). Как уже было сказано, национальный лидер является политико-символическим воплощением центризма и персонализма власти, поэтому указание респондентами на его недостатки показывает их отношение к эффективности всей вертикали власти. Как мы видим, недовольство связано, прежде всего, с тем, что существующий образ государственной власти не соответствует запросам на социальное равенство и социальную справедливость.

В контексте социально-экономического разрыва чрезвычайно актуальна тема дисфункции государства, прежде всего, коррупции. Как уже указывалось, дисфункции легитимируются либо за счет исключения их источников (реального или символического) из числа представителей государственной власти, либо через институционализацию недоверия к любой власти в целом. В последнем случае доверие концентрируется на фигуре президента, укрепляя тенденцию персонализма в образе государственной власти.

Какие управленческие рекомендации могут быть даны в связи с наличием описанных противоречий в образе государственной власти, препятствующих социальной интеграции? Необходима выработка комплексной концепции управления³¹¹, в том числе социокультурного регулирования и управления образом государственной власти. В настоящий момент образ государственной власти складывается как под влиянием объективных обстоятельств, так и в результате воздействия разнообразных

³¹⁰ Путин 3.0: как изменилось восприятие президента за 15 лет // Публикации в прессе «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/27-03-2015/putin-30-kak-izmenilos-voispriyatie-prezidenta-za-15-let> (12.08.2015)

³¹¹ См. напр. *Клементьев Д.С.* Социология и психология управления. М.: Аргатак-медиа, 2014.

групп влияния, стремящихся распространить свой образ государственной власти на общество в целом. В этом контексте ситуацию могла бы изменить консолидированная государственная политика, в основе которой лежала бы идея об инструментальности образа государственной власти и стремление регулировать социокультурную сферу не командными, а косвенными методами.

Представления о государственной власти, основывающиеся на интерпретации ситуаций испытания, не соответствуют реальной практике взаимодействия россиян с властью. Поэтому государство должно предпринимать действия по формированию образа государственной власти, которые приводили бы к гармонизации «идеала», существующего в образе государственной власти с реальными практиками государства. В случае с социально-экономическими противоречиями это означает либо трансформацию государства в социально-ориентированное, либо формирование такого образа государственной власти, который компенсировал недостаточные усилия государства по выравниванию социально-экономического неравенства другими качествами (отчасти этот сценарий был реализован в «посткрымском консенсусе»).

Недоверие, «разорванность» отношений государства и общества представляет собой вторую серьезную проблему. Для государственной власти как символа коллективной идентичности важен упор не на разделяющие государственную власть и общество, а на объединяющие качества. В противном случае значение «разрыва» будет только расти. В это связи государство может задействовать более широкий спектр демократических практик, практик принятия коллективных решений. За счет этого также может быть нивелирована непрозрачность процесса принятия решений.

Дисфункциональность представляет собой, пожалуй, наиболее серьезную проблему. Несмотря на то, что не существует общества, где для

представителей государственной власти в полной мере был бы решен компромисс между частными и общенациональными интересами, в России каждая «ситуация испытания», в которой за государственной, коллективной волей (например, госзакупками) разоблачаются частные интересы (коррупция) воспринимается крайне остро. Обычно заостряет ситуацию тот факт, что дисфункции не поддаются легитимации, а их неприятие часто является консенсусом в общественном мнении.

Заключение

Социальная интеграция в исследовании рассмотрена как процесс воспроизводства динамического единства во множестве конкретных «ситуаций испытания», в которых происходит согласование интерпретаций действий и характеристик государственной власти, закрепление этих интерпретаций в качестве элементов национально-государственной идентичности. В этих конкретных ситуациях проявляется образ государственной власти, под которым понимается комплекс взаимосвязанных представлений о государстве. «Группы носителей» – коллективные субъекты, которые стремятся универсализировать, сделать всеобщими свои представления, могут номинировать собственные образы государственной власти, представляя различные модели социальной интеграции.

В результате диссертационного исследования разработана исследовательская модель, которая предполагает:

1. Анализ и классификацию основных характерных «ситуаций испытания», в которых проявляется образ государственной власти;
2. Выявление базовых интерпретаций, характерных для каждой ситуации с помощью анализа данных социологических опросов;
3. Описание основных представлений, входящих в образ государственной власти;
4. Изучение и описание основных противоречий образа государственной власти.

На основе разработанной модели был проанализирован образ государственной власти в современной России. В качестве основных ситуаций испытания были выделены:

- ситуации, связанные с национальным лидером, в которых происходит интерпретация действий Владимира Путина;
- ситуации, связанные с институтами государственной власти, в которых происходит интерпретация действий и характеристик органов государственной власти;
- ситуации дисфункции институтов власти, в которых нарушение в работе государственных институтов порождает необходимость интерпретации и легитимации;
- ситуации угрозы, которые связаны с терроризмом и экстремизмом;
- внешнеполитические ситуации, в которых происходит позиционирование государства на международной арене;
- исторические ситуации, которые актуализируют обстоятельства прошлого и вызывают к жизни различные их интерпретации;
- гипотетические ситуации, в которых происходит интерпретация абстрактных или условных действий и характеристик государственной власти.

В результате исследования указанных ситуаций испытания в качестве основных представлений российского образа государственной власти выделены:

- персонализм – представление о том, что государственная власть воплощена в одном лице, принимающем все ключевые решения и олицетворяющем государство;
- центризм – представление о том, что у государственной власти есть центр, который одновременно является местом ее наибольшего сосредоточения;

- демократизм – представление о необходимости коллективно принимать важные государственные решения, а также о важности демократических процедур;
- патернализм – представление о государственной власти как о гаранте стабильности, обеспечивающем порядок и предотвращающем радикальные перемены;
- представление о том, что государственная власть должна быть социально ориентированной, обеспечивать справедливость и равенство;
- представление о необходимости государства быть сильным, прежде всего, показывая независимость на международной арене;

В то же время, выявлена противоречивость образа государственной власти в России: в его рамках не решен вопрос о соотношении целей и средств в функционировании государственной власти, о первичности порядка или демократии, благополучия или величия. Среди противоречий образа государственной власти можно отметить представления о дистанцированности, отдаленности власти от общества, о непрозрачности государственной власти, о ее дисфункциональности, недоверие общества к власти. Одним из важнейших противоречий является социально-экономическое: государственная власть не выполняет ожидаемых от нее функций по устранению социального неравенства, восстановлению социальной справедливости.

Российская идентичность формируется во многом под влиянием этих представлений. Основой этой идентичности служит не этническая, а цивилизационно-культурная идентификация, принадлежность к гражданской российской нации. Единство российского общества при этом закрепляется обобщенными практиками, в ходе которых динамически воспроизводится идентичность народа. Многообразие форм закрепления социальной

интеграции включает в себя различные практики и символы, к которым можно отнести государственные символы и значимые места, практики по воспроизводству государственно-властных отношений, индивидуальные стандартизированные акты коллективной коммуникации (например, просмотр телевидения).

Разработанная теоретико-методологическая модель анализа образа государственной власти в его проявления в конкретных ситуациях испытания может применяться как для дальнейшего изучения российского образа государственной власти, так и при анализе образов государственной власти в других странах. В перспективе также возможна разработка и корректировка предложенной теоретико-методологической модели.

Список литературы

Книги, сборники, научные статьи

Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // Общественные науки и современность. №2. 2001.

Агамбен Дж. Номос сасег. Суверенная власть и голая жизнь. – М.: Издательство «Европа», 2011.

Акмалова А.А. Капицын В.М. Символьное обеспечение социального единства // Социальная сплоченность как историческая и практическая проблема России в современных условиях: Монография. М.: ИНФРА-М, 2013.

Александр Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. №3. С.5-40.

Александр Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М.: Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2013.

Александр Дж., Смит Ф. Сильная программа в культурсоциологии // Социологическое обозрение. 2010. Т.9. №2.

Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998.

Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства // Неприкосновенный запас. 2011. №3(77). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/3/al3.html> (05.04.2015)

Амбарян А.В., Ильичев А.Б. Идеологическая трансформация современной российской политики // Власть. 2012. №11. С.88-91.

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001

Бади Б., Бирнбаум П. Переосмысление социологии государства // Международный журнал социальных наук. 1994. № 4 (7).

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.

Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001.

Бендикс Р. Образ общества у Макса Вебера / Вебер М. Избранное: Образ общества. СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2012.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995.

Бикбов А. Пространственная схема аналитики Фуко: социальное объяснение как инструмент разрыва с горизонтом обыденной очевидности / Мишель Фуко и Россия: Сб. статей. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2001.

Болтански Л. Тевено Т. Критика и обоснование справедливости: Очерки социология градов. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

Болтански Л. Тевено Л. Социология критической способности. Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Том III. № 3.

Брубейкер, Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.

Бурдьё П. Практический смысл. СПб.: Алетейя, 2001.

Бурдьё П. Различение. Социальная критика суждения. // Экономическая социология. 2006. Т.6. №3.

Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.; Алетейя, 2014.

Бурдьё П. Социология политики. М., 1993. С. 209.

Бурдьё П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии, 2007.

Бурдьё П. Структура, габитус, практика URL:
<http://www.old.jourssa.ru/1998/2/4bourd.html> (18.02.2015)

Валлерстайн И. Конструирование народа: раса, нация, этническая группа / Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004.

Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006.

Васильев А.Д. Современное мифотворчество и российская телевизионная словесность. М.: ЛЕНАНД, 2014.

Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

Вебер М. Основные понятия стратификации. URL:
http://ecsocman.hse.ru/data/254/578/1217/020_veber.pdf (15.02.2015)

Вебер М. Основные социологические понятия //Западно-европейская социология XIX - начала XX веков. М., 1996.

Вернадский Г.В. Монгольское иго в русской истории // Евразийский временник. Кн. 5. Париж, 1927.

Волков В.В., Хархордин О.В. Социология Болтански-Тевено: миры и режимы // Теория практик. Глава 13. СПб. : ЕУСПб, 2008.

Волков В.В. Хархордин О.В. Теория практик. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008.

Ворожейкина Т.Е. Государство и общество в России исчерпание государственно-центричной матрицы развития // Полис (Политические исследования). 2002. №2. С.34-42.

Вульф К. К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал. СПб.: Интерсоцис, 2009.

Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991.

Гидденс Э. Стратификация и классовая структура. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/809/658/1216/011.GIDDENS.pdf> (24.02.2015)

Гиддингс Э. Основания социологии: анализ явлений ассоциации и социальной организации. М.: КРАСАНД, 2012.

Глобализация и социальные институты: социологический подход. Ин-т социологии РАН. М.: Наука, 2010.

Гоббс Т. Левиафан. М.: Изд-во «Мысль», 2001.

Голднер А.У. Наступающий кризис западной социологии. СПб.: «НАУКА», 2003.

Голенкова З.Т. Социальная структура общества и социальная стратификация // Специальный выпуск «Теория, методология и история социологии»: прил. к журн. «Философ. Науки». М.: Гуманитарий, 2011.

Голенкова З.Т. Игитханян Е.Д. Процессы интеграции и дезинтеграции в социальной структуре Российского общества // Социологические исследования. 1999. № 9.

Головашина О.В. Национальная идентичность в России: базовая модель // Fractal Simulation. 2011. №2. С.64-73.

Головашина О.В. Русские не хотят становиться россиянами: перспективы формирования государственной нации в России // Ineternum. 2011. №2. С. 56-62.

Гололобов И.В. Теория политического дискурса Эрнесто Лаклау: Введение // Бюллетень: антропология, меньшинства, мультикультурализм. Краснодар, 2003.

Горобцова А.В. Квачев В.Г. Эволюция теорий социокультурного регулирования // Государственное управление. Электронный вестник. 2014. № 44. С.6-22

Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Изд. Дом. Гос. Ун-та – Высшей школы экономики, 2010.

Горшков М. К., Мареева С. В. О чем мечтают россияне? // Образование, наука, культура в современном мире: Материалы Международной научной веб-конференции «Базовые идеи ЮНЕСКО в современном образовании, культуре и науке». М.: Пашков дом, 2014.

Горшков М. К. Российская идентичность в контексте западноевропейской культуры // Власть. 2013. №1. С. 9-14.

Гофман А.Б. В поисках утраченной идентичности: традиции, традиционализм и национальная идентичность // Вопросы социальной теории. 2010. Том IV. С.241-254.

Гофман А.Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социальная солидарность и альтруизм: Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования. М., 2014.

Гофман А.Б. Социология Эмиля Дюркгейма / Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М.: ТЕРРА, 2008.

Гражданская, этническая и региональная идентичность: вчера, сегодня, завтра. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013.

Грамши А. Тюремные тетради / Грамши А. Искусство и политика: В 2-х т. Т. I. М.: Искусство, 1991.

Гринин Л.Е. Государство и исторический процесс. Эволюция государственности: от раннего государства к зрелому. М., 2007.

Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // «Неприкосновенный запас». 2005. №2-3(40-41).

Гудков, Л. «Доверие» в России: смысл, функции, структура // Вестник общественного мнения. 2012. Вып. 2.

Данилова Е.Н. Ядов В.А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ // Социологические исследования. №10, 2004. С. 27-30.

Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. №5, 1994.

Двадцать лет реформ глазами россиян / аналитический доклад Института Социологии РАН. М., 2011. С.159-166.

Дейк Т. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2013.

Делёз Ж. Фуко. М.: Издательство гуманитарной литературы, 1998.

Делёз Ж. Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010.

Джозеф Дж. Язык и национальная идентичность // Логос. 2005. 4(49). С.21-47.

Дискин И.Е. Что впереди? Россия, которая (все еще) возможна. М.: Политическая энциклопедия, 2014.

Дробижева Л.М. Российская идентичность и согласие в межнациональных отношениях: опыт 20 лет реформ // Вестник российской нации. 2012.Т. 24-25. №4-5. С.17-34

Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.

Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни / Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. / Пер. с англ., нем., фр. Сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. М.: Канон+, 1998.

Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, назначение. М.: ТЕПРА – Книжный клуб, 2008.

Зарецкий Ю.П. История, память, национальная идентичность // Неприкосновенный запас. 2008. №3. С. 39-48

Ефимов Г.И. Взаимодействие государства и гражданского общества в современной России. М.: Вече, 2008.

Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.: Художественный журнал, 1999.

Заславская Т.И. Социальная структура современного российского общества. URL: http://bib.convdocs.org/docs/17/16189/conv_1/file1.pdf (17.02.2015)

Здравомыслов А.Г. Власть и общество в России: кризис 90-х годов // Общественные науки и современность. 2000. №6. С. 27.

Инфраструктура свободы: общие вещи и res publica: коллективная монография. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013.

Каменчук О.Н. Федоров В.В. Война, ставшая Великой и Отечественной: о восприятии Второй мировой войны в российском обществе. URL: http://www.mgimo.ru/victory65/documents/1-kamenchuk-fedorov_perception-war-in-russia.pdf (10.02.2015)

Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000.

Касториадис, К. Воображаемое установление общества. М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 2003.

Киркин А.Н. Формирование образа государства в политическом сознании россиян: особенности и тенденции / Автореферат диссертации на соискание ученой степени. М., 2006.

Клачков П.В. Подъяпольский С.А. Гуманитарные технологии и целостность государства. М.: ЛЕНАНД, 2014.

Клементьев Д.С. Метаморфозы справедливости // Стратегия России. 2012. №11.

Клементьев Д.С. Российское общество в интеграционном процессе формирования евразийского пространства // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2013. №3.

Клементьев Д.С. Социология и психология управления. М.: Аргамак-медиа, 2014.

Козер Л. Функции социального конфликта //Американская социологическая мысль. М., 1996.

Коркюф Ф. Новые социологии. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2002.

Косов Г.В., Паслер О.В. Модели взаимодействия гражданского общества и государства в глобальной общественно-политической системе: монография. Ставрополь: Ставролит, 2010.

Кравченко С.А. Культуральная социология Дж. Александера (генезис, понятия, возможности инструментария) // Социологические исследования, №5. Май 2010.

Курилла И. Политическое «использование истории» в современной России // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, 2012. №1. С. 155-159.

Лакло Э. Невозможность общества. URL: http://www.ruthenia.ru/logos/kofr/2002/2002_14.htm (05.05.2015)

Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2014.

Левашов В.К.. Социополитическая динамика российского общества (2000-2006). М.: Academia, 2007.

Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. М.: РОССПЭН, 2001.

Литвинов В.А. Основы национальной безопасности России. М.: ЛЕНАНД, 2014.

Локк Дж. Два трактата о правлении / Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988.

Луман Н. Общество как социальная система. Пер. с нем./ А. Антоновский. М: Издательство «Логос», 2004.

Луман Н. «Что происходит?» и «Что за этим кроется?». Две социологии и теория общества // Социологическое обозрение. 2007. Т.6. №3.

Лукач Г. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике. М.: Логос-Альтера, 2003.

Малинова О.Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики современной России: монография. М., 2013.

Мамут Л.С. Государство: полюсы представлений. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/452/724/1216/005_Mamut.pdf (20.02.2015)

Мамут Л.С. Образ государства как алгоритм политического поведения // Общественные науки и современность. 1998.№6. С. 85-97.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. М.: Государственное изд-во политической литературы, 1955.

Мертон Р.. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006.

Муфф Ш. К агонической модели демократии // Логос. 2004. №2 (42).

Национальная идентичность в русской культуре. М.: Политическая энциклопедия, 2014.

От Ельцина до Путина: три эпохи в историческом сознании россиян. М.: ВЦИОМ, 2007.

Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проспект, 2002.

Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998.

Пастухов В.Б. Россия в поисках «нового времени» // Общественные науки и современность. 2012. №1. С.56-68.

Перегудов С.П. «Русский вопрос» в контексте этнонациональных отношений в РФ. - Полис. Политические исследования. 2013. № 3. С. 74-86

Перегудов С.П. Национально-государственная идентичность и проблемы консолидации российского государства // Полис. 2011. № 3. С. 141-163.

Пляйс Я. А. «Суверенная демократия» - новый концепт партии власти // Власть. 2008. №4. С.24-32.

Подъячев К.В. Обращения граждан в органы власти и гражданское участие в России (Обращения граждан в органы власти как форма влияния на принятие политических решений) URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Podyachev.pdf> (2.03.2015)

Проблемы идентичности в контексте современной эпохи: монография/ под редакцией И.Г. Палий, О.А. Богдановой. Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2013.

Пушкарева Г.В. Homo politicus: человек политический. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2014.

Райт Э.О. Марксистские концепции классовой структуры. URL: http://scepsis.net/library/id_608.html (22.02.2015)

Реальная Россия: социальная стратификация современного российского общества. М.: «Журнал Эксперт», 2006.

Родоман Б.Б. Образы государства, внедряемые в массовое сознание // Куда идет Россия? Общее и особенное в современном развитии. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 1997.

Розов Н.С. Роль воображения в социально-историческом развитии: онтология механизмов модернизации. МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2012. № 3. С.242-254.

Роллз Д. Теория справедливости. М.: Издательство ЛКИ, 2010.

Романович Н.А. Образ власти: противоречия традиционной и современной моделей // Вестник ВГУ, Серия: История, политология, социология. 2009. №2.

Романович Н.А. Реконструкция образа государства в социальной памяти // Регион: системы, экономика, управление . №3. 2014.

Романович Н.А. Формирование и воспроизводство образа власти в российском обществе. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2009.

Рыженков С.И. Локальные режимы и «вертикаль власти» // Неприкосновенный запас. 2010. №2 (70). С.49-52.

Рэндалл К. Макроистория: Очерки социологии большой длительности. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015.

Семененко И.С. Дилеммы национальной идентичности: политические риски и социальные приобретения // Полис. 2009. №6. С.8-23.

Семененко И.С. Культура, общество и образ России. URL: <http://magazines.russ.ru/nz%20/2007/1/se5-pr.html> (9.02.2015)

Семененко И.С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности. URL: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2008/5/2.pdf> (9.02.2015)

Симон Г. Мертвый хватает живого. Основы политической культуры в России / Общественные науки и современность. № 6. 1996. С.29-43.

Слободяник Н.Я. Конструирование идентичности в политическом дискурсе: к вопросу о роли социального антагонизма (О концепции политического дискурса Лаклау и Муффа) // Политическая лингвистика. Вып 2

(22). Екатеринбург, 2007. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/slobodyanik-07.htm> (9.02.2015)

Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы / Доклад ВЦИОМ. URL: http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Russian_Identity_2013_rus.pdf (12.08.2015)

Соловьев А.И. Три облика государства – три стратегии гражданского общества. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Solovyov_1996_6.pdf (5.05.2015)

Сорокин П. Система социологии. М.: Астрель, 2008

Социальная динамика: российский контекст. Преодоление социальной несправедливости. М.: ЛЕЛАНД, 2014.

Социальное расслоение и его воспроизводство в современной России / Шкаратан О.И. (руководитель авторского коллектива), Бондаренко В.А., Крельберг Ю.М. Сергеев Н.В. М.: ГУ ВШЭ, 2003.

Спенсер Г. Основания социологии: Данные социологии. Индукция социологии. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.

Спиридонова В.И. Проблема государства: эволюция западной политико-философской мысли. URL: http://iph.ras.ru/uplfile/root/biblio/pp/ppy_1/9.pdf (10.02.2015)

Спиридонова В.И. Эволюция идеи государства в западной и российской социально-философской мысли. М.: ИФ РАН, 2008.

Ставропольский Ю.В. Социология этнокультурной идентичности в поликультурном обществе. М.: Издательство «Перо», 2015.

Тевено Л. Креативные конфигурации в гуманитарных науках и конфигурации социальной общности. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/77/teve22.html> (11.06.2015)

Тевено Л. Наука жить вместе в этом мире // Неприкосновенный запас. 2004. №3(35). URL: <http://magazines.russ.ru:81/nz/2004/35/teve2.html> (28.02.2015)

Тевено Л. Рациональность или социальные нормы: преодоленное противоречие? // Экономическая социология. 2001. Т.2. №1. С. 115. С.188-122.

Турен А. Социология без общества // Социологические исследования. 2004. № 7.

Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности XXI столетия. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2012.

Федякин А.В. Образ государства: теоретико-методологические аспекты / Аспекты: Сб. ст. по филос. проблемам истории и современности. Вып. III. М.: Современные тетради, 2005.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.

Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций, прочитанных в Колледже Франс в 1975-1976 учебном году. М., 2005.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2006.

Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Праксис, 2010.

Хархордин О.В. Прагматический поворот: социология Л. Болтански и Л. Тевено. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/113/878/1219/006_Harhordin_32-42.pdf (11.04.2015)

Хархордин О.В. Что такое «государство»? Русский термин в европейском контексте // Понятие государства в четырех языках: Сб. статей / Под ред. О. Хархордина. СПб.; М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге: Летний сад, 2002.

Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. М.: Издательство «Алетейя», 1998.

Черныш М.Ф. Национальная идентичность: особенности эволюции // Социологический журнал. 1995. №2. С.110-114.

Шатин Ю.В. Исторический нарратив и мифология XX столетия // Критика и семиотика. 2002. Вып. 5. С.100-108.

Шестопап Е.Б. Новые тенденции восприятия власти в России. URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Shestopal-2005-3.pdf> (5.08.2015)

Шестопап Е.Б. Образы российской власти: От Ельцина до Путина. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.

Шматко Н.А. Плюрализация социального порядка и социальная топология // Социологические исследования. 2001. №9. С.14-19.

Шмитт К. Государство и политическая форм. М.: Изд. Дом Гос. Ун-та – Высшей школы экономики, 2010.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // По изданию: Маркс К., Энгельс Ф.; Избранные произведения. В 3-х т. Т. 3. М.: «Политиздат», 1986.

Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий. Сборник статей / под ред. Ф. Барта. М.: Новое издательство, 2006.

Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. №1. С.35-52

Публикации на английском языке

Abric J C. Central system, peripheral system: their function and roles in the dynamic of social representations // Papers on Social Representations. 1993. 2, 75-78.

Alexander J. The reality of reduction: the failed synthesis of Pierre Bourdieu / Alexander J. Fin de Siecle Social Theory: relativism, reduction and the problem of reason. London: Verso, 1995.

Appadurai A. Modernity At Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis, 1996.

Balibar E., Wallerstein I. Race, nation, class. London: Verso, 1991.

Bauman Z. Is there a Postmodern Sociology? / The Postmodern Turn. Cambridge, 1998.

Blau P. Structural effects // American Sociological Review. 1960.Vol. 25, №2 Apr.

Blau P.M. A macrosociological theory of social structure. URL: <http://homepage.ntu.edu.tw/~khsu/network/reading/blau.pdf> (22.02.2015)

Boltanski L. Thevenot L. On justification: economies of worth. Paris: Editions Gallimard, 1991.

Burt R. The Social Capital of structural holes / New Directions in Economic Sociology. N.Y.: Russel Sage Foundation, 2001.

Castells, M. The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture, Vol. I. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1996.

Cohen A.P. Boundary consciousness: Politicizing Cultural Identity / The frontiers of Europe. London: Wellington House, 1998.

Coleman J.S. Power and the Structure of Society. New York: Norton, 1974.

Collins R. Conflict Sociology: A Sociological Classic Updated. Abridged and updated by Stephen K. Sanderson. Boulder CO: Paradigm Publishers, 2009.

Cultural Trauma and Collective Identity / by Alexander, J.C., Eyerman R., Giesen B., Smelser N.J., Sztompka P., Wittrock B. London: University of California Press, 2004.

Fairclough N. Language and Power. Harlow: Person Education Ltd., 2001.

Hall S. The work of representation / Representation: Cultural Representations and Signifying Practices. Milton Keynes: The open University, 1997.

The Hofstede centre / Official web-site. URL: <http://geert-hofstede.com/russia.html> (01.08.2015).

Jones S.S. General Introduction: Reflections on the interpretation of Durkheim in the sociological tradition / Emile Durkheim: Critical assessments of leading sociologists. T.1. London: Routledge, 2001.

Lukes S. Political ritual and social integration / Sociology. 1975.Vol. 9. No. 2. May.

Mitchell T. Society, economy and the state effect / The anthropology of the state: a reader. Oxford: Blackwell Publishing, 2006.

Morrison K. Marx, Durkheim, Weber: Formations of Modern Social Thought. London, 2006.

Ross A. On The Concept "State" and "State Organs" in Constitutional Law. URL: <http://www.scandinavianlaw.se/pdf/5-6.pdf> (14.07.2015)

Schatzki T.R. Practice minded orders / The practice Turn in contemporary Theory. London and New York: Routledge, 2001.

Schmaus W. Meaning and Representation in the Social Sciences / Durkheim and Representations. London: Routledge, 2000.

Scott J.C. Domination and the art of resistance: hidden transcripts. Yale University Press, 1992.

Smith A. D. The theories of nationalism. New York: Harper and Row, 1971.

Thompson R.H. Theories of Ethnicity: A Critical Appraisal. New York : Greenwood Press, 1989.

Weber M. Economy and Society. London, University of California Press, 1978.

**Публикации исследовательских центров, архивы и базы данных
социологических исследований**

База данных ВЦИОМ «Доверие политикам». URL:
<http://wciom.ru/confidence-politicians/> (2.03.2015)

База данных ВЦИОМ «Одобрение государственных институтов». URL:
<http://wciom.ru/ratings-state-institutions/> (2.03.2015)

Важные праздники / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL:
<http://www.levada.ru/20-02-2014/vazhnye-prazdniki> (2.03.2015)

Великая отечественная война / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL:
<http://www.levada.ru/29-04-2015/velikaya-otechestvennaya-voina> (5.05.2015)

Взаимодействие граждан и государства / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/06-04-2015/vzaimodeistvie-grazhdan-i-gosudarstva> (2.03.2015)

Взаимодействие между гражданами и государством / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/10-09-2014/vzaimodeistvie-mezhdu-grazhdanami-i-gosudarstvom> (2.03.2015)

Внешнеполитические враги и партнеры России / Пресс-выпуск «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/21-10-2014/vneshnepoliticheskie-vragi-i-partnery-rossii> (2.03.2015)

Внешнеполитические враги и партнеры России // Пресс-выпуск «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/21-10-2014/vneshnepoliticheskie-vragi-i-partnery-rossii> (2.03.2015)

Демократия в России: установки населения / Д. Волков, С. Гончаров. 2015. URL: http://www.levada.ru/sites/default/files/report_fin.pdf (27.08.2015)

Доверие к власти и официальной статистике / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/19-08-2015/doverie-k-vlasti-i-ofitsialnoi-statistike> (28.08.2015)

Доверие институтам власти // Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/13-11-2014/doverie-institutam-vlasti> (2.03.2015)

Идентичность россиян / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/20-09-2013/identichnost-rossiyan> (2.03.2015)

Индекс «Оценка текущего положения дел в стране» / Индексы «Левада-центра» URL: <http://www.levada.ru/indeksy> (2.06.2015)

Интернет не смог заменить россиянам ТВ в качестве источника информации / Публикации прессы. Официальный сайт «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/18-06-2014/internet-ne-smog-zamenit-rossiyanam-tv-v-kachestve-istochnika-informatsii> (2.03.2015)

Коррупционный скандал вокруг Сердюкова / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/03-12-2012/korrupsionnyi-skandal-vokrug-serdyukova> (2.03.2015)

Коррупция и бюрократизм / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/19-05-2014/korrupsiya-i-byurokratizm> (2.03.2015)

Крым и расширение российских границ // Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/23-03-2015/krym-i-rasshirenie-rossiiskikh-granits> (8.08.2015)

Ксенофобия и национализм / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/25-08-2015/ksenofobiya-i-natsionalizm> (30.08.2015)

Население придерживается цельных взглядов / Публикации в прессе «Левада-центра» <http://www.levada.ru/28-11-2013/naselenie-priderzhivaetsya-tselnykh-vzglyadov> (2.03.2015)

Необходимость политической оппозиции и поддержка «оппозиционных» требований / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/27-02-2015/neobkhodimost-politicheskoi-oppozitsii-i-podderzhka-oppozitsionnykh-trebovanii> (2.03.2015)

Неравенство и доходы // Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/14-07-2015/neravenstvo-i-dokhody> (01.08.2015)

Нужна ли России демократия? / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/28-10-2014/nuzhna-li-rossii-demokratiya> (2.03.2015)

О территории России и ее целостности / сайт «Фонда общественное мнение». URL: <http://fom.ru/Politika/11086> (2.03.2015)

Особый российский путь / Пресс-выпуск «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/07-04-2014/osobyi-rossiiskii-put> (2.03.2015)

Оценки деятельности руководства страны / Пресс-выпуск «Левада-центра» URL: <http://www.levada.ru/30-10-2014/otsenki-deyatelnosti-rukovodstva-strany> (2.03.2015)

Оценка итогов Великой Отечественной войны / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL <http://www.levada.ru/20-06-2014/otsenka-itogov-velikoi-otechestvennoi-voiny> (2.03.2015)

Позиции России на мировой арене / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/17-03-2014/pozitsii-rossii-na-mirovoi-arene> (2.03.2015)

Пресс-выпуск №1079. «Главные события двадцатого века» / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=10879> (2.03.2015)

Пресс-выпуск №2014. «День Победы - праздник для всех» / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=112756> (2.03.2015)

Пресс-выпуск №2180. «Можно ли победить коррупцию?» / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113434> (2.03.2015)

Пресс-выпуск №2332. «Куда ж нам плыть? Будущее России глазами ее граждан» / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=114258> (2.03.2015)

Пресс-выпуск №2346. «Социальная справедливость: как мы ее понимаем» / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114297> (12.08.2015)

Пресс-выпуск №2445. «4 ноября: национальный праздник – или просто выходной» / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114589> (2.03.2015)

Пресс-выпуск №2543. «Крым в России: восстановление исторической справедливости» / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114754> (2.03.2015)

Пресс-выпуск №2551. «Порядок или демократия?» / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=114767> (12.05.2015)

Пресс-выпуск №2570. «Россия – Великая держава?» / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=114807> (2.03.2015)

Пресс-выпуск №2593. «Россия – великая держава?» / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=114840> (2.03.2015)

Пресс-выпуск №2604. «Что значит быть патриотом?» / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=114857> (25.02.2015)

Пресс-выпуск №2607. «Великая Отечественная война – в рассказах и фильмах» / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114864> (2.03.2015)

Пресс-выпуск №2611. «Россия – общий дом для разных народов» / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=114874> (2.03.2015)

Пресс-выпуск №2653. «Символы России: знаем и гордимся» / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=114943> (2.03.2015)

Пресс-выпуск №2689. «Образ России в мире: сила, независимость, отзывчивость» / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=115015> (2.03.2015)

Пресс-выпуск №2706. «Народное единство: что это такое и как его достичь?» / Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115040> (2.03.2015)

Пресс-выпуск №2772. «Распределение доходов в обществе: государственное регулирование или рыночный механизм?» // Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=115143> (2.03.2015)

Пресс-выпуск №2861. Церковь и общество: вместе или порознь? // Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115295> (05.08.2015)

Пресс-выпуск №2878. Богатые и бедные – вчера и сегодня // Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115317> (22.07.2015)

Пресс-выпуск №2881. Консерватизм: стабильность или застой? // Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115320> (23.07.2015)

Пресс-выпуск №2898. Как нам отрегулировать Рунет? // Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115344> (05.09.2015)

Пресс-выпуск №2914. «Человек с ружьем» и политика // Пресс-выпуски ВЦИОМ. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115362> (05.08.2015)

Присоединение Крыма к России // Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/02-09-2014/prisoedinenie-kryma-k-rossii> (2.03.2015)

Протестная активность россиян и отношение к «пятой колонне» / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/11-07-2014/protestnaya-aktivnost-rossiyan-i-otnoshenie-k-pyatoi-kolonne> (2.03.2015)

Протестный потенциал и восприятие власти // Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/07-07-2015/protestnyi-potentsial-i-vozpriyatie-vlasti> (01.08.2015)

Прямая линия. Апрель 2015 / сайт ФОМ. URL: <http://fom.ru/Politika/12138> (27.09.2015)

Путин 3.0: как изменилось восприятие президента за 15 лет // Публикации в прессе «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/27-03-2015/putin-30-kak-izmenilos-vozpriyatie-prezidenta-za-15-let> (12.08.2015)

Распределение ответов на вопрос «Почему Вы считаете, что Майдан в России невозможен? (открытый вопрос, любое число ответов)» / База данных опросов ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1011&q_id=69580&date=22.02.2015 (2.03.2015)

Распределение ответов на вопрос: «Скажите, пожалуйста, если бы в ближайшее воскресенье состоялись выборы в Государственную Думу России, за какую из следующих партий Вы бы, скорее всего, проголосовали?»

(закрытый вопрос, один ответ)» / База данных ВЦИОМ. URL:
http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1000&q_id=68732&date=18.01.2015
(2.03.2015)

Распределение ответов на вопрос «Какая форма правления, на ваш взгляд, в наибольшей степени подходит для российского государства? (закрытый вопрос, один вариант ответа)», от 10 марта 2014 г. / Архив ВЦИОМ. URL:
http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=897&q_id=62373&date=10.03.2013
(15.08.2015)

Распределение ответов на вопрос «Какими качествами нынешняя российская власть, по вашему мнению, обладает? Выберите три качества, присущих современной российской власти в наибольшей степени (закрытый вопрос, не более трех ответов)», от 27 апреля 2014 г. / Архив ВЦИОМ. URL:
http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=960&q_id=65913&date=27.04.2014
(15.08.2015)

Распределение ответов на вопрос «Как, по-Вашему, эти санкции отразились на нашей стране?», от 15 февраля 2015 г. / База данных ВЦИОМ. URL:
http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1010&q_id=69493&date=15.02.2015
(15.02.2015)

Распределение ответов на вопрос «Какую процедуру передачи власти в России Вы бы скорее поддержали? (закрытый вопрос, один ответ)», от 19 января 2014 г. / Архив ВЦИОМ. URL:
http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=945&q_id=64869&date=19.01.2014
(2.03.2015)

Распределение ответов на вопрос «Партию/кандидата, выдвигающую какие лозунги, Вы бы поддержали в первую очередь? (закрытый вопрос, не более двух ответов)», от 11 мая 2014 г. / Архив ВЦИОМ. URL:

http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=961&q_id=65988&date=11.05.2014
(2.03.2015)

Распределение ответов на вопрос «Посмотрите, пожалуйста, на следующий список характеристик (качеств) и выберите три из них, которые, по-Вашему, наиболее важны для того, чтобы можно было признать власть «идеальной» или «высококачественной»? (закрытый вопрос, не более трех ответов)», от 27 апреля 2014 г. / Архив ВЦИОМ. URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=960&q_id=65911&date=27.04.2014
(2.03.2015)

Россияне о взаимодействии с властью / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/29-04-2014/rossiyane-o-vzaimodeistvii-s-vlastyu>
(27.08.2015)

Россияне о сильном лидере и единовластии / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/08-04-2014/rossiyane-o-silnom-lidere-i-edinovlastii> (2.03.2015)

Санкции Запада: последствия и реакция / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/03-02-2015/sanktsii-zapada-posledstviya-i-reaktsiya> (8.08.2015)

Символика с изображением Владимира Путина // Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/05-03-2015/simvolika-s-izobrazheniem-vladimira-putina> (2.03.2015)

Ситуация в России: оценки и ожидания / Пресс-выпуски «Левада-центра». URL: <http://www.levada.ru/18-02-2014/situatsiya-v-rossii-otsenki-i-ozhidaniya> (2.03.2015)

Современная российская идентичность: измерения, вызовы, ответы / Доклад ВЦИОМ. URL: http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Russian_Identity_2013_rus.pdf (2.03.2015)

Сталин и его роль в истории страны / Пресс-выпуски «Левада-центра».
URL: <http://www.levada.ru/31-03-2015/stalin-i-ego-rol-v-istorii-strany> (8.08.2015)

Телевидение: доверие и функции / Пресс-выпуски «Левада-центра».
URL: <http://www.levada.ru/14-08-2015/televidenie-doverie-i-funktsii> (28.08.2015)

Many Russians agree that it is natural for them to have an empire / PEW research center. URL: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2014/03/04/many-russians-agree-that-it-is-natural-for-them-to-have-an-empire/> (2.03.2015)

Публикации в СМИ и другие источники

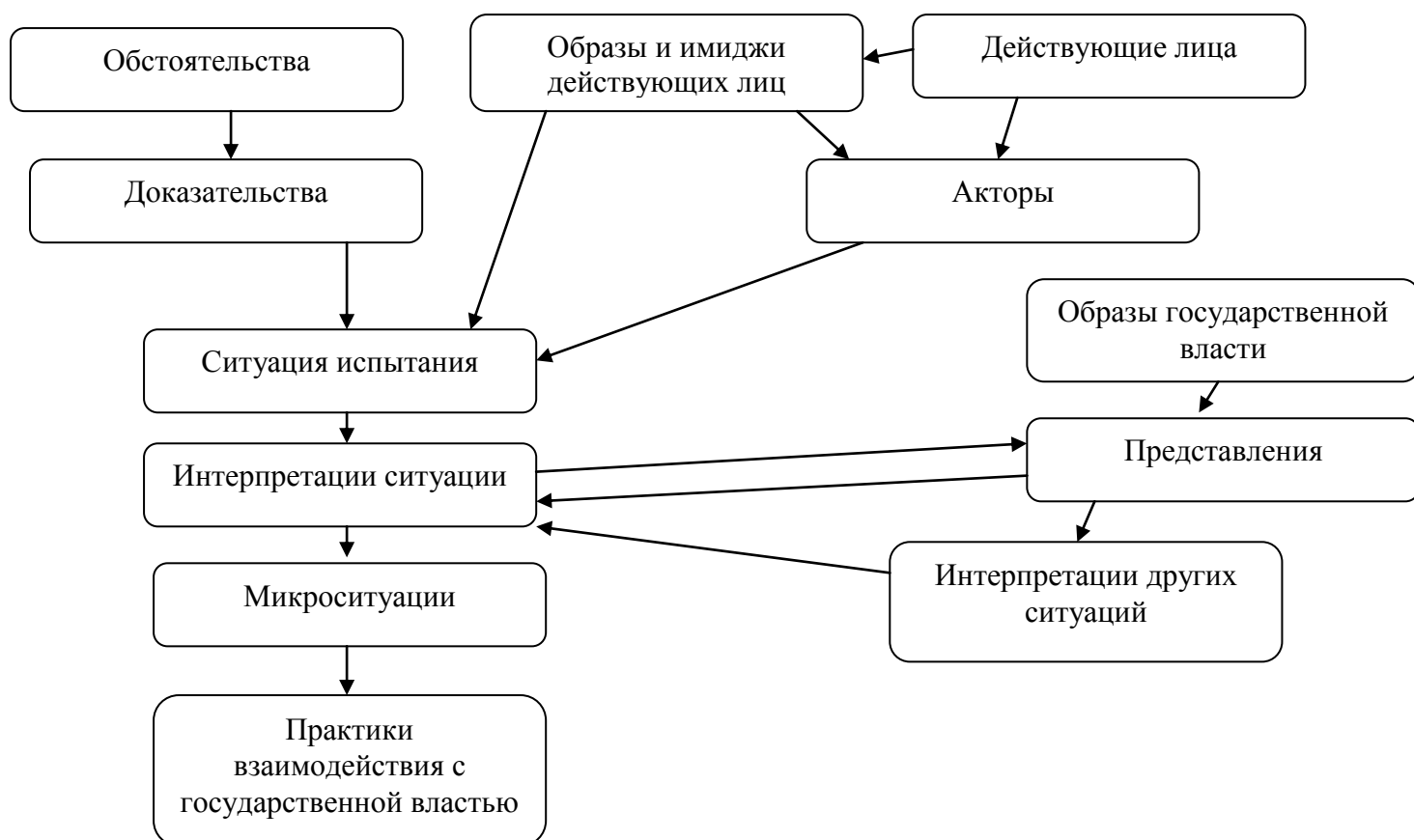
«Есть Путин – есть Россия, нет Путина – нет России» / газета «Известия». URL: <http://izvestia.ru/news/578379> (26.02.2015)

«Политики из команды Путина находятся внутри его рейтинга...» / Публикации. Фонд развития гражданского общества. URL: <http://civilfund.ru/publication/48> (26.02.2015)

Пресс-конференция Владимира Путина 18 декабря 2014 года // Телеканал Russia Today. URL: <http://russian.rt.com/article/65058> (25.02.2015)

Утверждены Основы государственной культурной политики / Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/47325> (09.04.2015)

Приложение 1. Интерпретация ситуации испытания

Приложение 2. Опросная анкета

1. Не спрашивая, отметьте пол респондента ☐м ☐ж
2. Скажите, пожалуйста, сколько Вам полных лет? _____
3. Скажите, пожалуйста, к какой из групп населения Вы можете себя отнести?
 - ☐ Нам не хватает денег даже на питание.
 - ☐ Нам хватает денег на питание, но не хватает на одежду.
 - ☐ Денег на питание и одежду хватает, но покупка более дорогих вещей, таких как телевизор или холодильник, вызывает у нас проблемы.
 - ☐ Мы можем купить такие вещи, как холодильник или телевизор, но не можем купить автомобиль.
 - ☐ Мы можем купить автомобиль, но не можем сказать, что вообще не стеснены в средствах.
 - ☐ Мы можем ни в чем себе не отказывать.
4. Скажите, пожалуйста, есть ли у Вас опыт участия в некоммерческих организациях, волонтерских движениях, и если да, то в каких?
 - ☐ Нет
 - ☐ Да (в каких?)

5. Скажите, пожалуйста, согласны Вы или нет со следующими утверждениями?

	Согласен полностью	Скорее согласен	Скорее не согласен	Не согласен полностью	Затрудняюсь ответить
Присоединение Крыма это успех России	4	3	2	1	0
Россия должна ориентироваться на европейский путь развития	4	3	2	1	0
Большинству людей можно доверять	4	3	2	1	0
Россия должна быть национальным государством с основополагающей ролью русского народа	4	3	2	1	0
Каждый человек должен сам достигать своего благополучия, не надеяться на помощь государства	4	3	2	1	0
Государство должно уравнивать доходы	4	3	2	1	0

людей, обеспечивать их благосостояние					
Государство в целом более компетентно, чем общество или отдельные граждане, поэтому может лучше ставить цели и задачи, прогнозировать последствия	4	3	2	1	0
Российское общество недостаточно самостоятельно и зрело для демократии	4	3	2	1	0
Критика государства и его действий может быть угрозой для общества	4	3	2	1	0
Государство должно устанавливать моральные, нравственные и духовные стандарты и ограничения для фильмов, книг, искусства, СМИ.	4	3	2	1	0
Ради интересов государства, общества можно пожертвовать интересами отдельного человека					
Борьба государства с терроризмом и преступностью в некоторых случаях может быть важнее соблюдения прав отдельного человека	4	3	2	1	0
Геополитические интересы государства в некоторых случаях может быть важнее соблюдения прав отдельного человека	4	3	2	1	0
Обеспечение порядка, борьба с коррупцией, в некоторых случаях может быть важнее соблюдения прав отдельного человека	4	3	2	1	0
Экономическое благополучие, экономическое развитие в некоторых случаях может быть важнее соблюдения прав отдельного человека	4	3	2	1	0